

Лисицына Татьяна

Я не могу проиграть

"Девочки с именем Виктория никогда не сдаются" - учил отец в то время, когда у них была лучшая на свете семья. Но мама неожиданно влюбилась, а отец погибает при странных обстоятельствах. Не желая терпеть отчима, шестнадцатилетняя школьница уходит из дома в самостоятельную жизнь, где будет все по-взрослому: любовь, одиночество, бизнес и первые победы.

Мне будет приятно, если эта история вдохновит кого-то изменить свою жизнь, подобно главной героине, и вы передадите ее другим. Ведь неважно сколько Вам лет и какие Вам достались родители, главное, что вы можете это изменить.

Весеннее солнце заливает ярким светом наш московский, ничем непримечательный дворик, но в мои шесть лет окружающий мир кажется мне прекрасным. Мой дружок Вадик и я играем в салки. Я бегу со всех ног, его дыхание у меня за спиной, делаю над собой усилие, прибавляю скорость. Почти лечу, до сих пор к моей радости, — а у Вадика мне еще ни разу не удавалось выиграть, — он не может меня догнать. Вдруг, не заметив камня, я спотыкаюсь и падаю на асфальт. Воспользовавшись моим поражением, Вадик дотрагивается до меня ладошкой и с криком «осалил» отбегает в сторону. Мне больно вдвойне: и от разбитых в кровь коленок, и от проигрыша в такой важной игре, и больше всего от неожиданности. От обиды я уже готова зареветь, но вдруг передо мной возникает отец, до этого сидевший на скамейке и наблюдающий за нашей беготней. Он поднимает меня и ставит на ноги. Я вижу разорванные колготки, кровь на разбитых коленках и несносного Вадика, показывающего мне язык. Поднимаю полные слёз глаза на папу, надеясь на сочувствие, но он спокойно говорит:

— Твое имя Виктория переводится как победа. Девочки с таким именем не имеют права плакать, они рождены, чтобы побеждать.

— Он никогда не догнал бы меня, если бы я не споткнулась, — обиженно говорю я, пиная камень.

Соседка, проходящая мимо нас с дочерью, моей ровесницей, показывает ей на меня и говорит:

— Посмотри, какая Вика умница: упала и не плачет. А ты всё время ревешь!

— Значит, ей можно плакать, а мне нет? — спрашиваю я папу.

Папа улыбается и берёт меня за руку.

— Ты много раз будешь падать, не обращай внимания на разбитые коленки, старайся победить.

Из его слов я понимаю, что сейчас должна доказать, что бегаю быстрее, чем какой-то мальчишка из нашего двора.

— Давай ещё раз наперегонки, — предлагаю я спрятавшемуся за деревом Вадiku. — Тот раз не считается, я споткнулась.

Он ухмыляется и смотрит на мои разбитые коленки.

— Мне, ну нисколько не больно! — уверяю его я. — Давай! Или... ты боишься?

— Я боюсь?! Ладно, — соглашается Вадик. — Давай до того дерева. Раз-два-три, — считает он, и мы несёмся вперед. Сначала он обгоняет меня, но я должна выиграть, кровь стучит в висках, ветер бьёт в лицо, но я первой касаюсь дерева.

— Папа, папа, ты видел?! Я победила! — кричу я на весь двор от радости, замечая, как посрамлённый Вадик ретируется со двора, а соседская девчонка смотрит на меня с завистью и восхищением.

Возможно, тогда я не полностью поняла, что пытался сказать мне отец, но тот восторг от детской победы я запомнила на всю жизнь, и с тех пор всегда стараюсь выиграть, и для меня безразлично, идёт ли речь о чём-то важном или просто об игре в карты.

Моё детство можно назвать счастливым. Я выросла в дружной семье: мои родители, как мне тогда казалось, любили друг друга и баловали меня. Мне позволяли всё или почти всё в разумных пределах. Моя жизнь не была насыщена запретами вроде «не ходи туда» и «не делай этого», и я никогда не испытывала страха перед наказанием. Дома было весело и моим друзьям нравилось приходить ко мне в гости.

Я родилась и выросла в Москве. Мы жили на седьмом этаже старинного дома по Новодевичьему проезду. Из окон нашей четырёхкомнатной квартиры открывался вид на Новодевичий монастырь и пруд.

Моя мама — известная пианистка: ей я обязана пониманием чудесного мира классической музыки. Моё детство прошло под мелодии замечательных композиторов: Баха и Бетховена, Чайковского и Шопена; мне повезло, я могла слушать их часами, когда мама готовилась к концертам. Огромный чёрный рояль стоял в просторной гостиной, и я любила, устроившись в кресле, наблюдать, как мамины изящные руки порхают над клавишами, унося меня в мир грез, где я была самой лучшей, самой смелой и самой красивой.

Профессию отца я назвала бы экзотической. Ученый-зоолог он не вылезал из командировок, изучая мир диких животных. Когда он был в отъезде, я ужасно скучала по нему и с нетерпением ожидала его рассказов.

Мои родители были абсолютно разными, как внешне, так и внутренне. Мама предпочитала классический стиль в одежде и строгую причёску, отец всегда и всюду ходил в джинсах, а его кудрявые волосы в беспорядке падали на плечи, нуждаясь то в стрижке, то в обычном гребне. Одна обожала «выходы в свет», другой предпочитал пикники на природе с друзьями.

Папа относился к маме, как к королеве, и это, конечно, ей льстило. Да и держалась она, как важная особа, начиная от поворота головы и царственной осанки до полного нежелания обременять себя хозяйственными делами. Когда папа уезжал — а он был прекрасным кулинаром — к нам приходила соседка, которая готовила и убирала. Я не любила её стряпню, поэтому рано начала экспериментировать у плиты сама. А мама, сидя на табурете с прямой спиной и легкой улыбкой, ела мои подгоревшие — я все время «висела» на телефоне, — и слишком острые, приправленные папины экзотическими специями, — кулинарные художества. Надо отдать маме должное: она ни разу не скривилась и всегда хвалила меня.

Отец считал меня способной, был уверен, что меня ждёт прекрасное будущее и всячески поддерживал мою самостоятельность. Он учил меня думать, искать нестандартные решения. Мы вместе занимались спортом, плавали, он научил меня водить машину и мотоцикл. Отец всегда говорил, что трудно предугадать, какие навыки и умения пригодятся в жизни, поэтому призывал меня учиться всему. Он и сам постоянно что-то изучал, читал, посещал всевозможные лекции и выписывал множество журналов. Папа говорил и читал на пяти языках, четыре из которых выучил самостоятельно. Я с раннего детства занималась в различных кружках и студиях: фигурное катание, балльные танцы, курсы скорочтения и французского языка. Так что моя жизнь была интересной и насыщенной.

Во дворе у нас была замечательная компания: пять девочек и трое мальчишек, так что при первой возможности я убегала гулять.

Позже, лет в четырнадцать-пятнадцать, мы начали играть в «любовь». Ольга, моя лучшая подружка, и я гордо отправлялись на прогулку, где нас поджидали те же мальчишки, с которыми мы пару лет назад играли в казаки-разбойники, а также их старшие братья. С кем только я не крутила романы, отвергая одноклассников, предпочитала встречаться с теми, кто уже закончил школу. Какое удовольствие мне доставляло мучить поклонников: ставить на колени за малейшую провинность и расстраивать из-за пустяков. Особенно мне нравился момент расставания. Я надевала красивое платье, делала взрослую причёску и макияж, и когда мой кавалер, говорил, что я особенно великолепна, объявляла, что это наш последний вечер. Конечно поклонник, ошарашенный от моей жестокости — бедняга вообразил, что я разоделась ради того, чтобы ему понравиться — умолял не покидать его, но я, входя в роль, гордо покидала его, предвкушая огромное удовольствие от того, что расскажу об этом подружкам и услышу завистливое: «Ты меняешь парней, как перчатки».

В тот день — по-весеннему тёплый и солнечный — я медленно возвращалась домой из школы. От нехорошего предчувствия сердце тоскливо сжималось. В кустах весело чирикали живые взъерошенные воробьи, на асфальте перед домом две девочки в белых гольфах прыгали в классики. Пожалев о том, что выросла из детских забав, я поднялась пешком на седьмой этаж и нажала кнопку звонка. Дверь открыла мама. Против обыкновения, она встретила меня без улыбки, словно чужую.

— Ты как раз вовремя, — сказала она, не глядя мне в глаза, — нам нужно поговорить.

Бросив в угол школьную потрепанную сумку, я прошлепала босиком за ней на кухню. На своём месте у окна сидел папа, показавшийся мне непривычно грустным.

— Привет! — я чмокнула его в щеку.

— Мама должна тебе кое-что рассказать, а я пройдуся, чтобы вам не мешать, — быстро сказал он, тоже пряча глаза.

Я опустила на краешек стула.

— Тебе не нужно уходить, — сказала мама. — Вика уже взрослая и будет лучше, если мы вместе всё обсудим.

— Мы вместе обсудим?! — повторил он. — Ты не понимаешь, что нас, — он сделал ударение на этом слове и горько усмехнулся, — нас больше нет.

Я ничего не понимала: это определённо были не мои родители, что-то изменилось, пока я была в школе.

— Мама! Папа! Что происходит? — я беспомощно переводила взгляд с одного на другого, но они не обращали на меня внимания.

— Имей мужество рассказать о том, что ты сделала с нами и о своей великой любви, — поморщился отец, вскакивая со стула. — Только не надейся, что наша дочь тебя поймет.

Хлопнула входная дверь, мы остались вдвоем с мамой. Какое-то время я молчала, потрясённая и убитая.

— Куда ушёл папа? — спросила я, нарушив молчание.

— Не знаю, — мама постукивала тонкими пальцами по столу, глядя в окно.

— Мам, что произошло? Вы поссорились?

— Дело в том, доченька, что мы с твоим папой разные люди, — начала она, по-

прежнему глядя в окно. — Да ты и сама это замечала. — Единственное, что объединяет нас — это ты, в остальном — каждый из нас уже давно живёт своей жизнью. Я — музыкой, гастрольями, концертами, а папа — своими экспедициями, в которых он проводит больше времени, чем с нами. А когда мы встречаемся, то уже не знаем, что делать вместе, такие разные у нас интересы. В общем, мы, — она сделала паузу и с трудом выговорила — решили развестись.

— Ерунда какая-то, — потрясла я головой. — Вы прожили вместе столько лет и теперь вдруг обнаружили, что не подходите друг другу? — Но до сих пор всё же было хорошо, вы даже не ссорились?!

Мама вздохнула и нервно стала постукивать длинными тонкими пальцами по столу, ей не хотелось ничего мне объяснять, но я должна была знать всю правду, какой бы горькой она не была, поэтому продолжала настаивать.

— Хорошо. Постарайся понять — ты уже взрослая — я полюбила другого человека и не могу больше оставаться с твоим отцом.

— Что? Ты влюбилась? — удивилась я. — Кто он? Кто может быть лучше папы? Кто ещё будет также любить тебя? — выкрикнула я, словно мы поменялись ролями.

— Его зовут Николай. Он играет на виолончели в нашем оркестре. Он замечательный, близок мне по духу, и у нас одно общее дело — музыка. Мы любим друг друга, и я, наконец, поняла, что такое счастье.

— А все эти годы ты была несчастной? — допрашивала её я. — А как же папа? Как он будет жить без тебя? — почему-то мне не пришла в голову мысль о себе, словно я уже была не с ними.

— Не знаю, доченька, — при упоминании о папе у неё стал виноватый вид. — Думаю, он привыкнет, он сильный. Встретит другую женщину, полюбит. Мужчины недолго остаются одни.

— Напрасно ты себя утешаешь, — сказала я. — Папа однолюб, он не сможет тебя забыть, и ты это знаешь.

Мама опустила глаза вниз и заморгала, пытаясь сдержать слезы. Я смотрела на неё, и у меня разрывалось сердце: мне было обидно за отца — моя мать, которую он так любил, предпочла ему другого. Моя семья была моей опорой, моей крепостью, и мне казалось, что у меня всегда будет этот дом, где живут самые близкие люди, которые меня любят и понимают. Я уже чувствовала себя потерянной и одинокой.

«Нас больше нет», — сказал папа, когда уходил, и я согласна с ним: теперь мы врозь — беззащитны и ранимы. Что чувствовал он, когда после семнадцати лет совместной жизни, всех его цветов подарков и бесконечных ухаживаний его жена заявила, что больше не любит его? Мне хотелось помочь ему, облегчить его боль, но он ушел, и я даже не знаю, навсегда ли это или на время. Неожиданно мне стало невыносимо сидеть на месте и смотреть на свою мать, на человека, который так поступил с нами. Я ощущала некое презрение к ней, как будто она сделала что-то постыдное. Влюбиться в тридцать пять лет?! Кому это может прийти в голову? Любовь в моём понимании имела право на существование только у молодых.

— Пойду на улицу, — бросила я и выскочила из-за стола, не дожидаясь ответа.

Не разбирая дороги, я шла по залитым солнцем улицам, от сладкого запаха сирени

кружилась голова, а я всё думала, как же мне жить дальше.

Долго бродила вокруг пруда и стен Новодевичьего монастыря, иногда плакала, иногда разговаривала сама с собой. В конце концов, решила, что после развода не останусь с матерью, а буду жить с отцом, куда бы он ни уехал.

Вернулась я поздно, дома никого не было, и я решила, что мама, наверное, с ним, со своим музыкантом. В груди поднялась волна ревности, следом за которой пришло любопытство — мне захотелось увидеть, как выглядит мужчина, разрушивший нашу семью? Может, мне удастся поговорить с ним, объяснить, что он не имеет права на маму, потому что она принадлежит другому? А вдруг, увидев меня, он и сам поймет, что у нее семья и что он не прав? С этой мыслью я легла в постель и пока не заснула, подбирала слова, которые скажу ему при встрече.

ГЛАВА 2

Оставшиеся до каникул дни я провела как во сне: плохо осознавая окружающее и не испытывая никаких желаний. Я ходила в школу, но совершенно не понимала, что объясняли учителя, разговаривала с подругами, но не слышала, что мне рассказывали, много гуляла, но не замечала ни весны, ни пения птиц. К счастью, экзаменов в десятом классе не было, а все важные контрольные уже были написаны раньше, иначе не знаю, с какими отметками я бы закончила год. Мысли постоянно кружили вокруг предстоящего развода родителей, и я не могла заставить себя учиться. Никому из подруг я не рассказывала об этом, не хотела их жалости, поэтому в компании старалась играть прежнюю себя: жизнерадостную и весёлую. Единственным, кто всё знал, был мой друг Вадик, который вырос без отца.

В нашей компании Вадим пользовался заслуженным авторитетом: не был маменькиным сыночком, несмотря на уважительное отношение к матери, хорошо учился, но не стал любимчиком учителей, часто выдумывал смешные проделки, но не прослыл хулиганом. С девочками он не встречался, вежливо давая понять, что женский пол его не интересует. Исключение составляла я: мы дружили с детского сада, учились в одном классе, поэтому общались, не обращая внимания на разницу полов. Я рассказывала ему о своих романах, Вадик давал ценные советы, утешал, когда я была расстроена, смеялся над моими ухажёрами и говорил, что никогда не влюбится в меня даже при полном истреблении женского населения. Так что мы действительно дружили, и нам не было дела до косых взглядов одноклассников.

Когда прежние забавы стали казаться мне пустыми, я стала больше времени проводить вдвоём с Вадиком. С ним мне не надо было притворяться, и я могла сколько угодно жаловаться и грустить. Мы садились в троллейбус и уезжали в центр. Раньше мы с папой много гуляли, он хорошо знал историю Москвы и во время наших прогулок выполнял по совместительству роль экскурсовода.

Теперь, уподобившись отцу, я рассказывала Вадике об улицах, домах и церквях. Он внимательно слушал меня, только больше смотрел на меня чем на то, о чём шла речь. Вероятно, ему нравилось быть со мной и, если бы я его тогда поцеловала, наша дружба бы закончилась. Но меня вполне устраивали именно такие отношения, и я не торопила события.

Как-то раз, решив отдохнуть, мы сели на скамейку на Никитском бульваре под цветущими каштанами. Уже не помню, о чем мы говорили, только Вадим вдруг повернулся ко мне и порывисто спросил:

- Ты решила, куда пойдёшь учиться?
- Пока нет, ещё есть время подумать. А ты?
- Никому не скажешь?
- Могила, — шутливо ответила я.
- Я хочу стать лётчиком. Мне снится иногда, что я лечу, управляя самолётом, а подо

мной облака, и вся эта большая машина повинуетя мне, а где-то там меня ждут люди, которых нужно спасти. — Он посмотрел на меня смущенно и взволнованно.

— Ты мечтатель, — я ласково погладила его по руке и шутливо добавила: — Книжек начитался, а в жизни всё не так. Ты будешь уставать и уже не будешь любоваться облаками. К тому же, чтобы стать летчиком, надо пройти медицинскую комиссию.

— Я не мечтатель! Я буду летать! Ты не веришь, что я смогу?! — слишком громко и запальчиво выкрикнул он.

Две старушки с соседней лавочки с осуждением посмотрели на нас.

— Главное, чтобы ты сам в себя верил. Просто я думаю, что романтика пройдет и останется тяжелый труд, и на облака ты будешь обращать внимания не больше, чем сейчас на асфальт из окна автобуса.

— Ты пессимистка, и это тебе не идет, — прервал меня Вадим.

— Извини, возможно, я не права. Сейчас у меня не лучшее время в жизни, и всё кажется серым, — я посмотрела на Вадика.

«Странно, что я раньше не замечала, что он такой», — размышляла я, охваченная какой-то теплой волной нежности.

Вадик повернулся ко мне и неловко обнял меня за плечи.

— Давно хотел сказать, — его лицо было так близко, и эта непонятно откуда взявшаяся нежность опять захватила меня, но я сделала над собой усилие и прижала палец к его губам.

— Ты совершаешь ошибку. Не надо ничего говорить.

Вадим отпрянул от меня, и какое-то время мы сидели молча. Потом он встал и пошел за мороженым, а я смотрела вслед его долговязой фигуре в белой футболке и потертых джинсах. Мне стало жаль его, но я очень боялась серьезных отношений. Чтобы чувствовать себя счастливой — моя жизнь должна бурлить и всё должно вокруг меняться с огромной скоростью, одни и те же вещи и люди утомляли меня, размеренная жизнь заставляла меня скучать. Именно поэтому я постоянно переставляла мебель в комнате, вешала картины на стены, придумывала разные игры и крутила романы с новыми ребятами. Я очень завидовала родителям: они постоянно куда-то уезжали, видели что-то новое, встречали новых людей и возвращались домой, переполненные впечатлениями.

— Держи, — Вадик протянул мне вафельный стаканчик.

— Спасибо, — я взяла мороженое и встала со скамейки. — Поехали домой, мне пора.

— Ну конечно пора, у тебя же вечером свидание с очередным влюбленным в тебя дурачком.

— Почему дурачком? И, вообще, что тебе за дело до моих парней? — разозлилась я. — Завидуешь им что ли?

Вадик презрительно оглядел меня с ног до головы.

— Просто не понимаю, что они в тебе находят.

Он ждал, что я обижусь, но я лишь рассмеялась.

— Сама не понимаю. То ли дело ты?! Просто кремень. Столько лет знакомы, а всё только друзья.

Вадик поперхнулся мороженым и закашлялся.

Через Никитский бульвар мы вышли на Арбат, а потом прошли на Гоголевский, самый мой любимый из всех бульваров. Я рассматривала прохожих и не обращала внимания на Вадика, он по-прежнему молчал и смотрел себе под ноги. Все скамейки были заняты:

парочки целовались, бабушки судачили, мамыши выгуливали своих отпрысков, а мы медленно вышагивали, стараясь не смотреть друг на друга. У подъезда Вадик поцеловал меня в щёку.

Я открыла дверь своим ключом. Медленно прошлась по комнатам: когда-то ухоженная квартира выглядела запущенной и неуютной: она больше не была тем домом, который я так любила. Мне опять стало грустно, всё чаще и чаще я оставалась одна. Родителям не было до меня дела, словно, потеряв друг друга, они разлюбили и меня.

Папа уехал на Кавказ, а мама почти не бывала дома, объясняя своё отсутствие концертами и репетициями, но я догадывалась, что она проводит время со своим знакомым. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Руки сами собой набрали знакомый номер. Вадик снял трубку после первого гудка.

— Вадим, а что ты хотел сказать мне?

— О чём ты? — начал придуливаться он. — Я уже и не помню и, вообще, занят сейчас. Тебя там что, все кавалеры побросали из-за твоей меланхолии? Так ты не раскисай, держи себя в руках. Ты же знаешь, парней всегда привлекала только твоя весёлость, — Вадик явно издевался надо мной.

— Да иди ты, — я бросила трубку, испытывая горькое сожаление о минутной слабости.

Я пошла в ванную и долго изучала в зеркале своё лицо. Не красавица, конечно, тут Вадик прав, но очень даже ничего. Улыбнувшись своему отражению, я еще выше вздернула нос и решила, что никому не удастся испортить мне настроение. Надо не грустить, а действовать. Я встречу с маминым женишком и попытаюсь спасти нашу семью, решила я. Лежа в постели перед сном я обдумывала слова, после которых он обязательно откажется от своей любви, мама вернётся к нам, и мы втроем снова будем счастливы.

Утром я встала с хорошим настроением: у меня был план, и я готова к его осуществлению. На улице серо и дождливо, купола Новодевичьего монастыря затянуло пеленой тумана, но после череды погожих и тёплых дней, я восприняла перемену погоды как добрый знак. Зашла к маме в спальню, как все творческие люди она поздно вставала, и присела на краешек кровати.

— Мамуль, проснись, — я потрясла её за плечо.

Мама открыла заспанные глаза и удивлённо посмотрела на меня. Её утренний сон был священным для нас: мы с папой ходили на цыпочках, чтобы её не разбудить.

— Ты где выступаешь?

— А какой сегодня день?

— Четверг.

— В консерватории.

С того памятного дня, когда они объявили о разводе, я сторонилась маму, поэтому я подумала, что ей было приятно увидеть меня улыбающейся, несмотря на то, что я разбудила её.

— Мама, а... — я сделала паузу, не зная как его назвать, — твой новый знакомый будет сегодня играть?

— Да, Коленька тоже сегодня выступает. А почему ты спрашиваешь?

Её нежное «Коленька» разозлило меня, но я постаралась, чтобы мама этого не заметила.

— Если увижу его собственными глазами, мне будет легче понять тебя, — схитрила я.

— Девочка моя, — мама погладила меня по щеке. — Я знаю тебе тяжело, ты так привязана к отцу, но я не могу ничего поделать с собой. Когда ты полюбишь, ты поймешь, что это прекрасно.

Вдаваться в дискуссию на тему любви мне не хотелось, мне по-прежнему было тяжело её видеть.

— Мам, мне пора, я опаздываю, — я заставила себя чмокнуть её в щёчку и выбежала из дома, хотя у меня была ещё уйма времени.

Весь день я пребывала в нервно-возбуждённом состоянии и с трудом дождалась вечера. Для концерта я надела своё любимое чёрное короткое платье, которое выгодно подчёркивало мою фигуру. Длинные рыжие волосы я постаралась выпрямить и уложить. Сделав вечерний макияж, я надела туфли на высоких каблуках и, покрутившись перед зеркалом, решила, что выгляжу потрясающе, и к тому же гораздо старше своих шестнадцати.

Билетерша, пожилая женщина, которую все называли тётя Катя, не узнала меня:

— Ваш билет, девушка? — строго потребовала она.

Я улыбнулась ей.

— Здравствуйте, тётя Катя, мама не предупредила, что я приду?

— Господи, Вика?! Я не узнала тебя. Какая ты стала взрослая и красивая, прямо невеста.

Я смущённо потупила глазки, как и подобает воспитанной девочке, радуясь в душе, что достигла цели и выгляжу взрослой.

— Ну, давай, проходи, — она подтолкнула меня. — Концерт сегодня хороший, не будет свободных мест, придёшь ко мне за стулом.

— Спасибо, тётя Катя, — я прошмыгнула мимо.

Консерватория место особенное, и мне все здесь нравится: и высокая с красной ковровой дорожкой лестница, и портреты композиторов в зале, и какая-то торжественность, исходящая из каждого уголка, словно звучащая здесь музыка впиталась в стены. Даже люди, которых я вижу в зале, мне кажутся лучше и добрее, чем прохожие на улице.

Понимать и наслаждаться классическими произведениями, которые пережили века и до сих пор вдохновляют людей, дано не всем. Среди моих друзей эту страсть разделяла лишь Ольга, моя лучшая подруга, которая обладала прекрасным голосом и получила музыкальное образование, а остальные предпочитали диско, рок, рэп. Я всю свою жизнь буду благодарна маме, что она помогла мне полюбить мир звуков, закрытый для многих людей, не понимающих, а, может быть, просто не имеющих желания понять.

в первом отделении исполняли Бетховена, сонату №3 для виолончели и фортепиано. Строгая дама со сцены объявила имена исполнителей: Алипьевой Аллы и Разумова Николая. От волнения я вцепилась в подлокотники кресла и затаила дыхание: как выглядит мамин избранник? Королевской походкой на сцену вышла мама, и тут я увидела его - высокого роста, худощавый в чёрном костюме. Они заняли свои места и обменялись с мамой взглядами: он ей чуть-чуть улыбнулся, она просияла и склонилась над клавишами. Я сидела в первом ряду и сияние маминых глаз, легкий румянец на ее бледных щеках, не могли ускользнуть от меня. С болью оторвавшись от мамы, я взглянула на него. Большой нос правильной формы, тёмные, видимо карие, глаза, гладко зачёсанные назад каштановые прямые волосы, четко-очерченный рот. «Красив, безусловно красив», - подумала я с болью.

Постепенно моим вниманием завладела музыка, которую исполняли эти двое, влюблённые друг в друга. Звучали аккорды, мамины пальчики неумоимо бегали по клавишам, а нежный голос его виолончели вторил ей, а иногда на чём-то настаивал. Они сыграли ещё несколько произведений, которых я не знала, в паузах обмениваясь взглядами, которые разрывали мне сердце. В конце отделения я поняла, что у папы, каким бы прекрасным человеком он ни был, нет ни единого шанса. Эти двое на сцене, сплетенные звуками, очень подходили друг другу. Я вытерла слёзы и решила не мешать. Правильно или нет поступила мама, это её жизнь. В эти мгновения, в этом зале, я её понимала. Да будет так, как они решили! В антракт я улизнула на улицу: мне хотелось на воздух, я больше не могла смотреть на них. Я немного прошлась по Большой Никитской и, повинувшись порыву, купила у бабушки букет тюльпанов. Вернувшись в зал, я обнаружила, что гуляла слишком долго, второе отделение уже заканчивалось, публика кричала «браво» и аплодировала. Я поднялась на сцену и, поделив букет пополам, подарила им. В тот момент мне хотелось, чтобы они поняли, что я простила их.

Зрители устроили овацию, и мне казалось, что публика одобряет не только их игру, но и их любовь.

Я абсолютно не помню, как оказалась дома, не помню, как переходила дороги, ехала на метро, открывала дверь. Когда я начала осознавать окружающее, я уже сидела в своей

комнате, пытаясь собрать тетради. Но вдруг поняла, что мне нужно уехать, спрятаться ото всех, чтобы наедине с собой решить, что мне делать дальше.

Через некоторое время план возник в моей голове, как будто кто-то прокрутил короткометражный фильм. До окончания школы осталась неделя, и мама вполне сможет объяснить учительнице, что мне срочно пришлось уехать, не называя настоящих причин. В конце концов, она довела нас всех до такого состояния и не должна сердиться. Я решила поехать к бабушке в деревню, это всего в трёх часах езды на электричке, и у меня хватит денег на билет. Бабушка Маня, папина мама, очень любила меня, и у неё в деревне я по-настоящему отдыхала. Я буду гулять босиком по траве, слушать пение птиц и купаться в прозрачной голубой речке, а, может быть, заведу роман с деревенским пареньком. Только там, разобравшись в себе, я смогу обрести силы и обязательно придумаю, как мне жить дальше. Я пнула школьную сумку ногой: для меня уже начались каникулы и, сочинив маме записку, собрала вещи. Я улеглась в постель, решив подняться в семь тридцать, словно собираюсь в школу, а записку оставить на кухонном столе. Когда мама проснётся — я уже буду далеко-далеко отсюда. Я была совершенно уверена, что мама не поедет за мной, так как она не выносит деревенской жизни и жить не может без ванны, телефона и других благ цивилизации. К тому же отношения у них с бабушкой были натянутыми. А папа, который бы обязательно приехал, чтобы выяснить, что случилось, снова улетел в командировку. Когда мы прощались, он как-то особенно ласково смотрел на меня и попросил, чтобы я заботилась о маме, словно она была ребенком, а не взрослым человеком, разрушившим наши жизни.

ГЛАВА 4

Утро было солнечным, я выбежала босиком на балкон, радуясь, что погода не обманула моих ожиданий. Посмотрела вниз: школьники с портфелями уныло плелись в школу.

«Как хорошо, что меня это больше не касается», — подумала я. Наскоро перекусив, в джинсах и кроссовках, я выскочила на улицу и почти бегом направилась к метро. Мне было немного страшно: вдруг мама проснётся, обнаружит записку, но опасность пришла с другой стороны: навстречу мне шёл Вадик. Спрятаться было некуда, поэтому я вздёрнула подбородок, намереваясь холодно поздороваться из-за вчерашнего разговора.

— Куда это ты собралась? — придержал он меня за локоть, полностью проигнорировав моё ледяное приветствие.

«Ну, зачем же я вышла в то время, когда все идут в школу?» — с тоской подумала я, не отвечая на вопрос.

— Так куда же ты так рано, в джинсах, с такой большой сумкой? Что у тебя там? Неужели учебники? Наверно, ты запаслась на весь класс? — издевался он.

— Пусты сейчас же. Я не обязана ничего объяснять, — я смирив его презрительным взглядом. — Особенно тебе.

— Вика, я же твой друг, — его голос стал мягче, но железная хватка не ослабла.

— Тебя это не касается. Беги, а то в школу опоздаешь, — я сделала попытку высвободить руку.

— Вика, перестань, я тебя прошу. Ты должна мне всё рассказать. И дай я помогу тебе нести эту сумку.

— Иди в школу, — я спрятала сумку за спину.

— Школа стоит, стояла и ещё постоит, а вот с тобой нужно разобраться. Вероятно, ты решила сбежать из дома?! Мама спит?

— Надеюсь, что да.

— Значит нужно, чтобы узнала, что её непутёвая дочка куда-то собралась, — Вадим опять схватил меня за руку и начал тянуть в сторону дома, а я сопротивлялась изо всех сил. Увлечённая борьбой, я не заметила, как мы оказались слишком близко друг к другу. Неожиданно его губы прижались к моим. Поцелуй был долгим, несмотря на то, что сумки очень мешали нам, поэтому через некоторое время мы бросили их на землю и снова потянулись друг к другу. Голова у меня кружилась, и я точно знала, что так, как Вадим, меня никто не целовал и так сильно меня не тянуло ни к одному парню. Конечно, школа была благополучно забыта, Вадик поехал провожать меня на вокзал после того как между поцелуями я объяснила ему, что собираюсь всего лишь к бабушке в деревню, а родителям больше нет до меня дела. Вадик крепко держал меня за руку, и я решила не копаться, что же всё-таки произошло с нашей дружбой. Впереди лето, у меня полно времени разобраться. Вадиму были нужны серьёзные отношения: он не разменивался на случайные встречи. «Девушка, которую я люблю, будет со мной всю жизнь», — вспомнила я его слова. Не моя вина, что я не готова стать его девушкой. В будущем я видела себя роковой женщиной, окружённой интересными мужчинами, сходящими с ума от любви ко мне. Я мечтала о

головокружительной карьере, ступеньки которой вымощены мужскими сердцами.

— О чём ты думаешь? — вернул меня к действительности Вадик.

— О бабушке, — соврала я. — Как она удивится и обрадуется.

Вадик пошёл покупать мне билет, а я стояла в толпе и вспоминала, как мы целовались. И почему же он мне так нравился сегодня? Этого совершенно нельзя допустить! Ну, хорошо, ещё один поцелуй — разрешила я себе. Поцелуй был один, но его продолжительность, как мне показалось, не имела временного диапазона. Я закрыла глаза — и всё исчезло: и вокзал, и поезд, и любопытные пассажиры, осталась лишь бесконечная нежность его губ и тёплые руки, обнимавшие меня.

В поезде я пыталась читать, но глаза пробегали строчки, не улавливая их смысла. Несмотря на приятное происшествие с Вадиком, польстившее моему самолюбию, на сердце была непроходимая тоска, я по-прежнему грустила о потерянной семье и о том, что я сразу стала чужой и ненужной своим родителям.

Мои мысли вернулись к Вадiku. И тут мне снова стало грустно. Мне стало жаль нашей дружбы, жаль, что он полюбил меня, а я не могу дать ему то, что он заслуживает.

Я захлопнула книгу: зеленый ковёр травы с ярко-жёлтыми одуванчиками и деревья, одетые в новую яркую листву, привлекли моё внимание, всем своим видом напоминая, что жизнь продолжается. Некоторое время я смотрела в окно.

Вот и моя станция! Вдохнув полной грудью свежий воздух и проводив взглядом убегающий вдаль пыльный поезд, я зашагала по знакомой просёлочной дороге. Я не была здесь целый год, и я уже предвкушаю встречу со старыми друзьями и, конечно, любимой бабушкой. По знакомым ступенькам я быстро поднимаюсь на крыльцо. На чистой, прибранной веранде накрыт стол и вкусно пахнет пирогами.

Наверно, бабушка ждёт гостей», — подумала я, проходя в кухню.

— Я знала, что ты приедешь, — улыбнулась бабушка.

Меня всегда поражала бабушкина интуиция.

— Ты опять знала, что я приеду? Или ты ждёшь гостей? — спросила я, целуя ее в горячую щеку.

— Вчера вечером около десяти, я почувствовала, что ты думаешь обо мне, — бабушка смотрела на меня своими лукавыми глазами, из-за чего в уголках ее глаз появилось еще больше лучиков-морщинок.

— Научи меня этому. Я тоже хочу предвидеть события.

— Ты умеешь. Только не веришь себе.

— Ну, иногда, — согласилась я. — Но не так как ты.

— Вот будешь такой старенькой как я, тебе откроются многие вещи, пропадёт только твоя красота и молодость. А ты стала очень красивой как...

Она сделала паузу, изучая моё лицо.

— Как ты? — улыбнулась я.

— Как все женщины в нашем роду.

— У нас и мужчины ничего. Папа, например.

Она вздохнула и отвела глаза.

«Неужели знает о наших неприятностях?» — мелькнула у меня мысль, но бабушка продолжила:

— Надеюсь, ты научишься использовать свою красоту. Красота — подарок судьбы, как

прекрасный голос или способности к рисованию, но иногда это порождает излишнюю самоуверенность в женщинах, которые считают, что им больше не к чему стремиться. — Внимание, которое оказывают мужчины, идёт им во вред. Всегда надо помнить, что красота лишь оболочка. Но что-то я разболталась, мой руки и скорее за стол.

Я уселась на деревянную скамейку, на своё любимое место, у окна и вытащила из-под полотенца горячий пирожок. Бабушка тем временем вытаскивала на стол все, что у нее было в холодильнике: самодельные маринованные огурчики, хрустящую капустку, домашнее сало и колбасу.

— Надеюсь, у тебя такой же хороший аппетит, как и раньше? Не уподобляешься этим моделям-палкам, которых показывают по телевизору?

— Конечно, нет. Не люблю себе ни в чём отказывать.

Мой аппетит всегда был отменным, в отличие от мамы, которая медленно «клевала по зёрнышку», обязательно используя вилку и нож.

— Ты знала, что я приеду, но ведь каникулы ещё не начались?

— А я, солнышко, не смотрю на календарь. Если бы люди почаще прислушивались к себе, то много чего могли бы.

— Интуиция, да?

— Я не знаю таких мудрёных слов, я называю это знанием. Но расскажи, Вика, о себе? О друзьях своих московских? — резко сменила она тему.

И я начала рассказывать — о школе и учителях, отметках и мальчиках, рассказала даже про Вадика. На что бабушка сказала:

— Давно знала, что он в тебя влюблён, только слишком гордый, чтобы признаться. Ну а ты? Парень-то он хороший, насколько ты рассказывала.

— Ой, не знаю, — вздохнула я. — Меня и тянет к нему, но я вижу в нём только друга. Я не готова к серьёзным отношениям: вокруг столько всего интересного.

— Столько интересных молодых людей и невозможно остановиться на одном? — в бабушкиных глазах промелькнула озорная искорка.

— Даже дело не только в этом, — горячо продолжила я. — Серьёзные отношения свяжут меня по рукам и ногам, а я хочу быть свободной и ни на кого не оглядываться.

Бабушка отложила пирожок и очень серьёзно посмотрела на меня.

— Я не хочу попасть в рабство к одному мужчине, который будет указывать мне на кого смотреть и как одеваться, а потом полюбит другую и оставит меня у разбитого корыта с ребёнком на руках.

Наш разговор был прерван соседкой, которая пришла к бабушке за очередным лекарством из трав для своего внука, бабушка не хуже знахаря лечила всю округу. Я вышла в сад: цвели яблони и сливы, и всё было в кружевах белых цветов и напоминало счастливое детство, которое закончилось. Я опустилась на скамейку, закрыла глаза. Бабушка нашла меня и села рядом.

— Почему всё-таки ты сорвалась со школы и приехала?

— Я... просто устала.

— Расскажи, что произошло. Не нужно жалеть меня и подбирать слова. Всё, как есть.

Я посмотрела на бабушку, и она ободряюще погладила меня по руке. И я начала. Горькая правда, обратная сторона любви. Сначала она слушала молча, не перебивая. Её лицо было внимательным и ничего не выражало, как будто папа не был её сыном. Потом она

начала задавать вопросы, историю о том, как я узнала о маминей новой любви, я повторила несколько раз, подробно останавливаясь на том, что я чувствовала и о чём думала в тот момент. Я переживала его снова и снова, слёзы и слова лились ручьями, но постепенно боль ушла и появилась мысль, что всё не так безнадежно. Ничего не изменилось, но от того, что я выговорилась, стало легче. По конец я даже смогла улыбнуться.

— Вот видишь, как полезно иметь подружку, старую подружку.

— А ты, как будто и не удивлена совсем? — спросила я, внимательно глядясь в ее лицо.

— Ну, видишь ли, — неожиданно спокойно проговорила она. — С тех пор как Ванечка встретил твою маму, я ожидала беды. Предупреждала его, когда он привёз её сюда, избалованную городскую девочку, которая скучала в деревне, что она ему не пара. Но он был так влюблён и так счастлив. Я знала, что когда-нибудь это может произойти.

— Ты знала? — удивилась я.

— Ещё эти экспедиции его бесконечные, — продолжила бабушка, — Такую красивую женщину нельзя оставлять одну. За ней надо ухаживать, водить её в театр или в гости.

— Он ухаживал за ней! Он приносил ей кофе в постель и цветы, — защищала я папу.

— Милая моя, — бабушка обняла меня за плечи. — Ей это нужно было постоянно и ежедневно, а твой папа был то в горах, то в лесах, и совершенно ничего не смыслил в её музыке, также, как и она в его зоологии. Они разные люди, разные. Я ещё удивилась, что они так долго протянули вместе, успели девочку вырастить.

— Папа учил меня быть победительницей, а сам оказался в проигрыше.

— При разводе нет победителей и побеждённых, а есть только сломанные жизни. — Боюсь я за него, Вика.

— Ты что-то чувствуешь?

— Не справиться ему с этим, мама твоя для него единственная.

— И что делать?

— Пока не знаю, — бабушка встала. — Навести друзей, а я прилягу, что-то голова разболелась.

Неприятное предчувствие кольнуло меня, но я не придавала ему значения. В тот момент мне слишком хотелось побежать к друзьям, чтобы поделиться новостями. Я поцеловала бабушку в щеку и, хлопнув калиткой, выбежала на улицу.

Мне больше не хотелось грустить, в лёгком платье и босиком, я готова снова радоваться жизни, и, конечно, завести роман с симпатичным деревенским парнем.

Прошел месяц. Я купалась и загорала, играла в волейбол и ходила на танцы в местный клуб. Жизнь у бабушки казалась мне замечательной. Я загорела, плавала с мальчишками наперегонки и положила глаз на одного симпатичного паренька, но вдруг пришла телеграмма от мамы.

Иван погиб. Срочно приезжайте на похороны.

Мы с бабушкой вернулись в Москву. Солнце пекло нещадно, от асфальта поднимался жар, дышать было нечем, но всё это можно было бы перенести, если бы не смерть папы. У меня не укладывалось в голове, что папа мог оступиться во время перехода в горах. Я была уверена: он сделал это нарочно, чтобы оправдать свой уход из жизни. Я вспомнила слова бабушки, что без мамы он не сможет.

«Папа, ты мог бы жить для меня, ведь ты был для меня всем!» — напрасно взывала я к нему, давась слезами. Наш случай лишний раз подтверждал: как мало на самом деле значат дети для родителей, ради своей любви они перечёркивают наши жизни и оставляют нас с пустотой внутри.

День перед похоронами я помню смутно. Приходили папины знакомые, сослуживцы, без конца звонил телефон. Мне выражали соболезнования, хлопали по плечу, чтобы поддержать, вспоминали, как любил меня папа. «Любил, — думала я, — да видно недостаточно, раз оставил меня одну»

Мама постоянно плакала, видимо, обвиняя себя во всём. Наверно, она тоже не верила, что это был несчастный случай. Несколько раз звонил её Николай, но она вешала трубку. На следующий день были похороны, народу было так много, что не хватило двух автобусов. Папа очень любил людей, что оказалось взаимно. Было сказано много тёплых, уже никому ненужных слов.

Я стояла у края могилы между мамой и бабушкой и снова мысленно разговаривала с ним.

«Ты был не прав, папочка! Ведь в твоей жизни было и многое другое, кроме любви. Была ещё работа, друзья, и, я, твоя дочь, в конце концов, да и весь этот огромный мир, в котором всегда есть место для новой встречи. Надо лишь было собраться с силами и справиться со своей любовью. Я бы помогла тебе»

После похорон я избегала маму: насколько это возможно, когда живешь в одной квартире. Я не обвиняла её, на это не хватало сил. Я осталась дома и не вернулась с бабушкой в деревню, несмотря на ее уговоры. Проводила целые дни, закрывшись в своей комнате. Что я делала? Читала, смотрела телевизор, просто лежала на диване, уставившись в потолок. Мне трудно было сосредоточиться на чём-нибудь, не хотелось двигаться.

Как-то раз, когда за мамой захлопнулась дверь, я вышла на балкон. В лучах солнца золотились купола Новодевичьего монастыря, сверкала вода в пруду, ходили люди в летней

одежде. Вдруг мне захотелось вырваться из этой квартиры, где всё уже было не таким как прежде. Идея возникла мгновенно. Я подошла к телефону, моля бога, чтобы мой друг, на звонки которого я не отвечала, с тех пор как вернулась, оказался дома.

— Да, — услышала я бодрый голос Вадика.

— Привет. Мне надо с тобой встретиться. Ты можешь через час на нашем месте?

— Давай, — сразу согласился он, не задавая ни одного вопроса.

Я долго приводила себя в порядок. Накрасилась и оделась особенно тщательно. Белый сарафан подчёркивал загорелые плечи, рыжие, завитые локонами волосы доставали до пояса. Покрутилась перед зеркалом: осталась вполне довольна собой.

Вадик заметил меня издалека и помахал мне рукой. Я шла к нему лёгкой походкой, ветерок трепал мои волосы. Вадик был в голубых джинсах и белой футболке, обтягивающей широкие плечи. Когда мы встретились, я подавила желание броситься ему на шею и поплакать.

— Вика, мне так жаль... — Вадим пытался выразить мне соболезнования, но я перебила его.

— Не надо. Я здесь не для того чтобы снова расстраиваться. Давай присядем и поговорим, — я показала на свободную скамейку. — Я собираюсь уехать, — выпалила я.

— Ты уже уезжала, я даже тебя провожал, — при воспоминании об этом он придвинулся ближе, и его рука скользнула мне на плечо.

— На этот раз далеко и с тобой вместе, если ты не против, — я игриво посмотрела на него.

— И в каком же направлении? — улыбнулся он.

— Подойдёт любое, но лучше южное. Будем жить у моря, а вечерами сидеть на берегу, наблюдая за звёздами и лунной дорожкой. Тебе нравится?

— Бесподобно! Только не вижу, как это можно осуществить в отсутствии денег.

— Деньги, — презрительно сказала я. — Деньги всегда можно достать.

— Тебе повезло, что ты ни разу в жизни не заботилась об этом.

— Зато теперь буду сама зарабатывать.

— Да что ты?! А как же школа? — Он смотрел на меня как на маленькую, а я особенно не переносила покровительственно-назидательного тона.

— Ладно, если ты не хочешь, — я сделала попытку встать и была тут же поймана за руку.

— Вика, ты всегда была сумасшедшая, а сейчас особенно. Ты не подумала, что мама тебя непустит одну, а тем более со мной.

— Мама! Да где она была, когда влюблялась?! Она не думала тогда обо мне. Почему же я должна спрашивать у неё разрешения?

— Потому что она твоя мама! А влюбляться ей или нет, её личное дело, а никак не твоё! — Вадик говорил вполне серьёзно и спокойно.

— Хватит меня учить! — закричала я и вырвалась. — Я уеду с тобой или без тебя. Я больше здесь не могу. Я умру, если останусь, — я чувствовала, что сейчас разревусь. Вадик вскочил и обнял меня. — Я так устала, больше не могу. А ты, мой единственный друг, не хочешь мне помочь.

— Но, Вика, это же безумие. Поезжай снова к бабушке.

Я сбросила его руку и посмотрела презрительно.

— Решай: да или нет! У тебя есть пять минут, — я снова села на скамейку, закинув ногу на ногу.

Вадик сел рядом и достал сигареты, я вытащила одну из его пачки.

— Ты же не куришь?! — удивился он.

— Уже курю, — я вздёрнула нос повыше, прикурила от зажигалки и, вдохнув дым, закашлялась.

— Куряка, — усмехнулся он, пуская дым колечками.

— Ничего, я научусь, — я докурила свою первую сигарету до конца.

«Надо купить сигареты, курение успокаивает», — подумала я и посмотрела на часы.

— Пять минут прошло. Да или нет? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Тебе нужен немедленный ответ?

— Конечно, если ты не едешь, я буду искать кого-то другого.

— Тебе что, всё равно с кем? — обиделся он.

— Ну не совсем, конечно. Просто я решила уехать и не собираюсь отказываться от своей затеи из-за того, что кто-то держится за мамину юбку.

— Ладно, у меня нет выбора. Я не отпущу тебя одну. Дай мне время всё устроить и обещаю не делать глупостей.

— Этого я не могу тебе обещать, но готова подождать пару дней.

Через два дня Вадим пришёл ко мне с билетами на поезд в Сочи. Я взяла свои сбережения, копила на горные лыжи. У Вадика тоже были кое-какие деньги, но всё равно этого было слишком мало. И я решилась. Справившись с угрызениями совести, я заглянула в сервант, где в зелёной шкатулке мама и папа хранили деньги. Мне разрешали брать на продукты и непредвиденные расходы. Я открыла шкатулку: деньги, как всегда, лежали аккуратной стопочкой. Протянула руку, пересчитала и положила обратно. Я же не воровка, никогда не брала денег без спросу. Задумалась, подыскивая себе оправдания. Мне необходимо уехать и, глядя на морские волны, спокойно обдумать, как жить дальше. Без денег уехать невозможно, значит, придётся взять. Посмотрела на часы: до отхода поезда осталось три часа, а я ещё не собрала сумку. Неожиданно меня осенило, что могу написать маме записку, в которой объясню, что беру деньги в долг. Мне стала легче: решение было принято, я стала собираться, запихивая вещи, как попало.

Потом я села за письменный стол, чтобы написать письмо. В серебряной рамке на моём столе стоял папин портрет, он улыбался мне с фотографии.

«Ты не одобряешь мою поездку, пап? — я говорила с ним, как с живым. — Знаю, знаю, я не права. Я, конечно, не должна расстраивать мамочку, как ты меня всегда просил, когда уезжал. Но мамочка расстроила нас куда сильнее. Наша семья была самой лучшей, самой дружной. Я так гордилась ею. А что мне осталось сейчас? Холмик на кладбище, куда я могу принести тебе цветы, и мама, которой нет дела до меня. Не осуждай меня, я хочу быть независимой и взрослой. Раньше я зависела от вас, но вас больше нет — тебя нет на этом свете, а мамы нет в моей жизни»

Монолог прервал телефонный звонок.

— Привет, Вика! — услышала я взволнованный голос моей подруги Ольги. — Мне нужно срочно поговорить с тобой.

— Но, — я посмотрела на часы, — у меня всего полчаса.

— Хорошо, давай на нашем месте через 10 минут.

— Давай, — я подхватила сумку и захлопнула за собой дверь квартиры.

Ольга — моя лучшая подружка с первого класса. Наши семьи дружили, и все праздники мы отмечали вместе. Ольга была отличницей, красавицей. Только почему-то мальчишки не баловали её своим вниманием, может быть, она была слишком правильной для них.

Мы встретились у входа в Новодевичий монастырь. Я пришла первой и остановилась в тени ворот, поджидая Ольгу. Стояла невыносимая жара, и я порадовалась, что уезжаю на море. Ольга шла ко мне грациозной походкой, длинные каштановые волосы развевались на ветру, а зелёное платье с широкой юбкой подчеркивало стройную фигурку. Мне казалось: Ольга красивее меня, но это не мешало нашей дружбе.

Подойдя ко мне, Ольга поцеловала меня в щёку.

— Ты куда-то уезжаешь?

— Да, только не спрашивай куда, всё равно не скажу.

— Ладно, твое дело. Знаешь, я может быть, не права, что решила тебе об этом рассказать, но...

— Давай не тяни. Хуже того, что было уже не будет, — подбодрила её я.

— Ну, хорошо, — решила она. — Вчера вечером твоя мама пришла к нам в гости. Отец уехал на дачу, так что они были одни. Твоя принесла бутылку вина, и они закрылись на кухне. Я вышла из своей комнаты босиком, и они, разгорячённые беседой, не слышали моих шагов. Одна фраза привлекла моё внимание, и я остановилась послушать. Моя мама спросила твою: «Вы собираетесь жить вместе?»

«Да, только не знаю, как сказать об этом Вике, она была так привязана к отцу и так переживает. Но я люблю Коленьку, а он настаивает, чтобы я вышла за него прямо сейчас, и я согласилась».

«Ещё прошло так мало времени»

«Но он торопит меня, хочет быть рядом»

— Мама собирается замуж? — вскрикнула я.

Оля дотронулась до моей руки:

— Зря всё-таки я рассказала тебе об этом, я не должна...

— Причём здесь ты?! Да как она может?! Она хочет привести его к нам, где ещё недавно был папа. Да как она смеет?! Да я, я...

— Вика, успокойся, — Оля взяла меня под руку. — На нас смотрят, ты так кричишь!

— Я знаю, что сделаю, — неожиданно тихо сказала я и остановилась, глядя на голубую гладь озера.

— Что? — так же тихо спросила Оля.

— Я уйду из дома. Они могут делать всё, что угодно, но меня не будет с ними.

— Вика, я рассказала тебе это с единственной целью, чтобы у тебя было время подготовиться. Твоя мама выходит замуж, и ты бессильна что-либо изменить. Тебе придётся смириться. Тебе некуда идти, у тебя нет денег и кроме мамы тоже никого нет.

— Мама у меня тоже нет, — сердито сказала я. — И жить вместе с ними я не хочу и не буду!

Я сделала над собой усилие и попыталась взять себя в руки. В конце концов, впереди меня ждал юг, море и пальмы, а там я обязательно придумаю, что делать. Всё решено: я — взрослая и точка.

Выдавила из себя улыбку.

— Спасибо, Оль. Ты даже не представляешь, как мне помогла, — я поцеловала её в щёку. — Мне надо бежать.

Как жаль, что я не могу рассказать ей про поездку и про Вадика.

— А куда ты собралась? Может, расскажешь?

— Да так, к однокласснице на дачу на пару дней проветриться.

— Врёшь! — сразу почувствовала Ольга.

— Вру, — рассмеялась я. — А ты не спрашивай, это не только моя тайна.

— Ну и пожалуйста, — надулась она.

— Я расскажу всё-всё, когда приеду, ладно?

— Ладно, — она махнула мне рукой и пошла к дому, а я, перекинув сумку через плечо, отправилась к метро, где меня ждал Вадик и моя новая жизнь.

Всё-таки Оля помогла мне, только не так как хотела. У меня исчезло чувство вины перед мамой, что я сбежала тайком и взяла деньги. У меня появилось оправдание: мама думает только о себе, и я тоже могу побыть эгоисткой.

Мы встретились у метро Спортивная. Вадик поцеловал меня в губы и спросил:

— Ты не передумала? Ещё можно сдать билеты, — он пытливо всматривался в моё лицо.

— Нет, что ты! Напротив я получила подтверждение, что поступаю правильно.

— Интересно, какое же? — ехидно спросил он.

— Ольга рассказала, что мама выходит замуж, и Коленька переезжает к нам жить.

— Быстро она.

— Слишком! — неожиданно я всхлипнула. — Просто удивительно, как она может такое сделать?

— Да не расстраивайся ты, — Вадик обнял меня за плечи. — Мы едем в Сочи и на пару недель можно забыть обо всём. Надеюсь, ты оставила записку маме?

— Да, — коротко бросила я и вспомнила свои мучения при её написании. Я старалась быть как можно мягче, но вряд ли у меня это получилось.

— Ты написала, что едешь со мной? — спросил Вадик.

— Я уезжаю не потому, что хочу побыть с тобой, а просто хочу уехать из этой квартиры, из этого города. Я начинаю новую жизнь с моря и солнца. Так что, — безжалостно подвела я итог, — причина не в тебе.

— Значит, причина не во мне? — Вадик бросил сумки на асфальт и сурово посмотрел меня.

О, эти мужчины! С юных лет они считают, что мир вертится вокруг них: таких важных и значительных!

— Нет, не в тебе, — я решила стоять на своём.

— Так что же я здесь делаю?

— Ты мне нравишься, — скромно промолвила я из-под опущенных ресниц, подумав, что из-за этой глупой сцены можно пропустить поезд.

Его взгляд потеплел, но Вадик не двинулся с места.

— Бери сумки, а то опоздаем, — ангельским голосом пропела я.

Вадик нерешительно посмотрел на меня.

— Я собираюсь провести с тобой незабываемые дни на море, наслаждаясь солёными брызгами, чудесными закатами и нашей... нашей... — я не знала названия тому, что испытываем друг к другу — нашей дружбой, — весело закончила я.

— А потом ты бросишь меня, как и остальных парней?

— Я не могу тебе ничего обещать: ещё не знаю, что буду делать. Возможно, ты сам бросишь меня после того как узнаешь о моём решении.

— И что же это за решение? — подозрительно спросил Вадик, умудряясь взять две сумки в левую руку, чтобы правой обнять меня за талию.

— Я собираюсь уйти из дома, — серьёзно ответила я.

— Это у тебя уже получилось, — заметил он саркастически. — У тебя даже получилось увести за собой меня.

— Извини, я не настаивала. Все эти годы, прикрываясь нашей дружбой, ты умирал от желания быть со мной. Я даю тебе шанс.

— Виктория, ты бы попридержала свой, ставший слишком острым, язычок!

— Молчу, Вадик, молчу, — я решила, что с него довольно и добавила нежно: — Спасибо, что решился на эту авантюру.

— Да уж точно авантюра, — пробормотал он. — Я тоже матери оставил записку, что уезжаю. Представляю, какая кутерьма начнётся, когда она это прочитает.

На Казанском вокзале была обычная суматоха, здесь ничего не меняется с годами: люди с чемоданами и объявления о прибывающих и убывающих поездах. Глядя на эту толпу, я почувствовала то самое возбуждение, которое бывает перед отъездом. Только на этот раз было нечто особенное: я впервые уезжала вдвоем с симпатичным парнем.

«Как хорошо, что я это придумала», — мелькнула мысль. Не надо ничего бояться, надо идти к своей мечте и наплевать, если кто-то считает тебя сумасшедшей»

Мы нашли одиннадцатый вагон и пробрались на наши места. Я с интересом крутила головой.

— Первый раз еду в плацкарте, — объяснила я Вадику.

— Знаешь, со мной, у тебя многое будет в первый раз, — заметил он.

— И не только с тобой, — парировала я, стараясь не обращать внимания на непривычное отсутствие дверей.

Поезд тронулся, я попрощалась с Москвой. Мой любимый родной город стал неуютным для меня после недавних событий.

Вадик придвинулся ко мне и шепнул:

— Я рад, что ты со мной.

Мы сидели, прижавшись друг к другу, глядя на проплывающие мимо поля. Привычный мир оставался позади. Я боялась пошевелиться, чтобы не прошло удивительное ощущение свободы.

Мы сняли комнату в Сочи у аккуратной старушки Марии Васильевны, в двух шагах от моря и дешёвой кафешки, в которой мы питались. После купания есть хотелось немилосердно, и мы поглощали вкусные блинчики с мясом, шашлыки с картошкой, ну и, конечно, мои любимые фрукты, от которых Вадик деликатно отказывался в мою пользу. Мы заплатили за комнату вперёд, отложив деньги на обратные билеты. Кошельком заведовал Вадик, так что у нас началась типичная семейная жизнь с совместным бюджетом и общим жильем. Сначала Вадик предложил снять две комнаты, но я сказала, что могу жить с ним вместе. Он сделал серьёзное лицо и попытался неуклюже напомнить мне, что нам ещё нет восемнадцати, и он относится ко мне слишком серьёзно, чтобы вступать со мной во взрослые отношения. На этом месте я не выдержала:

— Послушай меня. Я начала взрослую жизнь, и, соответственно, кое-что выяснила и решила для себя. Было бы наивно думать, что мы сможем остаться друзьями после двух недель, проведённых на юге. К тому же я недавно открыла для себя, что хочу познакомиться с тобой поближе.

Вадик напрягся при моих словах, но от комментариев воздержался, и я продолжила:

— Давай не будем строить планы на будущее. Пусть будет так, как будет. Я не хочу связывать ни тебя, ни себя никакими обязательствами. Вопросы предохранения от беременности беру на себя, можешь не беспокоиться. Ребёнок пока не входит в мои

планы, — я закончила свою речь и посмотрела на Вадика.

Выглядел он бледным и шокированным. Прошло, наверное, минут пять, прежде чем он мне ответил:

— Вика, ты начисто лишена романтики.

— Или сыта ей по горло и заранее хочу оградить себя от переживаний.

— Тебе нечего бояться, — Вадик подсел ко мне на кровать. — Я очень хорошо к тебе отношусь и то, что ты со мной, очень много для меня значит.

Я прижалась к его плечу и почувствовала горячее тело через рубашку. Его серые глаза смотрели на меня с нежностью.

— Ты не представляешь, какая ты сейчас красивая, — он провёл рукой по моим волосам и наклонился, чтобы поцеловать меня.

Я шутливо отодвинулась.

— Пойдём купаться, мы же для этого сюда приехали, — предложила я.

— Ну, это кто для чего, — тихо пробормотал Вадик и вышел из комнаты, чтобы дать мне переодеться.

Я надела купальник, сарафан и покрутилась перед Вадиком.

— Немного бледновата, но когда загорись, будешь ничего.

— Только ничего?! — я вздернула нос. — Посмотрим, сколько комплиментов я получу на пляже, — помахивая сумкой я гордо отправилась по дорожке к калитке.

— Эй, ты чего? Ты же со мной? Какие комплименты? С ума с тобой сойдешь, — Вадик затопал следом.

Из теплого и ласкового моря выходить не хотелось. Мы несколько раз сплавали до буйков и обратно, соревнуясь, как в детстве, кто быстрее. Наконец, усталые, мы легли на полотенца. Солнце принялось методично обжигать наши белые тела. Мне было удивительно хорошо.

— Может, мы останемся здесь навсегда? — предложил Вадик.

— Может быть, но я очень люблю Москву, с её суетой и бульварами, церквями и машинами.

— Думаю, что с тобой я с удовольствием жил бы везде.

— Ага, а помнишь, ты говорил, что никогда не влюбишься в меня, — я приподнялась на локте и посмотрела на него победоносным взглядом.

— А кто говорил о любви? Видишь, сколько вокруг девушек, вот сейчас пойду и познакомлюсь с кем-нибудь.

— Иди, — я перевернулась на живот и закрыла глаза, всем своим видом стараясь показать равнодушие. — Надеюсь, они пошлют тебя куда подальше.

— Спорим, я сейчас познакомлюсь вон с той блондинкой в красном купальнике, — не унимался Вадик.

Я раздраженно взглянула на блондинку, и она мне показалась красивой.

— А спорим, когда ты уйдёшь, ко мне подойдёт вон тот качок в синих плавках, он уже делал мне знаки, — нагло соврала я.

— Он что, делал тебе знаки? — заорал Вадик. — Да я сейчас ему морду набью. Плевать, что он качок, — Вадик резко сел.

— Ты хотел идти к блондинке, — напомнила я.

— Да ну её, тебя же ни на минуту оставить нельзя. Нет, я всё-таки должен с ним

разобраться, — кипятился Вадик, кидая в сторону парня злые взгляды.

— Перестань, от тебя ничего не останется к концу отдыха, если ты будешь обращать внимание на каждого, кто на меня посмотрит, — я потянулась и села. — Как мы хорошо сделали, что уехали, — сменила я тему, убедившись, что Вадик и думать забыл о блондинке.

— Интересно, как твоя мама отреагировала, что ее Вика отправилась на юг в одиночестве?

— Мама с Коленькой, ей нет до меня дела. Вот тебе пример безумной любви двух взрослых сорокалетних людей. Их даже смерть отца не остановила.

— «Любви все возрасты покорны». Не суди свою мать строго. Что ни говори, у тебя было замечательное детство, любящие родители, а сколько детей оставляют в роддомах. Ты никогда не узнаешь, как мучительно и больно расти, не зная своего отца.

Я посмотрела на Вадика, он говорил о себе. Мы давно дружили, но он никогда не упоминал об отце, а мне было неудобно расспрашивать.

— Лучше не иметь совсем, чем иметь и потерять, — ответила я.

— Нет, Вика, лучше любить со всей страстью и недолго, чем не любить совсем. У тебя была полная семья и это лучше чем ощущать пустоту, понимая, что отца нет. У тебя осталась хотя бы память о том, как он тебя любил, у меня же память о том, что он даже не захотел меня увидеть.

Первый раз Вадик заговорил так откровенно, и я, увидев его расстроенное лицо, решила снова перевести разговор на другую тему.

— А что ты скажешь маме, когда будешь ей звонить?

— Скажу, что приеду через месяц с молодой женой, — усмехнулся он.

— И она поверит?

— Конечно, поверит, я всегда очень серьезен.

— И что, ты собираешься на мне жениться? — подняла я брови.

— Как же ты самоуверенна?! Я же не сказал, что приеду с тобой. С тобой мы развлечёмся. Ты же ведь не собираешься связывать себя никакими обязательствами?! А есть девушки, и таких большинство, которые ужасно хотят замуж.

Как же я ненавидела его за уколы, то он ласковый, то ехидный. От этих перемен можно с ума сойти. В его глазах я выгляжу избалованной девчонкой.

— Собирайся, жених, а то ещё простудишься и заболеешь до свадьбы. Смотри, уже солнце садится. — Я встала и огляделась: — Интересно, который час?

— Без двадцати восемь, — отозвался качок в синих плавках, оглядев меня с ног до головы.

— Спасибо, — нежно пропела я, оценив его мускулатуру ещё раз.

— Пошли сейчас же, — сгрёб меня в охапку быстро вскочивший Вадик.

— А может, ещё закат посмотрим?

Вадик больно стиснул мне руку и зашипел в ухо:

— Хочешь довести дело до драки, продолжай строить ему глазки.

— Да ладно уж пошли, — улыбнулась я. — И отпусти меня, ревнивец.

Мы ужинали в маленьком кафе на берегу моря. Поели шашлыков, выпили местного вина, и Вадим пригласил меня на медленный танец. Музыка плыла под куполом тёмного южного неба с яркими вкраплениями звёзд. Вокруг нас, на маленькой площадке, тесно прижавшись, друг к другу, танцевали парочки. «Эта ночь словно создана для любви», — подумала я, вдохнув сладкий аромат цветов.

В перерывах между музыкой до нас доносился шум волн, разбивавшихся о берег.

— О чём ты думаешь? — спросил меня Вадик.

— О жизни. Совсем недавно мне казалось, что я не смогу смириться с маминым предательством и всем остальным, что после случилось. Думала, эта боль всегда будет со мной, а вот здесь, на море, я поняла, что снова могу и хочу жить.

— Иногда я удивляюсь, что тебе только шестнадцать. Ты какая-то слишком умная.

Вадик обнял меня за плечи и, мы, устав прижиматься на пяточке и смотреть на чужие поцелуи, спустились к самому морю и, разувшись, пошли по воде к дикому пляжу. Там никого не было, и мы сели на забытые кем-то полотенца. Я чувствовала его руки, губы, он шептал мне ласковые слова, созвучные звуку волн.

Я стала растегивать ему рубашку. Он перехватил мои руки и спросил:

— Ты действительно этого хочешь?

— Да.

— И ты не будешь потом жалеть об этом?

— Конечно, нет, глупенький.

Эта ночь была самой восхитительной в моей жизни: я делала всё, что было раньше под запретом, и это придавало особый вкус нашим поцелуям и ласкам. Мы были совершенно одни, в чужом городе, двое сбежавших из дома школьника, которым полагалось чинно отдыхать с родителями и быть к десяти дома. Вадик оказался достаточно ласковым, чтобы я в первый же раз получила удовольствие.

«Как правильно я сделала, что приехала сюда», — подумала я в который раз.

мы долго барахтались голышом у берега в свете луны. Я убегала от Вадика, он догонял и снова целовал меня. Наверное, в тот момент, он тоже был счастлив, но я боялась спросить, он все равно превратил бы все в шутку.

Так мы и жили: плавали и загорали, а потом бежали в нашу комнату, чтобы упасть в объятия друг друга. Я похудела и загорела, лицо приобрело незнакомое мне взрослое выражение, а в глазах притаилась тайна.

На какое-то время мне удалось отодвинуть от себя все проблемы, но однажды утром я проснулась раньше обычного с чувством тревоги. У нас заканчивались деньги, пора было возвращаться в Москву, а мне этого очень не хотелось. В плохом расположении духа я выбралась из постели и вышла в сад. Хозяйка дома поливала цветы. Розы были бордово-красные, розовые, жёлтые и белые, пышные, совсем непохожие на подмосковные. Казалось,

они впитали в себя всю красоту южной природы и солнца. До сих пор мы редко разговаривали с хозяйкой, лишь иногда я ловила на себе внимательный взгляд её добрых глаз. Мария Васильевна — маленькая живая старушка, с гладко зачёсанными волосами, собранными в аккуратный пучок, чем-то напоминала мою бабушку.

— Какие у вас чудесные розы. В Москве таких нет, — сказала я.

— В Москве, деточка, нет тепла, ни солнечного, ни душевного. Там другие люди и другие цветы.

— Это верно, люди бледные, а розочки хилые, нам всем не хватает солнца, — согласилась я. — И когда вы успеваете за ними ухаживать, их так у вас много?

— Ухаживать не самое сложное, с ними другая беда.

— Какая же?

— Никто не хочет их покупать. Кому нужны розы в южном городке, когда они растут в каждом саду. А жить-то надо, пенсия маленькая, комнаты сдаются только в сезон, — Мария Васильевна положила шланг на землю и окинула взглядом свое хозяйство. — Вот, пытаюсь ещё на цветах заработать.

— В Москву бы ваши розочки. У нас большой спрос на цветы, город огромный, праздников хватает.

— Да кто же повезёт? — обречённо махнула рукой Мария Васильевна.

И тут замечательная мысль пришла мне в голову. Это был явно мой шанс, и я не должна его упустить. Только бы Вадик согласился. Но он не сможет отказаться, ему тоже нужны деньги. В любом случае, я его уговорю, главное — договориться с Марией Васильевной.

— Мария Васильевна, у меня есть идея как нам заработать на этом, — со всей серьёзностью сказала я.

Мария Васильевна с удивлением посмотрела на меня.

— Тебе лет-то сколько? — спросила она меня.

— Не важно, сколько мне лет! Мне очень нужны деньги. — Она смерила меня недоверчивым взглядом. — Вы не пожалеете! — уверенно сказала я.

Мария Васильевна выключила воду и предложила присесть на скамейку.

— Мы с Вадимом будем продавать ваши розы в Москве, — начала я излагать свой первый коммерческий план. — Вадим, это мой парень, с которым мы снимаем комнату, — уточнила я.

— Хороший парень, и очень любит тебя, по-видимому, — вставила Мария Васильевна.

Я улыбнулась и продолжила:

— Мы оставляем здесь наши вещи, берём цветы, кладём их в чемоданы, прилетаем на самолёте в Москву.... Ведь если розы завернуть в мокрые тряпки с ними ничего не будет? Они не завянут? — спросила я.

— Нет, не завянут, продолжай.

— Мы прилетаем в Москву, я знаю рынок, где хорошая торговля. Продаём розы, прилетаем сюда и делим деньги. И так можно делать постоянно, если это будет выгодно, и если будет достаточно цветов.

Мария Васильевна улыбнулась и спросила:

— А почему ты думаешь, что это будет выгодно?

— Одна знакомая так делала, мне рассказывала, — соврала я, не моргнув глазом.

— Ну, хорошо, допустим, что и так. А зачем тебе нужны деньги?

— Это длинная история, но если в двух словах: моя мама выходит замуж, а я не хочу жить с ними. Хочу стать самостоятельной, снять жилье и сама все покупать.

— И сколько же тебе лет?

Я вздохнула, понимая, что теперь не имею права врать.

— Шестнадцать, но я чувствую себя гораздо старше.

— Шестнадцать?! — Мария Васильевна была крайне удивлена. — Да кто же тебя отпустил сюда, да ещё с мальчиком. Я думала тебе восемнадцать. Господи, совсем, ребёнок! — запричитала она. — И куда только родители смотрят?! А парню твоему сколько?

— Почти семнадцать.

Она всплеснула руками. В этот момент я испугалась, что она нас выгонит, и стала её успокаивать.

— Мы очень взрослые и самостоятельные, по умственному развитию опережаем своих сверстников.

— Хороша же я была, что даже паспортов не спросила. Господи, да что же это такое?! — продолжала причитать старушка.

Я молча наблюдала за ней, моля бога, чтобы она успокоилась. Неожиданно она встрепенулась:

— А вдруг ребёночек будет? Ты хоть не беременна?

— Я не собираюсь иметь детей и замуж пока не хочу. Единственное, о чем я мечтаю: добиться материальной независимости. И если вы мне поверите, не пожалеете. Я готова много работать. У нас всё получится. Вы же не будете летать в Москву и обратно, правда? А мы сможем.

— Не знаю, Вика, — Мария Васильевна смотрела на меня, пытаясь понять, можно ли принимать моё предложение всерьёз.

Какое-то время мы молчали, я исчерпала свои аргументы, а она, видимо, что-то прикидывала, потом встала.

— Сделаем одну попытку, позже посчитаем, насколько это выгодно и разумно. Ты пока еще не представляешь, что это такое.

— Так вы согласны? — я была готова расцеловать её в обе щеки.

— Да, согласна, но вы готовьтесь к трудностям: работать — это вам не на пляже лежать. Приходи вечером со своим парнем, ещё поговорим, если не передумаете.

— Ни за что не передумаем! Спасибо! — я вприпрыжку побежала к домику, где безмятежно спал Вадик, не зная о том, что ему предстоит стать моим партнёром в бизнесе. Сейчас, когда план был готов, никто не мог мне помешать, а все препятствия на пути только раззадоривали меня. Я потрясла его за плечо:

— Вставай, соня.

— Иди ко мне, — Вадик протянул руки, пытаясь затащить меня в постель.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела, — я увернулась, мне было не до любви, в голове вертелись разные мысли, и мне хотелось поскорее рассказать ему обо всём. Но сначала надо было позавтракать. Я уже усвоила, что после еды Вадик становился более сговорчивым.

Мы сидели в кафе, Вадим вытянул сигарету из пачки и закурил. Момент был

подходящий.

— У меня есть приятная новость: я нашла для нас работу, — осторожно начала я.

— Работу? Когда ты успела? — удивился он.

— Пока ты спал, любимый.

Он поперхнулся кофе и закашлялся. Я постучала ему по спине и продолжила:

— Вадик, это очень важно для меня, и я прошу тебя отнестись со всей серьёзностью к моему предложению. Ты знаешь, как я стремлюсь к самостоятельности.

Я передала ему наш разговор с Марией Васильевной и добавила кое-какие детали, которые мне пришли в голову, пока я поглощала удивительно вкусные блинчики с мясом.

Вадик, глядя на море, курил уже третью сигарету. Я молчала, пытаюсь угадать о чём он думает, и почему не скажет, как здорово я все придумала.

— Я думал, ты счастлива, — вдруг сказал Вадик.

— Конечно, счастлива, — уверила его я. — Только счастьем приходит конец, кошелек пуст, остаётся только купить билеты домой и уехать. Но я не хочу возвращаться.

— Вика, скажи, как тебе в голову пришла такая идея?

— Я смотрела на розы, а Мария Васильевна жаловалась на плохую торговлю. Тогда я и подумала, что мы можем продавать розы в Москве, а потом вернуться сюда, взять новые, и так далее.

— Коммерсантка ты моя, — усмехнулся Вадик. — Знаешь, мне очень жаль, что тебе пришлось думать об этом. Я бы хотел, чтобы ты наслаждалась жизнью, а я покупал тебе всё, что ты хочешь. А я даже и не думал о работе. Размяк и совсем забыл о деньгах. А всё ты виновата, — он погрозил мне пальцем.

— В чём? — удивилась я.

— Ты такая красивая, и я никогда не был так счастлив.

Он взял мою руку и поцеловал. В этот момент я очень пожалела, что не могу ответить ему взаимностью. Да, он нравился мне, и я таяла от его ласк, но в то же самое время прекрасно понимала, что не люблю его. Но что я могла сделать? Только постараться быть ласковой.

— Давай пойдём на пляж и все обсудим, если ты, конечно, этого хочешь, — предложила я. — Вечером нас ждёт Мария Васильевна, и мы должны быть готовы к любым вопросам.

— Пойдём, — он обнял меня за плечи.

Наш будущий бизнес мы обсуждали целый день, валяясь на пляже. Основная трудность заключалась в том, где хранить цветы, но после долгих уговоров и поцелуев Вадик согласился, организовать это в своей квартире. Уговорить маму он брал на себя.

— А ты собираешься рассказать своей маме о новом занятии? — ехидно спросил он.

Я задумалась. Рассказать маме, что её дочь собирается торговать цветами на рынке, а непроданные цветы хранить в вёдрах рядом с её немецким роялем не представлялось возможным.

У Вадика была иная ситуация. Он жил вдвоём с мамой в двухкомнатной квартире в пятиэтажке. Мама работала на часовом заводе. Я любила бывать у него дома, у них было светло и уютно. Екатерина Ивановна, простая русская женщина, вырастившая одна сына,

была терпеливой, мягкой и весёлой. Ко мне она относилась хорошо, часто угощала то борщом, то котлетами, справедливо считавшая, что мама-пианистка хорошего обеда не сварит. Ей можно попробовать рассказать о наших планах. Другой вопрос: как она отнесётся к нашим отношениям? До сих пор она была уверена, что мы просто дружим.

— Вадик, я ничего не буду рассказывать маме, — решила я. — Цветы будем хранить у тебя и жить я буду с тобой, если твоя мама не прогонит.

— Ты будешь жить у нас? — по его виду трудно было сказать, что он доволен.

— Ну, какое-то время, пока не сниму комнату.

— А твоя мама?

— Да что ты пристал, мама да мама. Пусть считает, что я ещё не вернулась с юга. Я ей напишу открытку, что со мной всё в порядке, и я вернусь в сентябре. Открытка будет отправлена из Сочи, так что в Москве она не будет меня искать.

— А если она тебя встретит на улице?

— Она ездит на такси и не ходит по улицам.

— Да, — протянул Вадик. — Может, тогда поженимся? — вдруг предложил он.

— Зачем?

— Будет проще объяснить нашим мамам тот милый факт, что мы живем вместе.

— Чтобы расписали, надо ещё ребёнка зачать, — напугала его я.

— Ребёнка?! А ты уверена, что не беременна? — вдруг спросил он.

— В этом никогда нельзя быть уверенной, — подразнила я его. — Но не волнуйся, ребенок не входит в мои планы.

— Ты относишься ко всему очень несерьёзно, всё у тебя шуточки.

— Нет смысла казаться серьёзной, когда для этого нет повода.

— Так ты выйдешь за меня?

Боже мой! Казалось ещё минута, и он упадёт передо мной на колени. Взгляд исподлобья, то ли ударит меня сейчас, то ли заплачет.

— Вадик, прекрати! Мы ещё маленькие для свадьбы-женитьбы. И, вообще, есть дела поважнее.

Слышала бы моя мама наши разговоры! Вадик из всех моих знакомых ей особенно не нравился. «Мама на заводе работает, отца нет. Не трать на него время», — так я и слышала её голос. Хорошо, что у неё не было времени следить за моими привязанностями. Узнай мама о наших отношениях, пришла бы в ужас. «Муж должен быть твоего круга», — неустанно повторяла она. Я, конечно, с ней соглашалась и бежала на свидание с каким-нибудь двоечником, который мне такие песни пел под гитару, что плевать мне было на все сословия. Хорошо еще, что папа с ней не соглашался. Среди его знакомых был один министр и обычный водитель троллейбуса, с которыми они любили выпить по кружечке пива. Ну а замуж выходить, считал папа, надо только в том случае, если без этого человека тебе белый свет не мил.

Но я уверена, что вполне обошлась бы без Вадика, несмотря на всю мою нежную к нему привязанность и даже на тот факт, что, кроме того, что он был моим первым мужчиной, заниматься любовью мне с ним очень нравилось.

Вечером мы держали совет с Марией Васильевной. Решено было сделать следующее:

упаковать розы в два больших чемодана перед вылетом. Прилетев в Москву рано утром, мы сразу отправлялись рынок торговать, потом ехали к Вадiku, ставили остатки роз на ночь в вёдра отпиваться. Утром следующего дня опять на рынок. Сколько времени это займёт, никто не знал, всё зависело от того, какая будет торговля. Потом мы летим обратно в Адлер и, в случае успеха, всё повторяем.

На следующий день мы купили два билета в Москву. Вадик позвонил маме и предупредил её о нашем приезде. Из переговорной кабинки он вышел весёлый и объявил:

— Мама будет рада, что ты поживёшь у нас.

— Она, наверно, догадалась, что мы с тобой спим, да? — вдруг забеспокоилась я.

— Об этом она не спрашивала, — засмеялся Вадик.

— И она знает, что я сбежала из дома?

— Я сказал, что ты в депрессии и тебе нужна моя помощь, и как друг, я должен быть с тобой, чтобы ты не наделала глупостей.

— Она меня осуждает?

— Вовсе нет.

Я обхватила голову руками и съёжилась на стуле.

— Мне стыдно! Я не могу показаться ей на глаза. Она, наверно, считает меня безнравственной, раз я согласилась с тобой жить до свадьбы.

Вадик расхохотался и пропел ехиднёвским голосом:

— Ну же, Виктория, выше голову. Я удивлён, что ты можешь испытывать такие чувства. Тебе же всегда было наплевать, что о тебе подумают другие?!

Я молча вышла из здания почты, Вадик закурил. При одной мысли, что я возвращаюсь в Москву, у меня начиналась паника. Вдруг меня ищут? И как я буду жить у Вадика? А вдруг не пойдёт торговля? И что подумает его мама о наших отношениях? Что же я наделала! Ещё всего три месяца назад я жила у папы с мамой под крылышком, и, не случись ничего такого, отдыхала бы с родителями в санатории.

Усилием воли я приказала себе собраться. Вадик прав. «Люди пусть думают, что хотят. Екатерина Ивановна готова меня принять — это главное. Я смогу осуществить свой план, и никто меня не сможет остановить. А, может, мне удастся развернуться в цветочном бизнесе и встать на ноги? И тогда посмотрим. Победителей не судят, а я собираюсь победить», — успокаивала я себя мысленно фразами, вычитанными из какой-то книжки.

Я подняла глаза на Вадика и улыбнулась:

— Пройдёмся по набережной?

— Рад, что угрызания совести не слишком долго беспокоили тебя, — иронично сказал Вадик, целуя меня в щеку.

Мария Васильевна была абсолютно права, когда говорила, что я совершенно не представляю во что ввязываюсь. Чемодан с розами был очень тяжёлым, к тому же бил по ногам, но, стиснув зубы, я тащила его вперёд. В Москве стояла такая же жара, как и на юге, только без моря и свежего воздуха. Сначала мы заехали к Вадику и пересортировали розы, самые стойкие поставили в вёдра и кастрюлю, а другие связали для торговли. По всей квартире стоял приторный запах, как в цветочном магазине.

— Как же я боюсь твоей мамы, — вздохнула я, развалившись на диване, с тоской думая о поездке на рынок через весь город.

Вадик присел на краешек дивана.

— Не надо бояться. Моя мама удивительный человек, она всё поймёт как надо.

— Странно, что ты так в этом уверен. На её месте я бы выбросила розы и отправила бы меня домой. Моя мама бы так и сделала.

— Поверь, я всё устрою, — он потерся об меня носом. — Главное, что ты со мной, ты уже ко мне переехала. Может, и замуж скоро за меня выйдешь?

— Ох, Вадик! Голова полна забот, а ты с глупостями. Не выйду я за тебя замуж и жить у тебя не буду. Ну, если только временно пока не скоплю денег на собственное жильё.

— Ладно, посмотрим. Кофе будешь?

Он ушёл готовить кофе, а я рассматривая свои исколотые руки, подумала, что уже не люблю розы, как раньше.

Рынок нас встретил не приветливо. Озираясь по сторонам в поисках свободного места, я почувствовала себя маленькой девочкой. Мне стоило больших усилий взять себя в руки, так хотелось убежать. Я даже не могла представить, как встану и начну продавать цветы, а все будут смотреть на меня. Мою проблему решил Вадик, он попросил подвинуться какую-то старушку с подмосковными ромашками и подтолкнул меня. Я стояла, раскрыв рот, колени подгибались.

— Ну, давай же, — Вадик деловито раскладывал цветы.

— Не могу, — я вцепилась в его руку.

— Что, значит, не можешь? — несколько грубо спросил он.

— Я... Мне.... нехорошо. Я не могу! Мне кажется, что на меня все смотрят.

— Конечно, смотрят. Им же интересно, какой товар ты привезла. Вдруг торговлю перебьёшь?

— Мне кажется, они смотрят на меня!

— Ах, это.... Ну, ты же у нас первая красавица, что же ты вдруг растерялась от взглядов кавказских джигитов? Улыбнись им, как ты это делала на пляже, — издевался надо мной Вадик. — Давай, лучше, узнай, где достать воды, а я пока разложусь и узнаю цены у соседей.

Я с уважением посмотрела на Вадика, он производил впечатление человека, который всю жизнь торговал здесь. Даже если у него всё и сжималось внутри, внешне он был спокоен и собран. На деревянных ногах с ведром в руке я отправилась за водой, проклиная свою слабость. Никогда в жизни не считала себя застенчивой, а сейчас веду себя, как

идиотка, и ничего не могу поделать. Я приволокла ведро, Вадик уже красиво разложил розы и успел написать ценники.

— Иди сюда, сейчас мы им покажем торговлю: наши цены будут самыми низкими, а розы самыми красивыми.

Я чуть-чуть пришла в себя, но как только к нам направилась первая покупательница, спряталась под прилавком, делая вид, что перебираю цветы. Я патологически не могла с ней поговорить. Зато Вадим запел зычным голосом при её приближении:

— Девушка, розочки южные, дешёвые, выращенные под ярким солнцем, красивые как вы.

От ужаса, что она к нам подойдёт, я пригнулась ещё ниже. Со своего места я видела стройные ножки в красных босоножках и слышала голос неутомимого Вадика:

— Вам какие, девушка? Красные? О, цвет любви, замечательный выбор. Или жёлтые хотите? А может белые? Вот эти? А?

— Да, вот эти хороши, я возьму.

— Завернуть? — спросил он.

— Спасибо, — ответил нежный голос. — А вы всегда здесь торгуете? Я раньше вас не видела.

— Теперь буду часто, заходите. Телефончик не оставите? — поинтересовался наглый Вадик.

Она засмеялась и записала телефон прямо на денежной купюре.

— Только не дайте кому-нибудь вместо сдачи, — кокетничала девица.

Я задохнулась от гнева. Да как он смеет при мне вести такие разговоры?!

— Не отходите вечером от телефона, у меня будет интересное предложение.

— Я буду ждать, — бросила она через плечо, прижав к груди большой букет из красных роз.

— Вика, ты где? — нагнулся ко мне Вадик. — Я уже заработал денег и номер телефона, а ты всё прячешься.

Я заставила себя вылезти из-под прилавка.

— Да как тебе не стыдно! — набросилась я на него, чувствуя себя идиоткой.

— Что стыдно? Зарабатывать денег? — продолжал издеваться он. — Ты считаешь это неприличным занятием? Ну кто бы мог подумать?!

Я стояла красная и злая, готовая врезать ему по ухмыляющейся физиономии и убежать с рынка. Я не могу здесь стоять, когда на меня все смотрят.

— Вика, успокойся! — Вадик обнял меня за плечи, его голос стал ласковым. — Я понимаю, что тебе тяжело, но именно сейчас ты должна перебороть свою скромность или гордость, я не знаю, как это называется, и начать работать. Посмотри, люди вокруг тебя делают это с лёгкостью, и это вовсе не зазорно, продавать цветы. Или ты всё ещё девочка из хорошей семьи? Или ты сама по себе, чёрт возьми?

— Прекрати! Я не хочу, чтобы ты разговаривал со мной таким тоном! — я скинула его руку со своего плеча.

Вадик фыркнул и вернулся к составлению букета, процедив мне сквозь зубы:

— Должен тебя предупредить, если ты не будешь мне помогать, я буду брать телефоны у всех девушек, проходящих мимо.

— Ах, так! Ну ладно! Смотри же! — мне стало жарко от злости, и страх куда-то

исчез. — Мужчина, мужчина! — закричала я, заметив покупателя. Схватив несколько роз в охапку, я выскочила из-за прилавка и подлетела к нему.

— Самые красивые розы для вас и вашей девушки!

Его глазки остановились на мне, полностью проигнорировав цветы.

— Чудесные розы, — он полез за бумажником. — Как вас зовут, девушка?

— Вика, — улыбнулась я. — А вас?

— Саша.

Мы смотрели друг другу в глаза.

— Знаете, вы очень красивы, — он достал купюру из бумажника. — А сколько стоят розы?

Я шепнула цену ему на ухо.

— Ничего себе, — ухмыльнулся он. — Да ладно, не важно, — он дал мне визитку, — Позвоните мне, когда освободитесь? Мы что-нибудь придумаем.

— А что тут можно придумать, — разошлась я, зажав деньги в кулачке. — Поужинаем где-нибудь. А потом поедem или к тебе, если ты не женат, или ко мне, если тебя уже окольцевали.

Мужик расхохотался и похлопал меня по плечу.

— А ты молодец! Если позвонишь, обещаю изменить сценарий.

— Может быть, — я развернулась и, помахивая визиткой, пошла к прилавку, наблюдая за Вадиком: он казался бледнее самой нежной белой розы.

Вдруг я почувствовала, что кто-то схватил меня за запястье, я повернулась и встретила взглядом с мужчиной южного типа:

— Что ты себе позволяешь?! Это был мой клиент. Не выскакивай из-за прилавка, моя сладенькая, а то я тебе устрою здесь.

Ко мне подскочил Вадик.

— Отпусти её немедленно!

— Следи за своей бабой! — грубо ответил грузин, выпустив мою руку. — Пусть с места торгует! Нечего выскакивать!

— Она больше не будет.

Вадик взял меня за руку, прошипев на ухо:

— Совсем сдурела, то под прилавком сидит от страха, то на людей бросается.

— А у меня тоже есть телефончик, — я помахала визиткой. — Он ждёт меня на ужин.

— Дай сюда! — Вадик потянулся за визиткой. — Вечно к тебе липнут какие-то козлы.

— Он не козёл, он генеральный директор... — начала читать я, но Вадик вырвал у меня визитку. Я потянулась за ней и опрокинула ведро с водой на ноги нашей соседке.

— Ты больная что-ли? — возмутилась она и выругалась.

Еле сдерживаясь от смеха, я пролепетала извинения, а когда повернулась, заметила клочки визитки, разлетающиеся по ветру. Вадик улыбался, а я подумала, что вряд ли этому мужичку удалось бы изменить сценарий, разве что слегка оттянуть финал. Так что все к лучшему.

К вечеру мы валились с ног от усталости, но выручка была очень хорошей, намного больше чем ожидалось. Там же, на рынке, мы накупили красивых зеркальных пакетов, ленты и соседка научила делать меня букеты, которые продавались гораздо выше стоимости роз,

причем, розы туда можно вставить, которым жить осталось совсем недолго. Я оказалась права: южные розы, яркие, с большим бутоном, привлекали больше внимания, чем их подмосковные собратья. Мы бережно собрали остатки и двинулись к метро. В кармане шуршали мои первые, самостоятельно заработанные деньги. Если бы не предстоящая встреча с мамой Вадика, я испытывала бы состояние эйфории. Около подъезда мы остановились, Вадик закурил и спросил меня:

— Ну, ты довольна, бизнес леди?

— Конечно, — улыбнулась я из последних сил. — Только боюсь встречи с твоей мамой и ужасно устала. Сейчас бы завалиться на диван и спать, спать, спать.

— Не бойся мамы, она тебя полюбит.

— Ну я не собираюсь задерживаться. Если дела пойдут, надеюсь, я скоро смогу снять что-нибудь.

— Ты совсем не собираешься возвращаться домой?

— Нет, я теперь сама по себе.

— Ну, хотя бы маме позвони. Она же волнуется.

— Позвоню попозже, пусть думает, что я ещё отдыхаю. Я собираюсь сначала снять комнату, а потом уже объявить о своей самостоятельности. Пусть выходит замуж, делает всё, что угодно, я с ними жить не буду.

— Ты жестока к матери, она не заслужила этого. Она всего лишь полюбила.

— Полюбила?! — сморщилась я. — Из-за того, что одному человеку кажется, что он влюбился, он ломает всё, что строилось годами. А того, кого он любил раньше, с кем он делил радость и горе, он готов послать к чёрту вместе с отпрысками, которые тоже стали помехой новому чувству. Нет, здесь что-то неправильно, близкие люди не должны страдать оттого, что новый мужчина оказался вдруг милее собственного мужа. Можно же как-то бороться с собой? Не складывать же сразу лапки и вздыхать: «Ах, это любовь, я ничего не могу с собой поделать». Да и кончается это всегда плохо.

— Почему плохо?

— Потому что эйфория проходит, когда они, наконец, оказываются вместе. У плохого начала не бывает хорошего конца.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда сама влюбишься.

— Я уже люблю тебя, — улыбнулась я. — В этот момент я любила не только Вадика, но и весь мир.

— Меня ты не любишь, к сожалению, — грустно сказал Вадик, — Да и никогда не любила.

— Глупости! Тогда почему же я с тобой?

— Потому что ты хочешь поиграть во взрослую жизнь, а я на данный момент самая подходящая кандидатура, — сказал он, не глядя на меня.

— Зачем ты так? Я хорошо к тебе отношусь, может, я не умею любить.

— Просто я не тот, кто тебе нужен. Я был для тебя другом, другом и остался, несмотря на то, что мы теперь спим вместе.

«Зря я это затеяла, Вадик заслуживает любви», — подумала я.

— Вик, — он наклонился ко мне и обнял. — Я всё равно тебе благодарен, что ты со мной. Я был твоим первым мужчиной, это останется со мной на всю жизнь. Но я не знаю, как я буду жить, когда ты уйдёшь.

— Может, я надоем тебе раньше, чем уйду? Перестань раскисать, всё будет хорошо.

Пойдём лучше домой, — мне хотелось закончить этот разговор. И почему людям не живётся без того, чтобы втрескаться в кого-то по самые уши? Лично меня уже достала эта любовь вокруг меня. Мне кажется, жизнь прекрасна и без нее.

Вадик открыл дверь своим ключом. Екатерина Ивановна вышла в коридор и грозно заявила:

— Явился, значит, блудный сын!

Я выступила из-за спины Вадика и пискнула:

— Здравствуйте!

Она бросила на меня беглый взгляд и обрушилась на Вадика:

— Да как ты смел так поступить со мной! Я ночей не спала, не знала, жив ли ты. Как ты мог укатить на юг без разрешения, да ещё с девчонкой из этой семьи? Да тебя посадит её мама только за то, что ты рядом с ней стоишь. Сколько раз я тебе говорила, держись от неё подальше. А что это за розы в вёдрах? Вы их украли? Господи, ну послал же бог сына.

Я никогда не видела её в таком состоянии. В её глазах стояли слёзы, а голос дрожал и срывался на визг.

Я решила взять огонь на себя.

— Екатерина Ивановна, — начала я спокойно и твёрдо. — Вадик не виноват, это была моя идея поехать на юг. С ним или без него, я бы всё равно уехала, так сложились обстоятельства. А он, как хороший друг, пришёл мне на помощь и не позволил уехать одной. Вы можете им гордиться! — выпалив свою тираду, я твёрдо посмотрела ей в глаза.

От моей тирады у Екатерины Ивановны отвисла челюсть, и она даже не знала, что ответить, только смотрела на меня и хмурилась, а продолжала совершенно искренне приводить доводы в пользу Вадика.

— Идите на кухню, — наконец, заявила она и скрылась в ванной.

Она долго отсутствовала, лишь было слышно, как текла вода.

Мы сидели за столом, Вадик разглядывал свои руки, а я спросила:

— Ты же говорил, что всё ей рассказал?! Но она ничего не знает про цветы.

— Я обманул, — честно признался он. — Думал, что мы вместе все ей расскажем, но она почему-то сегодня раньше пришла с работы, и она порадуетя, что мы решили зарабатывать деньги.

Я хотела ему сказать всё, что о нём думаю, но в этот момент Екатерина Ивановна вернулась и села за стол.

— Вика, тебя надо было бы выпороть... — начала она.

— Давайте я вам всё расскажу, — перебила я. — Тогда, может быть, вы не будете считать меня сумасбродкой.

И я начала рассказывать о том, как мама полюбила другого, про папин уход из жизни, о том, как я не могла оставаться дома, и, наконец, о том, что мама собирается снова замуж. Но это её, мамино, личное дело, просто я не хочу в этом участвовать, я не буду жить с ними, я собираюсь начать собственную самостоятельную жизнь, а также зарабатывать себе на жизнь.

Во время моего рассказа меня никто не прерывал, две пары внимательных глаз не отрывались от моего лица, в заключении я сказала:

— Екатерина Ивановна, вы можете позвонить моей маме и сообщить ей, что я здесь,

можете просто выгнать меня на улицу, вы будете правы. В любом случае я не вернусь домой — это моё решение.

Я смахнула выступившие слёзы и ушла в ванную, предоставив им возможность всё обсудить. Холодная вода остудила горящие щёки. Я сидела на краю ванной и проклинала свой бестолковый возраст, из-за которого не могла распоряжаться своей жизнью. Тихий стук в дверь прервал мои размышления. Ополоснув лицо, я открыла дверь. Екатерина Ивановна протянула мне халат и полотенце.

— Думаю, тебе захочется принять душ перед ужином, — её взгляд был тёплым, таким как раньше, когда я приходила к Вадику в гости.

А потом мы ужинали жареной картошкой с котлетами, и всё было так, как будто я давно здесь жила. Екатерина Ивановна поставила только два условия: первое, чтобы я сообщила маме, что со мной всё в порядке, а второе, чтобы мы закончили с продажей цветов до первого сентября и пошли в школу. Я согласилась и написала маме коротенькое письмо, что жива, здорова и работаю. А в школу я не собиралась возвращаться: пора детства закончилась для меня давно, и тяга к деньгам у меня была куда больше чем к знаниям. Но это об этом я никому не сказала, лишь пообещала, что постараюсь решить свои проблемы за оставшиеся два месяца. После ужина мы занялись мытьем посуды, а Вадик ушёл курить на лестницу. Екатерина Ивановна прошептала:

— Ты хоть любишь его немножко?

Я вздохнула и решила быть честной перед ней:

— Мне кажется, я не умею любить. Мы понимаем друг друга, нам хорошо вместе, но мы скорее друзья, чем... — я замаялась, не зная этого определения.

— Но вы же спите вместе, не так ли?

— Да, — я выдержала её взгляд.

— Ты, надеюсь, не беременна?

— Нет, я принимаю таблетки. Дети нам ни к чему. И, знаете, не волнуйтесь, пожалуйста, я не претендую на Вадика, и уж никак не буду ему обузой. Мы будем готовить, покупать продукты и убираться, и я обещаю не мешаться под ногами, а при первой же возможности сниму комнату.

— Ты неправильно поняла меня, — Екатерина Ивановна ласково дотронулась до моего плеча. — Я хочу знать насколько серьезно ты к нему относишься? Он влюблен в тебя с детского сада, только молчал и друга разыгрывал. А сам знаешь, как переживал, когда ты с парнями гуляла? Он у меня такой, всё в себе держит. Вот и сейчас мне сказал: «Прогонишь Вику, уйду вместе с ней. У нас всё серьезно». Вот я и решила тебя спросить.

— Насколько я серьезно настроена? — я задумалась. — Не знаю, что и сказать вам. У меня столько всего случилось, столько планов, и я не готова пока к серьезным отношениям. Мне кажется важнее сейчас встать на ноги, заработать денег, а уж потом решать остальные вопросы.

Екатерина Ивановна повесила полотенце и обняла меня.

— Ты умная девочка, Вика. Мне очень жаль, что у тебя так получилось в семье. Ты можешь жить у нас сколько хочешь. Только прошу тебя не делать больно моему сыну.

— Спасибо, я постараюсь, — я тоже обняла её, испытав огромное облегчение, что всё-таки не разочаровала её.

Вадик застыл на пороге:

— О! Я думаю, вы поладили.

— А мы всегда ладили, — усмехнулась мама, глядя на сына с любовью. — Ну что, время позднее, давайте спать ложиться. Вы у нас теперь работаете. Я постелю Вике в твоей комнате, а тебе придётся спать на полу в гостиной. Как бы там ни было, нужно соблюдать приличия.

Я кивнула в ответ, от усталости я просто валилась с ног и заснула бы на коврик у двери.

— Наш план получил официальное одобрение, — пропел Вадик, заключив меня в объятия. — Как тебе это удалось?

— Не знаю. Мы поговорили по душам, но я до сих пор чувствую себя иноземным захватчиком.

— Я счастлив, что ты будешь жить в моей комнате, — он прижал меня к себе так, что у меня захрустели кости.

— Перестань, мама может войти, — мне было совсем не до нежности. — Я, к сожалению, испытывала совершенно другие чувства: неловкость, жуткую усталость и острую тоску по дому, который у меня был когда-то. К тому же я была совсем не уверена, что поступила правильно, приехав сюда. Екатерина Ивановна лишь подтвердила мои опасения: Вадик слишком серьёзно воспринимает наши отношения.

Последующие дни были похожи друг на друга, как близнецы. Мы рано поднимались, чтобы успеть занять место на рынке, поздно возвращались на распухших от постоянного стояния ногах. Сил хватало только на то, чтобы смыть уличную грязь и наскоро проглотить ужин, приготовленный заботливой Екатериной Ивановной. Исколотые шипами руки с трудом удерживали горячую чашку чая. Потом мы падали в постель и засыпали. Лишённые романтики южных ночей и плеска волн, наши отношения грозили превратиться в будничные. Всё это время я чувствовала на себе внимательные взгляды Вадика и его мамы. Они ждали, когда я натешусь самостоятельностью и вернусь на своё место избалованной девочки. Особенное мучение причиняли исколотые пальцы рук, они гноились и болели. С маникюром пришлось расстаться: я срезала ногти под корень. Но я не собиралась сдаваться, я шла на рынок как на праздник, расправив плечи, оттягиваемые вниз тяжёлой коробкой с цветами. И когда мне было особенно трудно, я представляла, что мне придётся вернуться домой, где мамин женишок ходит в папином халате, спит в папиной спальне и целует маму на ночь. Подступающий к горлу ком отвращения придавал сил.

Впрочем, у меня были профессиональные успехи: я научилась делать букеты, украшать их бантиками и завитушками, это приносило дополнительные деньги за упаковку, хотя и выглядело вульгарно. И ещё: когда я поняла, что денег не будет так много, как я ожидала, мы докупили цветы в подмосковном совхозе и разнообразили наш ассортимент. Я вполне освоилась на рынке, знала, как зовут соседей, но разговаривать нам было не о чём, кроме как попросить друг друга присмотреть за цветами, когда нужно отлучиться. Я начала курить, это помогало снять напряжение и заполнить паузы между покупателями. Мне казалось, что, стоя за прилавком, я испытывала всё сразу: боль, отчаяние, вину и жалость к себе. В глубине души я по-прежнему оставалась домашней девочкой из интеллигентной семьи.

Как-то после очередного покупателя, который купил много роз, к нам подвалил свирепый кавказец.

— Почём продаёшь? — рявкнул он, обращаясь к нам.

Испытывая неприятное чувство страха, я назвала цену, благоразумно завысив её.

— Ты что, женщина?! — придвинулся он ко мне, обдав винным перегаром и табаком.

— Держите наши цены! На хрен торговлю сбивать?! Ты поняла меня? — он схватил меня за руку.

— Отпусти её! — вступился Вадик.

— Я всё сказал! Ещё раз такое будет, больше здесь торговать не будете, ясно?

Не дожидаясь ответа, он удалился, чувствуя себя хозяином этого кусочка земли, называемого рынком.

— Сволочи, — я потёрла руку.

— А он дело говорит, — неожиданно сказала тихая армянка слева. — Поднимите цену, больше заработаете, и другим мешать не будете.

— Вы думаете? — интеллигентно поинтересовался Вадик. — Дело в том, что южная роза плохо стоит в воде, поэтому цена низкая.

— Какая кому разница, сколько она стоит — продали и забыли, — отрезала армянка. —

Ваше дело — деньги снять, а не заботиться о покупателе, который попадает на дешёвку.

— Пожалуй, они правы, — шепнула я Вадику. — Если мы хотим здесь работать, придётся играть по их правилам. К сожалению, мы слишком слабы, чтобы устанавливать свои.

— Вот, позор! Какие-то уроды будут диктовать свои условия, — слишком громко возмутился Вадик.

— Тихо, — прижала я палец к его губам. — Разбираться будешь в школе с пацанами, а здесь молчи. К тому же не вижу ничего плохого заработать больше. Посмотри, роз осталось не так много, можно попробовать.

Мы подняли цены, это затормозило торговлю, но всё равно южные розы продавались хорошо. Через три дня мы распродали остатки южных роз и закупили дешёвой гвоздики.

Это было интересное время, я считала, что провела его с большей пользой, нежели в школе. На улице, в пыли и грязи, с исколотыми в кровь руками и карманами, набитыми денежными купюрами, я гордилась собой. У меня никогда не было столько денег, но в то же время я понимала, что опустилась вниз, потеряв что-то очень ценное, может быть, это и был тот самый социальный статус, над которым я раньше смеялась. Один раз мне приснился сон, что я стою за прилавком, а ко мне подходит моя мама, красиво одетая и причёсанная, и, покачав головой, уходит, а я бегу за ней, но не могу догнать. Я проснулась в слезах и долго лежала без сна. Но я не делала ничего плохого. Как мне убедить ее в этом, если такое случится на самом деле?

Я с интересом наблюдала за людьми, окружающими меня на рынке: вот бомж, сладко спящий на картонке, а вот старушка-попрошайка, каждый день исправно обходящая цветочные ряды, а вот кавказцы, приехавшие в Москву заработать, и ведущие себя не как гости столицы, а как её хозяева. Это был совершенно другой мир, отличный от музыки, книг и школы, и я училась в нём выживать. Моя новая жизнь началась здесь: на асфальте, где я наспех ела грязными руками и училась быть взрослой.

Когда мы распродали все и решили ехать обратно, оказалось, знакомый Екатерины Ивановны едет в Краснодар к родственникам и согласен взять нас, если мы оплатим бензин.

Как же отличались мы от тех детей, которые были здесь совсем недавно. Мы стали увереннее и равнодушнее, а уж о романтике в наших личных отношениях говорить не приходилось. Вадик перестал казаться мне милым, а стал партнёром по бизнесу. Общее дело и общий кошелёк, не хуже бытовых трудностей, убивает любовь. Теперь мы говорили о чём угодно, кроме любви, о ценах на цветы и продукты, о прохожих и погоде. Впервые в моей жизни у меня были деньги, которые я могла тратить и никого не спрашивать. Моё желание жить самостоятельно было настолько сильным, что я не побаловала себя никаким подарком, отложив все покупки до лучших времён.

Перед отъездом я решила зайти домой за вещами, мне отчаянно хотелось оказаться хотя бы ненадолго в знакомой обстановке. Подняв трубку, я набрала знакомый номер и, услышав длинные гудки, почти бегом побежала по знакомым улицам. Ком в горле и слёзы на глазах мешали открыть хитрый замок, который поставил папа на случай прихода незваных гостей. В квартире было тихо, и, если бы мама в тот момент оказалась дома, я бросилась бы к ней на

шею, но дома никого не было, лишь незнакомый галстук, небрежно оставленный в спальне, напомнил мне, что всё изменилось. Я ходила по комнатам и ласкала взглядом знакомые вещи, испытывая лишь одно желание — вернуться домой, но только чтобы всё осталось по-прежнему. Жить с чужим человеком, вторгнувшимся в нашу жизнь, я не могла. Выйдя на балкон, мой взгляд упал на монастырь, и я почувствовала странное желание обратиться к Богу, верить в которого так и не научилась. Мне так нужна была поддержка, но в этой жизни мне никто не мог помочь кроме меня самой. Вздохнув, я пошла в свою комнату, собирать вещи. А потом долго сидела за письменным столом и сочиняла письмо маме, думая о том, что она перестала быть мне родным человеком, предав сначала папу, а потом и память о нем. Я никогда не смогу относиться к ней, как раньше. В нескольких фразах я сообщала, что у меня есть работа и жильё, что я здорова и счастлива и не собираюсь возвращаться домой. Оставила письмо на кухонном столе, не думая, что оно может попасть в чужие руки.

На следующий день к вечеру, мы были уже в Сочи и обсуждали дальнейшие планы по продаже роз с Марией Васильевной, которая была удивлена нашим возвращением с деньгами. Решив дела, мы отправились к морю и до изнеможения плавали и ныряли, смывая московскую пыль. Потом мы долго сидели, любуясь тонущем в море солнцем, и обнимались. Когда стало прохладно, мы отправились в кафе поесть шашлыков и выпить вина.

— За тебя! — поднял Вадик бокал, глядя мне в глаза.

— За нас! — не согласилась я. — За нашу общую победу! Если бы ты тогда не начал так ловко торговать, я бы не вылезла из-под прилавка.

— Да ладно тебе, — смутился Вадик. — Знала бы ты, как я до сих пор себя чувствую на рынке.

— Ну, по тебе это не видно. А я уже привыкла. Главное, что мы делаем деньги.

— Главное, что мы вместе, — поправил меня Вадик.

Жаль, что я не считала это главным, поэтому промолчала.

— Знаешь, я всё время ждал, что ты сломаешься, будешь жаловаться, а ты, стиснув зубы, молчала и делала дело. Я видел, как ты уставала, как тебе было тяжело, но ты держалась молодцом. Оказалось, я совсем не знал тебя. Я считал тебя избалованной девчонкой и даже не мог представить, что ты такая.

— Надеюсь, ты не разочарован? — его слова были мне приятны.

— Нет, очарован ещё больше, — он поцеловал мне руку. — Эти маленькие исколотые пальчики делали шикарные букеты.

Он начал целовать один палец за другим, а я смутилась, снова почувствовав нежность к нему.

— Перестань, на нас смотрят, — я отняла руку. — В Москве ты вёл себя иначе.

— Ха, в Москве я уставал как собака. Но твоя стойкость поддерживала меня. Ты умеешь быть и очаровательной, и деловой.

Я сидела с бокалом в руке и смотрела на плескавшееся внизу море и чувствовала себя почти счастливой.

— Ты счастлив? — неожиданно спросила я Вадика.

— Конечно, счастлив. Сiju у моря с красивой девушкой и запиваю вкусный шашлык домашним вином.

— Как всё просто, — вздохнула я. — А у меня всегда что-то мешает радоваться жизни.

— Это пройдёт, — авторитетно заявил мой друг.

— И когда же?

— Когда допьём бутылку, — улыбнулся Вадик.

— Очень мило, — фыркнула я. — Вот люди и спиваются. С каждым бокалом жизнь становится всё лучше и лучше.

— Да ладно тебе, я пошутил. Я счастлив, потому что я с тобой. Я вижу твои глаза и твою улыбку, могу коснуться твоей руки, и ты моя, единственная и любимая.

Я опустила глаза: с некоторых пор меня стали раздражать разговоры о любви.

— Пойдём лучше потанцуем, — предложила я.

Три дня на море пролетели быстро. Отдыхать не работать: на рынке день тянется как резиновый, а на море кажется: несколько раз искупались, а солнце уже садится.

Нагруженные цветами, мы вернулись в Москву. В этот раз роз было намного больше, из аэропорта пришлось взять такси. Екатерина Ивановна встретила нас пирожками с мясом и картошкой. Жаренные в масле, с восхитительной, румяной корочкой, они таяли во рту. Отправляя в рот пятый пирожок, я оглядывала маленькую чистенькую кухню. Мама Вадика прекрасно вела хозяйство: обеды превосходны, квартира чисто убрана, постельное бельё накрахмалено. Странно, что она так и не вышла замуж. Моя мама вряд ли могла сварить простенький супчик, а уж до уборки никогда не опускалась. Интересно, кто у них там сейчас убирается? Наверное, опять наша соседка, которой не хватает маленькой пенсии.

— О чём задумалась, красавица? — голос Екатерины Ивановны отвлёк меня от моих мыслей. Я и не заметила, что мы остались одни.

— Я? Думаю как у вас всё чисто и аккуратно, — быстро нашла я. — Не могла же я признаться, что размышляю, почему она не вышла замуж. — Очень вкусные пирожки. И, вообще, спасибо вам за все.

— Да ладно. Главное, чтобы ты моего сыночка не обижала.

— Ну да, обидишь его, как же?! Он умеет за себя постоять.

— Умеет, да только с тобой он стал совсем мягким, почти плюшевым.

— Это плохо? — спросила я.

— Если ты его бросишь, даже не знаю что и будет. И вообще, всё это так рано...

К счастью, для меня вошёл Вадик и избавил меня от продолжения щекотливого разговора. Я поспешно вышла из-за стола. В ванной была моя зубная щётка, на крючке висели моё полотенце и халат.

«Похоже, что я вышла замуж и не заметила этого», — подумала я, включая воду.

Жаркий август проходил в бойкой торговле. Мы стали больше закупать цветы в совхозе: летать в Сочи оказалось накладно. Я уже привыкла к такому образу жизни, и он начал мне нравится. Но особенно грела душу та кучка денежных купюр, которая постоянно росла, говоря о том, что уже скоро я смогу жить самостоятельно. Розы перестали колоться, ноги стали меньше уставать, а по красоте составляемых букетов я превзошла всех на рынке. Мои отношения с Вадиком оставались тёплыми и ровными: мы редко ссорились. Мне по-прежнему были приятны его ласки и его внимание, но я чувствовала, что расставания не избежать. Екатерина Ивановна относилась ко мне как к дочери, и я представляла, какую обиду нанесу им своим уходом.

Я по-прежнему не могла заставить себя встретиться с мамой и объяснить ей моё поведение, и это очень мучило меня. Я боялась, что под её натиском я всё брошу и вернусь, а потом буду ругать себя за слабость. Я писала ей письма, что у меня всё хорошо: жива, здорова, работаю. Домой я больше не заходила, опускала письма в почтовый ящик и, как преступница, убегала, боясь встречи с мамой или соседями. Иногда меня посещала дикая мысль, что если бы могла, я бы организовала собственные похороны, а потом, изменив внешность, начала бы новую жизнь.

До первого сентября оставались две недели. Для себя я точно решила, что не вернусь в школу, а буду работать: я уже с трудом представляла себя за партой. Но как сказать об этом Вадiku и Екатерине Ивановне?! Последовал бы неминуемый скандал, а я боялась остаться без поддержки. Вадик нужен был мне для работы. Я привыкла к нему, у него были свои обязанности, и я не могла потерять его совсем. И тогда я придумала следующее: вместо того, чтобы стоять на рынке, можно нанять продавца, а чтобы не летать в Сочи, попробовать договориться с кем-нибудь из экипажа, чтобы мы подъезжали за коробками с цветами. Конечно, всё это должно оплачиваться, и денег стало бы меньше, но у нас освободилось бы время. Я бы взяла на себя закупку цветов в подмосковных совхозах, а Вадик мог бы учиться, а после школы приезжать на рынок. Вдохновлённая своим новым планом я пришла на кухню, где Вадик курил в одиночестве и кратко изложила суть дела. У нас ещё было две недели, чтобы всё организовать, но мой партнер неожиданно взорвался:

— Хватит фантазий! Мы работаем до сентября, а потом идём в школу! — его голос звучал раздражённо.

— Ты пойдешь в школу, а я останусь и буду работать, а ты будешь помогать мне в свободное время. У меня уже достаточно денег, чтобы съехать отсюда.

— Деньги! — заорал он. — Ты помешана на деньгах! Тебе нужны только деньги!

— Не только, — возразила я. — Мне еще нужно стать самостоятельной.

— Самостоятельность! — скривился он. — Это ещё один конёк, на котором ты едешь. Да на кой чёрт она тебе нужна? Почему ты не можешь жить, как твои ровесницы? Придёт время — будешь работать и будешь самостоятельной, тебя просто жизнь заставит. Так нет, тебе это надо делать сейчас, когда нужно учиться, чтобы стать хоть кем-то в этой жизни. Если хочешь знать, я устал от цветов, от ранних подъёмов и толчеи на рынке. Ты всё время пытаешься прыгнуть выше головы. Почему мы не можем сидеть с тобой во дворе с ребятами

и петь песни под гитару? — он уже почти кричал на меня.

Никогда до этого я не видела Вадима в такой ярости.

— Мне неинтересно тусоваться во дворе, а ты можешь идти хоть сейчас.

— Неинтересно ей?! А что тебе интересно? Рубли считать на рынке и общаться со всякой швалью? Это тебе греет душу? Может для тебя, выросшей в интеллигентной семье, это в кайф? Может, ты тащишься от этого? Ты ещё на панель пойдёшь! — Вадик нервно вытащил ещё одну сигарету из пачки.

Я решила разговаривать спокойно, в конце концов, меня научили держать себя в руках.

— Вадим, на какой вопрос ты хочешь первым услышать ответ? — на моих губах играла полуулыбка.

— Почему ты такая? — он бросил сигарету в пепельницу и, подойдя ко мне, схватил меня за плечи. — Почему, Вика?

«Ну, вот и развязка», — вяло подумала я. «Теперь у меня есть повод уйти»

Я высвободилась. Хотелось сначала выяснить: какая муха укусила Вадика.

— Что с тобой? Ты заработал денег и ещё зарабатываешь, если захочешь. Можешь, матери помогать, чтобы она не гробила себя на работе. Да и учиться можно, если очень захочешь. Только ты не хочешь, тебе песенки захотелось петь с ребятами во дворе на грязной лавке. Скатертью дорога, — я встала.

— Сядь! — он насильно усадил меня на табуретку. — Вика, я устал от твоей самовлюблённости и эгоистичности. Ты думаешь только о себе, о своих планах, своих переживаниях. Тебе нет дела, что чувствуют другие люди. Другие люди идут на жертвы ради того, чтобы тебе было хорошо. Но ты ничего не замечаешь!

— Другие это кто? Ты во множественном числе?

— Не только я, это ещё и наши матери. Тебе нет дела до своей, ты даже не знаешь, что она чувствует после ухода из дома единственной дочери. Ты не знаешь, как переживает моя мать, вынужденная тебя скрывать. А может, тебя уже с милицией ищут? Ты никогда не думала, что твоя мать может отказаться от тебя, и тебя отправят в интернат? Ты же несовершеннолетняя. — Я молчала, не зная, что сказать: такие мысли не приходили мне в голову. — Тебе лучше вернуться домой, — сказал Вадик, глядя в окно.

Я оказалась совершенно не готова к такому разговору. До меня никак не доходило, что Вадик, которого я с детства считала своим другом и с которым жила почти три месяца, как с мужем, так плохо думает обо мне. Его слова вонзились в меня как иголки, причиняя почти физическую боль. Похоже, его уже тяготила неопределённость наших отношений. Конечно, мне надо уйти. Но я сидела, как будто у меня отнялись ноги и только мысли блуждали по кругу. Куда идти? Домой? Ни за что. Я должна остаться одна и всё обдумать. Удар был неожиданным и болезненным: мы так долго были вместе, и я привыкла к Вадиду. Но после таких слов остаться невозможно. Ещё не хватало быть обузой. Я медленно сосчитала до трёх и заставила себя подняться и пойти в нашу, теперь уже бывшую, комнату. Мне никто не мешал, Вадим по-прежнему сидел на кухне. Я разделалась с вещами, свалив их кое-как в сумку, мне было не до аккуратности, и переоделась в джинсы и футболку. С сумкой в руках я заглянула на кухню. Вадик, ссутулившись, сидел на том же месте, не меняя позы.

— Я ухожу, — бросила я с порога. — Можешь возвращаться к игрушкам и тетрадкам.

— Надеюсь, ты идёшь домой?

— А я надеюсь, что тебя больше никогда не будет волновать вопрос «куда я иду».

Спасибо за приют, передавай привет маме. Я больше не буду беспокоить вас, — я быстро повернулась для того, чтобы скрыть слёзы, которых он не должен видеть. Сильные девочки не плачут.

Я вышла, прикрыв за собой дверь. Меня никто не остановил, и я стала медленно спускаться по лестнице, тяжёлая сумка била по ногам. Я не знала ни одного человека к кому бы я могла пойти. Вышла из подъезда и села на скамейку в другом дворе. Всё кончено!

Не знаю, сколько я сидела, перебирая в памяти недавние события и восстанавливая их шаг за шагом. Больше всего меня задели его слова о моей самовлюблённости и эгоистичности. То ли я этого за собой не замечала, то ли он просто понял, что я не люблю его и не могу ответить на его чувства. А любил ли он меня на самом деле? И мог ли мужчина отпустить девушку в ночь, даже не интересуясь, куда она пойдёт? Может быть, ему было просто удобно со мной? Сначала мы развлекались на юге, я спала с ним, он чувствовал себя мужчиной, я ничего не требовала взамен. Потом я придумала, как нам заработать денег, вкалывала вместе с ним, продавая цветы и при этом была весела и доступна. Наверно, ему просто стало неинтересно со мной. Я сидела и терялась в догадках, что произошло с Вадиком, а на город надвигалась ночь. В окнах начали гаснуть огни, счастливые обладатели кроватей ложились спать. В моём распоряжении оказалась только жёсткая скамейка. Можно было бы вернуться домой, но, если уж решила стать взрослой, значит, надо идти до конца. Нужно доказать самой себе, что я всё смогу и никаким жизненным неудачам меня не сломить. «Вадик, наверное, уже ложится спать», — подумала я и сказала себе: «Стоп! Я не стану думать о нём, он этого не заслуживает. Пусть катится в школу»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вспомнился вокзал. Там можно сдать сумку в камеру хранения и поспать в кресле до утра, а утром я что-нибудь придумаю. Из всех вокзалов я выбрала Павелецкий и едва успела на пересадку. Времени было около часа ночи. Долго же я сидела на скамейке, хорошо, что на метро успела. На вокзале было шумно и душно, но обычная сутолока совсем не раздражала меня: наоборот, отвлекала от Вадика. Мне нравилось, что вокруг меня люди. Я бросила сумку в камеру хранения, спрятала деньги в джинсы и, набрав кодом, день моего рождения, захлопнула дверцу. При мне осталась маленькая сумочка с косметикой и уютный кардиган. Со свободными руками я почувствовала себя лучше и решила привести себя в порядок. В туалете я причесалась, подкрасилась, улыбнулась своему отражению. Сидеть в кресле не хотелось, моя душа требовала движения, поэтому я решила прогуляться. Выйдя на свежий воздух, я вдохнула полной грудью и подумала, что теперь я абсолютно одна и готова к новым переменам.

Прогулки по городу всегда успокаивали меня, рассматривая здания, огни, людей, я что-то придумывала, растворялась в этом, забывала о своих горестях. Так было и на этот раз, но моя одинокая фигурка слишком бросалась в глаза. Около меня останавливались машины, приглашая прокатиться, подвыпившие мужички лезли познакомиться. После того, как очередной желающий поразвлечься схватил меня за руку, мне пришлось врезаться ему сумочкой и пуститься наутёк. Отягощенный спиртным и лишним весом, он быстро сошёл с дистанции, а я, пробежав пару кварталов, выбежала на Садовое кольцо. Поток мчавшихся автомобилей вызвал у меня желание прокатиться на такси. Я выставила руку, и машина не заставила себя долго ждать. Таксист задал дежурный вопрос:

— Куда?

Я подняла на него глаза, передо мной сидел симпатичный паренёк лет двадцати пяти.

— Мне всё равно, — пошутила я.

Он сурово посмотрел на меня:

— А ну выходи! Тебе развлечения, а я деньги зарабатываю.

Я достала из сумки пару бумажек и бросила рядом с коробкой передач.

— Вот и зарабатывай. Катай по центру, по красивым местам, маршрут сам выберешь.

Когда деньги закончатся — отвезёшь на Павелецкий вокзал.

Парень взял деньги и бережно положил их в карман, потом спросил:

— И куда же ты, такая хорошенькая, на ночь глядя?

Наверно, для меня на сегодня было достаточно грубостей, поэтому я холодно сказала:

— Я плачу, чтобы ты ездил, а не болтал.

Парень хмыкнул и плавно тронулся с места. Я люблю ездить, звук мотора вносит умиротворение в мою душу, и я подумала, что обязательно куплю машину. Его маршрут был удачным, наши вкусы совпадали, и я получила удовольствие от прогулки. Он действительно молчал всю дорогу и, только подъехав к вокзалу, вдруг спросил:

— Как тебя зовут?

— Я же сказала, не задавай вопросов, — повторила я.

— Я подумал, могу тебе помочь.

— И как же?

— Моя смена уже закончилась, сдам машину и поеду домой. Вокзал не самое лучшее место для девушки, — он посмотрел на меня, и я заметила, что глаза у него добрые.

— Мне не нужна никакая помощь, особенно от незнакомых мужчин.

— Мы можем познакомиться. Саша, — протянул он мне руку.

Злость моя прошла, и мне действительно не хотелось на вокзал.

— Вика.

— Ну вот теперь, когда мы знакомы, скажи мне, почему такая девушка одна катается ночью на такси?

— Не вижу в этом ничего противозаконного. Я же заплатила.

— Да, кстати, — он достал мои деньги и сунул мне в руку. — Мне не нужны твои деньги. Я просто тебя не рассмотрел сначала. Пока едешь — всякое бывает, извини.

— Ладно, — я пожала плечами.

— Я, правда, хочу тебе помочь. Насколько я понимаю, по каким-то причинам тебе некуда идти.

— У меня есть целое здание Павелецкого вокзала, которое я собираюсь почтить своим присутствием, — пошутила я.

— Менты замучают вопросами. Выглядишь ты, как будто из дома сбежала. Но я не буду задавать вопросов, если захочешь — сама расскажешь. У меня хорошая двухкомнатная квартира недалеко отсюда. Я живу один и предоставлю гостиную в твоё распоряжение. Пока ты принимаешь душ, приготовлю ужин. И обещаю не посягать на твою невинность.

Моя невинность осталась в прошлом вместе с Вадиком, а предложение Саши звучало заманчиво, кроме того, упоминание о ментах испугало меня.

— Ладно, — согласилась я. — Только пообещай мне, что действительно не будешь задавать вопросов.

— Обещаю, — он улыбнулся. — Мне еще не попадались такие загадочные девушки. А

ты уверена, что тебе не нужен совет?

— Уверена. Я никогда больше не захочу ничего рассказывать, а советов с детства не терплю.

— Нет вопросов, — он нажал на газ, и машина рванулась с места.

Минут через сорок минут я переступила порог Сашиной квартиры. Она оказалась уютной и хорошо обставленной. Саша провёл меня в комнату, усадил на мягкий диван, включив телевизор.

— Я на кухню, почувствуй себя как дома.

— Помощь в приготовлении ужина нужна?

— Не терплю женщин на кухне, — бросил он мне через плечо.

Я попыталась расслабиться под монотонное бормотание. Никогда не любила телевизор, совершенно бестолковая вещь, отнимающая кучу времени. Мама предпочитала играть, а папа обычно читал. Интересно, смотрит ли мама телевизор с Коленькой? Если мой муж будет любить телевизор, то я не смогу с ним жить. Нет ничего грустнее, когда мужчина сидит перед телевизором, с увлечением переключая каналы. В конце концов, я щёлкнула пультом и выключила его. Происходящее казалось нереальным. Да я ли это?! Сажу в чужой квартире, а на кухне незнакомый парень готовит мне ужин. А что потом? Может он рассчитывает на что-то большее? А если будет настаивать? Хотя он обещал не трогать меня.

Саша вошёл в комнату в майке и шортах. Надо отдать должное, фигура у него была что надо, не то что школьная худоба Вадика. Думаю, если бы Саша немного поприставал, это было бы забавно.

— Ужин готов, леди. Ничего, что я не во фраке?

— Ничего-ничего, — я с трудом заставила себя отвести взгляд. И чего это он так разделся?

Я вошла в кухню: чисто, аккуратно, цветочки на окнах. На столе дымились яичница по-болгарски. Всё выглядело вполне респектабельно.

Я села за стол и не удержалась от вопроса:

— А ты с кем живёшь?

— Пока один. А ты хочешь пожить у меня?

Я чуть не подавилась.

— Нет, даже не надейся.

— И ты не надейся, — пошутил он.

Я занялась яичницей. Ужин прошёл в молчании.

— Ну вот и умница, — он забрал у меня чистую тарелку. — Сейчас я тебе постелю, дам чистое полотенце и халат. Но прежде чем разойдёмся, хочешь спросить...

— Да?

— Тебе нужны деньги или ещё какая-нибудь помощь?

— Мне нужна комната или квартира чтобы жить.

— И деньги, чтобы это оплачивать? — усмехнулся он.

— Послушай, — я выскочила из-за стола. — Если я согласилась принять твоё приглашение, это не даёт тебе повода так со мной разговаривать. Я не та, за кого ты меня принимаешь. Запомни это раз и навсегда. У меня есть деньги, чтобы снять жильё. И вообще,

ещё одно ехидное слово, и я уйду.

— Вот напугала, — он весело рассмеялся. — Ну и характер у тебя. Куда пойдёшь? На вокзал?

— Всё лучше, чем слушать глупости, — вздёрнула я нос.

— Сядь, поговорим. Есть у меня кое-что на примете. Знакомые попросили постояльца найти. Сколько можешь платить за месяц?

Мы договорились с утра посмотреть квартиру, а потом Саша постелил мне в гостиной, и, пожелав спокойной ночи, ушёл к себе. Я подумала, что он и не попробовал ко мне пристать.

На следующий день Саша привёл меня в чистенькую однокомнатную квартирку в Коломенском, за которую я заплатила за месяц вперед. Пожелав мне удачи, сразу удалился. А я, заперев дверь, вышла на крохотный балкончик с сигаретой. Перед моим взором медленно катила мутные воды Москва-река и важно проплывал белоснежный пароход, с которого доносилась приглушённая музыка.

Одна, одна, одна. Ну, вот теперь я действительно ни от кого не завишу, у меня есть жильё, по крайней мере, на месяц, и ещё кое-какие деньги, и я могу делать всё что захочу, а сделать нужно очень много.

Я зашла в комнату, села на старенький диванчик и посмотрела на телефон. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Но с кем? Вадику звонить нельзя, с ним всё кончено. Ольге придётся всё рассказывать, да ещё вдруг она проговорится своей маме и меня найдут. Одноклассникам и прежним кавалерам звонить не хотелось. Я вздохнула и набрала номер своей квартиры, очень хотелось услышать мамин голос. Но в трубке раздалось твёрдое мужское «алло», и я чуть её не выронила.

— Да! Алло! Слушаю, — повторял он на все лады, и вдруг я услышала мамин голос: «Коля, кто там? Может, это меня?»

Трубку положили.

Значит они вместе, и он подходит к телефону. Не знаю почему, но этот факт разозлил меня окончательно. Я не смогла бы жить с ними. Лучше уж буду одна. Смирюсь со своим одиночеством.

Я достала из сумки папину фотографию и поставила на журнальный столик рядом с телефоном. Его добрые глаза смотрели на меня ласково и внимательно.

— Я справлюсь, папочка. Я буду такой, как ты меня учил: сильной и смелой, и я не буду расстраиваться из-за того, чего я не в силах изменить.

Жизнь продолжается, а, значит, надо собраться. Я села за стол и стала писать план на следующую неделю. «Если у тебя есть план, значит, ты управляешь своей жизнью, а не она тобой», — говорил папа. «Даже если у тебя выходной, составь план интересного отдыха, включи в него встречи с друзьями, и обязательно два неинтересных, но полезных занятия, тогда день пройдёт не зря»

Я задумалась. Надо договориться о поставках цветов, найти продавцов на рынок, купить билет в Сочи. План повесила над кроватью, чтобы бросался мне в глаза. Сразу стало легче, я прилегла на диван, пытаюсь читать, но задремала. Меня разбудил телефонный звонок.

— Да, — ответила я сонным голосом.

- Ты уже в постельке?
- А тебе какое дело? — удивилась я наглости нового знакомого.
- Хотел узнать, как ты устроилась?
- Спасибо, хорошо. Уже почти сплю.
- Я тут подумал, — он сделал паузу. — Может, сходим куда-нибудь?
- Вряд ли, у меня очень много дел, — вежливо отказалась я.
- Как хочешь. Я хотел тебя развлечь.
- Боюсь, я устала от развлечений.
- Как знаешь, имей в виду, я не расстроился.
- И хорошо, — улыбнулась я и бросила трубку.

«Наверно, я ему всё-таки понравилась», — равнодушно подумала я, не испытывая никакого удовольствия от этого. В ближайшее время я собиралась побыть в одиночестве. Слишком уж много хлопот с этой любовью, а у меня наполеоновские планы, осуществить которые при наличии мужчины будет трудно.

Я вспомнила о Вадике. Честно сказать, я скучала по нему, по его сильным рукам, нежным поцелуям и нашим разговорам перед сном. Закрыла глаза и стала вспоминать. Мы на море, на катере, у него дома, и он шепчет, что любит меня. На глазах выступили слёзы, и я в который раз дала себе слово, что не стану думать о нём.

Моё состояние в то время представляло клубок обид, спутанных в моём сердце. Я никому не верила и была обижена на весь свет. На маму за то, что её роман разрушил нашу семью, на папу за его слишком ранний уход из жизни, на Вадика за его обидные слова, на всех остальных просто за то, что у них, как мне казалось, всё хорошо. Никому на свете не было до меня дела: я могла рассчитывать только на свои силы.

Проблем было так много, что первую неделю я носилась, словно мышь в поисках еды. Нашла продавцов: Лену и Андрея, которые согласились работать вместо меня за процент от выручки. Они представляли милую семейную пару, при первом взгляде на которую было заметно, что они любят друг друга. Поженились сразу после бурного школьного романа и были вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь, так как родители, возмущённые их дерзостью, перестали помогать. Так что к своим двадцати годам, они познакомились с жизнью не по книгам и учебникам. У Лены были короткие, выющиеся волосы соломенного цвета и голубые глаза, она едва доставала до плеча Андрею, рост которого почти достигал двух метров. В нём не было ничего особенного, кроме обаяния, попадая под власть которого уже перестаёшь замечать недостатки его лица. Лена и Андрей внушали доверие своей, и у меня в первые же минуты знакомства возникло ощущение, что мы давно знаем друг друга. Я обратила на них внимание ещё на рынке, они торговали цветами и хорошо знали своё дело.

Сначала к моему предложению отнеслись с недоверием, но я смогла их убедить, и они дали согласие поработать вместе со мной. Для меня было большой удачей договориться с взрослыми людьми, всё-таки мне ещё было всего шестнадцать.

Мы договорились и взяли в аренду небольшой подвал для хранения цветов. К счастью, у Андрея были старенькие «Жигули», и он согласился работать по совместительству водителем. Оставалось самое сложное — договориться о поставке цветов из Сочи: основные деньги делались на южной розе. На выходные я собиралась лететь туда для решения этого вопроса и теперь могла спокойно оставить наше небольшое хозяйство, надеясь, что по возвращении найду всё в полном порядке.

Удобно устроившись в кресле самолёта, я стала присматриваться к стюардессам и сразу выбрала девушку, с которой решила поговорить. С аккуратным хвостиком и длинными ресницами она с особым изяществом носила голубую форму и обладала приятным голосом. Улучив удобный момент, я поймала её в хвосте самолёта и объяснила ситуацию, заинтересовав деньгами. Я попала в точку, Наде, так её звали, очень нужны были деньги. Она прошептала мне на ухо:

— Подожди меня в самолёте, после посадки — поговорим. Я подумаю, что можно сделать.

Самолёт благополучно сел в Адлере, люди заторопились на выход. Я терпеливо дожидалась Надю. Проводив пассажиров, Надя подбежала ко мне:

— Пойдём в кафе обсудим.

Закинув на плечо небольшую сумку, я последовала за ней. Заказав кофе, мы начали торговаться. Надя была девушкой с большими аппетитами и вначале заломила слишком

большую сумму, ссылаясь на риск. Но я уже умела торговаться, так что мы быстро пришли к соглашению. Надя оставила мне свой телефон и сообщила дату следующего вылета, к которому я должна подготовить товар, а она договориться с кем надо, чтобы он попал на борт самолета.

Мария Васильевна встретила меня с улыбкой и не стала спрашивать про Вадика, не подав виду, что удивилась. Я прощмыгнула в комнату. Знакомая комната, наши по-прежнему сдвинутые кровати, и тёплая южная атмосфера расстроили меня. Я опустилась на постель чуть не плача, забыв, что хотела переодеться. Обхватив голову руками, я сидела, пытаюсь справиться с чувствами. Наверно, я просидела достаточно долго, и Мария Васильевна, не дождавшись меня, постучала в дверь. А может, она почувствовала, что мне плохо?

— Я покушать тебе принесла, — сказала она и стала хлопотать вокруг стола, расставляя тарелки.

Аппетитный запах домашних котлет с картофельным пюре подействовал успокаивающе. В конце концов, после ужина она задала этот вопрос:

— Ты одна теперь?

Я молча кивнула.

— И не думай переживать о нём. Парень, который упустил такую девчонку, ничего не стоит. У тебя знаешь, сколько их будет?!

— Знаю, Мария Васильевна, — прервала я. — У меня их будет столько, сколько я захочу. И, пожалуйста, не будем об этом. Всё уже в прошлом. Ещё не хватало, чтобы эта милая старушка меня жалела.

— Я привезла деньги, — я потянулась за кошельком и отдала её долю.

Мария Васильевна каждый раз так радовалась деньгам, что мне становилось приятно.

— Спасибо, Вика. Ты хорошо начинаешь, наверно, миллионершей будешь. Светлая у тебя головка. Не знаю, что бы я без тебя делала, с жильцами опять проблема, а от моего старика никакой помощи: то пьёт, то в карты играет.

— Да уж, — со знанием дела согласилась я. — От мужчин помощи не дождёшься, только вред один.

— И какие у тебя теперь планы?

— Наполеоновские, — улыбнулась я. — Собираюсь подмять под себя весь цветочный бизнес в Москве.

Мария Васильевна округлила глаза:

— Уж не связалась ли ты с мафией?

— Пока нет. Это я шучу. А на самом деле мы можем заработать большие деньги, если вы мне чуть-чуть поможете, и я передала ей разговор со стюардессой.

Мы ещё немного посидели, обсуждая дела, и я отправилась к морю. Размахивая полотенцем и, стараясь отвлечься от воспоминаний, я добралась до пляжа и с разбега кинулась в море. Я долго плавала, качалась на волнах и ныряла, а потом растянулась прямо на тёплых камнях и стала разглядывать отдыхающих. Семейные пары с детьми, парочка хорошеньких девиц и ни одного симпатичного парня. Я закрыла глаза и против воли в голову полезли воспоминания. «Может, я всё-таки влюбилась», — подумала я, пытаюсь разобраться в себе. Когда Вадик был со мной, я ничего подобного не чувствовала. Конечно, нам было хорошо вместе, мне нравилось утром просыпаться рядом с ним, меня развлекали его шутки и комплименты. Но, если я даже влюбилась, должно же быть средство от тоски, которая появляется при мыслях о нём и захватывает меня целиком. Поскольку, я не собираюсь к

нему возвращаться, оставалось избавиться от этого ненужного чувства, мешающего жить полноценной жизнью. Перебирая камешки, я вспоминала различные советы из добрых журналов. Самым лучшим считается новая любовь, но это опять новая кабала и пока не планируется. Что ещё? Советуют погрузиться в работу — я и так работаю достаточно. Ещё можно заняться учёбой и спортом. Только для этого у меня уже нет времени. Значит, ограничимся тем, что будем делать зарядку по утрам. Надеюсь, это отвлечёт меня от грустных мыслей.

Я всё успела за два дня. Вместе с Марией Васильевной мы сходили к её двум приятельницам, с которыми договорились о розах. Мне удалось оторвать её муженька от домино и уговорить починить старенький москвич, на котором он будет подвозить цветы в аэропорт. Итак, поставщики и шофёр были найдены. Надя ждала их в аэропорту, она оформляла чемоданы как чей-то багаж, который мы с Андреем должна встретить в Москве. На обратном пути Надя передаст Марии Васильевне деньги и снова заберет розы, и так далее. В общем, процесс был организован, и мне уже не надо было тратить время и деньги, чтобы летать самой. Всё было расписано по числам и часам, и я чувствовала себя дирижёром маленького оркестра, который создала сама. Может быть, мои подвиги на этом поприще и покажутся кому-то смешными и мелкими, но я чувствовала себя значительной и взрослой. В то время как мои ровесники проводили время тусуясь во дворах и, стреляя у родителей карманные деньги, я занималась собственным бизнесом: у меня были люди, которые мне доверяли и рассчитывали на меня, и я не имела права их подводить.

Через несколько месяцев продажа цветов начала набирать обороты. В моем распоряжении уже было десять девочек-продавцов, которые торговали на пяти рынках. В центре, недалеко от метро Новослободская, находился наш офис: подвал, который мы сняли в аренду, где в вёдрах стояли розы и другие цветы из подмосковных совхозов. Четыре бабушки в Сочи, которыми руководила Мария Васильевна, выращивали южные розы, а её муж занимался доставкой в аэропорт Адлера. Там его встречала Надя, которая переправляла цветы в Москву, где их забирал Андрей. Я занималась выдачей цветов по утрам и собирала выручку вечером, улаживала ещё кучу мелких дел, которые возникали попутно. Мы все зарабатывали неплохо и я, купив дорогой одежды, стала откладывать деньги на автомобиль. Глядя на уверенные руки Андрея на руле, я думала, что смогу также лихо водить. Из-за возраста я еще не имела права на управление автомобилем, но у меня были деньги, и я научилась договариваться с людьми и давать взятки.

Мой рабочий день начинался в пять утра. Умывшись холодной водой, я расстилала коврик и делала упражнения с гантелями, принимала контрастный душ и завтракала. В шесть утра ехала в подвал и выдавала цветы, чтобы в половине восьмого продавцы уже были на точках, отлавливая утреннюю торговлю. Освободившись, я с Андреем ехала в совхоз за цветами или в аэропорт за южной розой. В восемь вечера я опять была в подвале, принимая остатки цветов и выручку. В одиннадцать попадала домой и, падая от усталости, прочитывала пару страниц какого-нибудь романа на ночь. Выходных не было, времени на развлечения не оставалось, образ Вадика почти изгладился из моей памяти. Одиночество стало моим лучшим другом, а беседы с самой собой и составление планов на следующий день — любимым занятием. Я успокоилась и уже не испытывала прежней тоски.

В этот вечер я задержалась в подвале дольше обычного, пересчитывая остатки цветов. Вдруг я услышала шаги. В подвал вела достаточно крутая железная лестница, и я поленилась подняться и запереть дверь за Андреем, который уходил последним. Волосы зашевелились от страха на голове. Судя по шагам, их было двое или трое, они спускались по ступенькам. С того места, где я находилась, мне не было видно кто это. Вход в подвал находился в месте, где редко попадались прохожие, телефона не было. Так что помощи ждать неоткуда, поэтому я, собрав всё своё мужество, вышла из своего укрытия. Их оказалось трое. Наверное, никогда в жизни я не видела более омерзительных физиономий. Я замерла. Один из них, видимо старший, направился ко мне.

— Вот она, красавица, собственной персоной, — процедил он сквозь зубы.

— Что вам здесь нужно?

— Хозяин где? — прохрипел он, дыхнув на меня перегаром.

— Какой хозяин?

Я пыталась справиться с дрожью, охватившей моё тело. Нельзя показывать, что я боюсь. Стала лихорадочно соображать, о ком они говорят? Вдруг меня осенило — они, должно быть, ищут Андрея, подвал был снят на его имя.

Парень схватил меня за руку и заломил её за спину, что-то хрустнуло, но я вывернулась

и посмотрела ему в глаза.

— Я буду кричать, если ты мне ещё раз сделаешь больно.

— Ха-ха-ха, — загоготал он, демонстрируя жёлтые кривые зубы. — Кричи, сколько влезет, тебя никто не услышит. Здесь тихо, как в могиле. Последний раз спрашиваю: где он?

— Он уже ушёл.

— Когда вернётся?

— Наверно, завтра. Может, что-то передать ему?

— Передай ему вот это, — он ударил меня по лицу наотмашь.

Я не устояла на ногах и упала. Из носа потекла кровь, я отползла к стене и облокотилась на неё спиной, вытирая лицо.

— Пока будем ждать, мы с тобой, пожалуй, развлечёмся, — он направился ко мне, но другой, мелкий, который в это время шарил по шкафам, окликнул моего мучителя:

— Слышь, Саня, а здесь водка есть! Может, выпьем сначала?

Речь шла о бутылке, которую мы держали для девчонок, когда они, продрогшие после рабочего дня, приносили выручку и остатки цветов.

— Может, правда, выпьем? Ждать будет веселее, — спросил третий, который до сих пор стоял у входа.

Тот, кого называли, Саня окинул меня взглядом, от которого моё сердце ушло в пятки, и направился к остальным.

— Давай, хуже не будет. А с этой тёлкой позже разберёмся.

Мелкий сказал:

— Жаль только закуси нет. Может сбегать?

— А деньги? — спросил Саня.

— Да вот они, — мелкий взял мою сумку со стола и вытряхнул содержимое. Найдя кошелек, он запустил в него грязные пальцы и вытащил сегодняшнюю выручку.

— Ну что, мужики, я могу сбегать? — он не отрывал жадных глаз от денег, рассыпанных по столу.

— Ты сбегаешь?! — презрительно хмыкнул Саня, — Да тебе и пяти копеек доверять нельзя. Мы сами сходим, а ты сиди здесь и карауль её. Отвечаешь головой!

Мелкий с неохотой уселся за стол, а я, сжавшись в углу, наблюдала, как мои деньги исчезли в чужом кармане.

Двое ушли, я пыталась сосредоточиться. Что же мне делать? Подождать пока они напьются? Мне было необходимо выяснить, кто они и зачем пришли? Они явно зашли не просто на огонёк. Лично я никогда не видела их раньше. Хотя, увидев их мельком, могла и не обратить внимания. Они явно работают на кого-то, но на кого? Скорее всего, моя бойкая торговля на рынке встала кому-то поперёк горла. Дешёвые южные розы действительно сбивали цены, и это многим не нравилось. Несколько раз меня пытались предупредить, но я не обращала внимания, надеясь, что это пустые угрозы. Зря надеялась.

Пока я размышляла, маленький откупорил бутылку и налил водку в стаканы.

— Слышь, ты, иди сюда, выпьем. Не могу один.

Я затравленно смотрела на него из своего угла.

— Да не бойся, ты нам не нужна. Али сказал с хозяином твоим разобраться.

Я напряглась. Вот оно, имя — Али. Я сразу вспомнила. Отвратительный маленький

азербайджанец. От ярости у меня перехватило дыхание. Так это он наслал на меня этих уродов. Несколько раз, когда я сталкивалась с ним на рынке, он предлагал мне работать вместе и поднять цены. Я отказывалась, и однажды он кинул мне вслед: «Ты ещё пожалеешь».

Я села за стол и немного отхлебнула из стакана для храбрости. Времени было мало. Если что-то делать, то сейчас пока мы вдвоём. Мой взгляд упал на бутылку, и я, потянувшись к ней, столкнула левым локтем стакан на пол. Стакан вдребезги разбился на каменном полу, и, маленький, инстинктивно, посмотрел вниз. Я, схватив недопитую бутылку, изо всех сил стукнула его по голове. Бутылка разбилась о голову, облив ее оставшейся водкой. Маленький упал на пол. Из раны на голове потекла кровь, вид которой вызвал у меня приступ тошноты. Похоже, он был без сознания. А вдруг, я убила его? Преодолев страх, я нащупала у него пульс.

— Слава богу, жив, — пробормотала я и бросилась к выходу.

Сердце ухало в груди, я тяжело дышала от страха и с трудом забралась по крутой лестнице. На всякий случай заперла дверь. Пусть повозятся, пока будут взламывать. Петляя, как заяц, я неслась между домами. На бегу судорожно искала решение. В голову пришла мысль о милиции, но это было невозможно, слишком уж многое пришлось бы объяснять. Да и к тому же я ударила человека бутылкой. Моя спина покрылась потом. Я остановилась. Вадик? Он всегда помогал мне. До этого были пустяки, а сейчас... Нет, мне нужен Андрей. Тем более, что эти трое ждут именно его. Найдя таксофон, я набрала домашний номер Андрея и Лены, сбивчиво обрисовала ситуацию. Они сразу выехали, к счастью, жили рядом. Увидев меня, Андрей присвистнул:

— Ничего себе, как они тебя отделали.

— Да ладно, — я махнула рукой. — Давайте что-то делать. Милиция нам не поможет.

Лена положила руку мне на плечо.

— Прекрати паниковать. Андрей, что делать-то?

— Садитесь в машину.

— Куда мы едем? — спросила я слабым голосом.

— В подвал, — ответил Андрей.

Я вздохнула. Сейчас я отдала бы всё на свете только бы там не появляться.

Проехав знакомыми дворами, мы остановились. Бросив машину неподалеку и стараясь держаться в тени, мы подобрались к подвалу. Поблизости никого не было. Я подёргала дверь — по-прежнему заперта.

— Давай ключ, — прошептал Андрей. — Они, кажется, ещё не приходили.

— Пропивают денежки, — добавила я грустно.

Андрей отпер дверь и обернулся ко мне:

— Может, тебе не стоит туда ходить?

Я помотала головой и двинулась за ним.

— Лена, подгони машину к входу, на случай если надо будет рвать когти, — скомандовал он.

Лена побежала к машине, а мы начали спускаться, стараясь не шуметь. На этот раз я не забыла запереть дверь за нами. Маленький лежал в той же позе, на полу вокруг его головы растеклась красная лужица.

— Боже, он умер, — вскрикнула я и, закрыв лицо руками, повалилась на стул.

В моей голове пронеслись страшные мысли. Я убила человека. Меня будут судить и посадят в тюрьму за убийство. А выйду я из тюрьмы лет через двадцать, если выйду. Вот к чему привела моя самостоятельность! Я уже видела себя на нарах, когда Андрей потряс меня за плечо.

— Вика, да что с тобой?

— Меня будут судить, — прошептала я, не отрывая ладоней от лица.

— Почему?

— Я убила его.

— Он жив, дурочка, просто без сознания. Ты же пробила ему башку. У него, наверно, сотрясение мозга, его надо отвезти в больницу.

Мой взгляд упал на разбитую бутылку.

— Здесь мои отпечатки пальцев, — я показала на бутылку, вернее, на то, что от неё осталось. — По ним меня могут найти.

— Начиталась детективов. А впрочем, лучше собери осколки. Выбросим по дороге.

У меня начиналась истерика.

— Ты говоришь, в больницу?! А что я там скажу? Что я ударила его? Меня сдадут в милицию, потом в тюрьму, я боюсь, — зарыдала я в голос.

Андрей посмотрел на меня. Я вскочила со стула и начала метаться по подвалу, как раненый зверь.

— Всё кончено, всё кончено, меня посадят. А если не посадят, то эти придурки придут за мной и убьют. И никто мне не поможет.

Андрей подошёл ко мне. Я уткнулась ему в плечо, заливая слезами его куртку. Какое-то время мы стояли молча, потом он отодвинул меня и твёрдым голосом, глядя мне в глаза, произнёс:

— Возьми себя в руки. Я решу в эти проблемы. Обещаю, что не оставлю тебя. Ничего не бойся. Слышишь? Всё будет хорошо! Ты мне веришь? — Я кивнула, вытирая слёзы. — Сейчас главное: вынести его отсюда и отвезти в больницу.

— Но как?

Он молча приложил палец к моим губам и тихо сказал:

— Все вопросы по дороге. Я беру это на себя. Посиди здесь, я посмотрю, что там наверху.

Он пошёл к выходу.

— Не оставляй меня одну! — завопила я и побежала за ним.

Андрей стиснул мою руку и подтолкнул к лестнице. Мы поднялись наверх и осторожно вышли, кроме нашей машины, в которой сидела Лена, вокруг никого не было. Андрей подошёл к ней и что-то тихо сказал, потом повернулся ко мне:

— Порядок, идём за ним.

Мы снова спустились вниз и подошли к маленькому.

— Давай, ты за ноги, а я буду поддерживать ему голову, — скомандовал Андрей.

Преодолевая отвращение, и чуть не теряя сознание от запаха крови, я взяла его за ноги. Пока мы несли его, он несколько раз застонал, но так и не пришёл в сознание.

— А вдруг он умрёт, — прошептала я, обратив внимание на его бледное лицо. — Человека нельзя трогать, когда у него сотрясение.

— Ничего, такие гады ещё нас с тобой переживут, — презрительно ответил Андрей.

Мы с трудом втиснули его назад, подложив под голову старую тряпку, чтобы не испортить сидение. Андрей сел за руль, а мы с Леной уместились на переднем. Машина рванула с места, и я, наконец, облегчённо вздохнула. По-крайней мере, пока всё складывалось удачно. Мама Андрея работала медсестрой, и сегодня дежурила в ночную смену. Менее чем за десять минут, мы подъехали к больнице. Андрей махнул знакомому охраннику, нас пропустили во двор. Он пошёл в приемное отделение и скоро вернулся с санитарями, которые уверенными движениями переложили маленького на носилки и унесли. Я двинулась за ними, но Андрей схватил меня за рукав.

— Ты куда?

— Узнать, будет ли он жить.

— Будет, никуда не денется. А вот тебя никто не должен видеть. Я рассказал всё маме, она у меня молодец. Сейчас поедem домой, она нам позвонит, и всё расскажет, после того как его осмотрит врач. Тебя мы забираем к нам домой.

— Да, все правильно, — поддержала его Лена. — Мы тебя никуда не отпустим.

Слёзы навернулись мне на глаза.

— Зачем вам со мной возиться? От меня одни неприятности.

— Перестань, мы рады тебе помочь.

— Почему? — удивилась я.

— Ты наш работодатель, и мы собираемся быстро вернуть тебя в строй, — ответила Лена.

— И к тому просто хороший человек, — весело добавил Андрей.

— Так что ты нам нужна, — перебила его Лена.

Так я обрела в своих коллегах новых друзей. Мне стало уютно в машине и значительно легче от тёплых слов. Я откинулась назад и закрыла глаза.

Пока сидела в гостиной на диване, тупо уставившись в стену, Лена хлопотала на кухне. На столе появилась аппетитная копчёная колбаса, солёные огурчики, квашеная капуста и домашний холодец. Лена оказалась хорошей хозяйкой, в моём же холодильнике лежал только сыр, да изредка появлялись сосиски или пельмени. Готовить для себя одной мне не хотелось.

— Мойте руки, — скомандовала Лена.

Я послушно отправилась в ванную и, посмотрев в зеркало, увидела свое страшное лицо. От ужаса зажмурилась, но, в конце концов, пришлось взглянуть правде в глаза. Правда была ужасна: под левым глазом красовался большой синяк, на правой щеке — царапина, нос распух, волосы спутались, а на затылке была огромная шишка. Такой «красавицей» я себя никогда не видела. Забыв, зачем я пришла в ванную, застыла перед зеркалом. От любования собой меня отвлёл голос Андрея.

— Ничего, Вика, до свадьбы, как говорится, заживёт. Главное, что не изнасиловали, а всё остальное пройдёт. Пару недель и снова будешь красавицей.

— Эти пару недель надо как-то жить и работать, — заметила я. — А с такой рожей на улицу страшно выйти.

— А ты и не выходи. Поживёшь пока у нас, — вмешалась Лена. — Не переживай, у меня такое было. Когда заходила в метро, меня ударило тяжёлой дверью по щеке: синяк был огромный. Но у меня еще осталась волшебная мазь. Давай я тобой займусь.

Она достала перекись водорода и начала обрабатывать моё лицо.

Потом мы уютно сидели в маленькой кухне, и я рассказывала подробно о том, что со мной приключилось, Андрей неуклонно следил, чтобы мой стакан не оставался пустым. Я здорово захмелела. Зазвонил телефон. Расслабившись, я даже забыла про маленького, который по моей милости находился в больнице. Андрей снял трубку. Закончив разговор, повернулся ко мне:

— Ничего страшного, Вика. Жив, здоров и не кашляет.

— Как здоров? — удивилась я. — Он же был без сознания.

— Ну, здоров, это я приврал, конечно. У него сотрясение мозга, повлёкшее за собой частичную амнезию. В связи с этим он ничего не помнит.

— Ты встряхнула что-то в его башке, — улыбнулась Лена.

— Он что, даже не помнит, кто он? — удивилась я.

— Да нет, имя, фамилию и адрес, где проживает, назвал. А вот когда его спросили, где он получил травму, он ничего не мог ответить, а так как от него разило водкой, то в карточке записали, что его подобрала случайная машина и доставила в больницу. Так что давайте выпьем, — Андрей поднял стакан, — за нас.

— Спасибо вам. Без вас я бы загремела в тюрьму.

— Знаешь, Вика, мне кажется, ты всегда найдешь выход из положения, — сказал Андрей. — А в нашей ситуации я должен был предвидеть, что могут наехать. У нас была слишком бойкая торговля. Конкуренты это не оставляют без внимания. Но я как-то расслабился и думал, что всё обойдётся, а надо было обратиться к Гарику.

— А кто это?

— Тот, кого называют крышей на этом рынке. Он контролирует и закусочную, и ларьки, ну и цветы, конечно. Я попробую завтра его найти. Придётся делиться с ним, но зато никто нас не тронет.

— А много ли он берёт? — забеспокоилась я.

— Сколько бы ни брал, всё равно придётся платить, — сказал Андрей. — Я другого выхода не вижу. — Или снимать другой подвал и уходить с этого рынка.

— Но это самая хорошая точка, — сказала Лена с сожалением.

— Ладно, давайте сначала попытаемся договориться, а если не получится, будем что-то другое думать.

— Если бы не синяки, я бы с тобой пошла к Гарику, — сказала я. — А куда с таким лицом?!

— Ты уж посиди лучше дома, — озабоченно вступила Лена. — Андрей сам справится.

— Да, неженское это дело! — улыбнулся Андрей и, заметив мой недовольный взгляд, добавил: — Обещаю ничего не предпринимать, не посоветовавшись с тобой.

— Ну ладно, — согласилась я.

И мы ещё раз выпили за успешное разрешение наших проблем, а потом, пьяная первый раз в жизни, я упала на диван и заснула прямо в одежде.

Всю следующую неделю я не выходила из дома, а в ванной не поднимала глаз к зеркалу, чтобы лишний раз не расстраиваться. Моё лицо сейчас ничем не отличалось от лица к бомжихи, получившей побои в пьяной драке. «Так тебе и надо, Вика, не будешь лезть во взрослую жизнь, это должно послужить тебе уроком. Могла бы спокойно жить с мамой и ходить в школу, а не сидеть ночами в подвале», — мрачно беседовала я сама с собой.

Андрей провёл переговоры с Гариком, который пообещал впредь защищать нас за определённую сумму денег, с чем и пришлось смириться.

Я готовила борщи и котлеты, пока Лена с Андреем заменяли меня на работе, убирала их маленькую двухкомнатную квартиру, а в свободное время много читала. Отвезти меня домой ребята отказались, да я и не настаивала. После случившегося мне не хотелось оставаться одной. В мыслях я постоянно возвращалась к тому вечеру, и каждый раз удивлялась, что смогла выкрутиться. Но в глубине души у меня зрело предчувствие, что это только начало. Впереди встреча с Али, но я, стреляный воробей, усвоила главное: не поддаваться страху и контролировать ситуацию. «Смелость города берёт», — любил повторять папа, отправляясь в очередную командировку в джунгли. Я решила сделать это своим девизом и повесить над кроватью.

Неприятности не заставили ждать. Я валялась на диване с книжкой, в духовке запекалась курочка, и дивный запах распространялся по квартире. Неожиданно в дверь ворвалась бледная Лена. Не снимая куртки и ботинок, она села ко мне диван.

— Давай бросим этот рынок на Белорусской. Поверь, так будет лучше.

— Что случилось?

— Сегодня они сорвали мне торговлю. Шестёрки этого Али подошли ко мне и потребовали, чтобы я сворачивалась. Я послала их к чёрту. Тогда они перевернули вёдра и поломали цветы.

— А ты?

— Собрала те цветы, которые ещё можно продать и уехала. Что я могла сделать одна? Ещё Андрей, как на грех, уехал в совхоз.

— А куда «крыша» смотрит? Ведь мы же им бабки платим, — возмутилась я.

— Я пошла к Гарику, но он сказал, что пока ничего страшного не произошло, он не будет вмешиваться. Единственное, что он разрешил, это сказать Али, что мы под его защитой.

Я почувствовала, что она что-то не договаривает.

— Что ещё? — как можно спокойнее спросила я, несмотря на то, что ярость так и душила меня.

Лена всхлипнула.

— Вика, ничего не выйдет.

— Что ещё, Лена, скажи? — я положила ей руку на плечо.

— Али ждёт Андрея для разговора.

— А-а, — неожиданно спокойно сказала я. — Я ожидала чего-то в этом роде.

Я взяла зеркало, которое валялось на тумбочке, и стала разглядывать свою физиономию.

— Что ты там разглядываешь? — удивилась Лена.

— Я пойду с Андреем. Если замазать остатки синяков тональным кремом и посильнее накраситься, будет незаметно.

— Ты никуда не пойдёшь! — закричала Лена.

— Надо идти, — я посмотрела ей в глаза и увидела в них страх.

— Ты только пришла в себя, у тебя ещё синяки не зажили, а ты уже лезешь в новую авантюру. Вика, я прошу тебя, давай перейдём на другой рынок, здесь одни неприятности. Я боюсь за вас.

— Нельзя уступать, Лена. На другом рынке будет другой Али. Кроме того, здесь самая хорошая торговля.

— Но он же убьёт вас!

— Не убьёт. Он трус, который привык угрозами пробивать дорогу. Его нужно остановить, и я знаю, как это сделать.

— Как?

— Потом расскажу.

— Неужели ты так любишь деньги? — вдруг спросила Лена.

— Да, Лена, я люблю деньги: они дают мне независимость и возможность жить так, как я хочу и покупать то, что я хочу. И я не позволю кому-то запугать меня.

— Это неправда! Ты боишься, просто не хочешь это показывать.

— Ну, хорошо, — я улыбнулась. — Я боюсь, очень боюсь, но ещё больше я боюсь, что если я этого не сделаю, этот страх будет преследовать меня всю жизнь. Потом будет другая жизнь и новый Али, но если я сейчас испугаюсь, то больше уже не найду в себе сил противостоять. Я пойду вместе с Андреем и, пожалуйста, не надо больше об этом.

Вскоре вернулся Андрей, и целый вечер Лена убеждала нас уступить, но я была непреклонна. В конце концов, она сдалась. Андрей договорился о встрече, а Лена занялась оштукатуриванием моего лица. Встречу назначили недалеко от рынка, в маленьком кафе на Грузинском Валу. Кафе выбрала я, у меня был там знакомый официант, которого я прикормила хорошими чаевыми. Я пришла на полчаса пораньше, чтобы занять столик у окна и заказала кофе. Расположилась лицом к входу. Народу было немного. Боря подошёл ко мне с меню, и я попросила подыграть мне, подкрепив свои серьёзные намерения денежной банкнотой.

Деньги исчезли в его кармане, и Боря поцеловал мне руку, видимо вживаясь в роль. Я пила кофе и смотрела в окно, за десять минут до встречи пришёл Андрей и сел со мной рядом.

Я видела, что он взвинчен и не в своей тарелке. Я же, напротив, была совершенно спокойна.

— Давай, я начну разговор, а ты просто сиди рядом и поддакивай.

Андрей посмотрел на меня:

— А ты откуда знаешь? В школе научили?

— Я много фильмов смотрела про мафию, — соврала я, почему-то уверенная, что мне удастся взять нужный тон.

— Ну ладно, — пожал плечами Андрей.

Стрелки двигались к семи, я увидела Али, направлявшегося к входу в кафе. Шепнув Андрею, что я сейчас вернусь, скрылась в туалете и стала себя осматривать в зеркале. Выглядела я хорошо. Тональный крем и румяна, наложенные умелой рукой Лены, скрывали остатки синяков и придавали мне загорелый и здоровый вид. Глаза и губы были подкрашены и выделены сильнее обычного, а строгий костюм и гладко убранные в пучок волосы придавали мне строгий и деловой вид, что соответствовало сценарию. Я улыбнулась своему отражению и вышла в зал.

Али уже сидел за нашим столиком напротив Андрея.

— Привет Али! — я небрежно села напротив него, закинув ногу на ногу.

Боря вырос передо мной через секунду. Подобострастно склонившись, не обращая внимания на Али, он спросил:

— Вам как всегда?

— Али, что будешь пить? — спросила я, не давая ему перехватить инициативу, доставая тонкую сигарету из пачки.

— Виски со льдом, — недовольно пробурчал он, наблюдая, как Боря помогает мне прикурить.

— Мне сегодня джин с тоником, — заказала я и выпустила дым. Андрей взял себе кофе, он был за рулём.

Официант удалился, а я тихо спросила:

— Зачем пугаешь наших девочек? Тебе мало неприятностей?

— А ты откуда знаешь о моих неприятностях? — фыркнул он.

Видимо, я попала в точку, хотя сказала наугад: у любого, кто работает в торговле, всегда есть неприятности.

— Я всё знаю, Али! И должна тебя предупредить и передать привет от Гарика.

Я сделала паузу. Упоминание о Гарике возымело действие и вызвало замешательство на его лице.

— Так вы это... с Гариком, — Али сидел ошалевший, он никак не ожидал такого поворота.

Андрей до сих пор, сидевший молча, вступил в разговор:

— Ты зачем мужиков в наш подвал послал? Испугать хотел?

— Так вы это, торговлю сбиваете своими ценами, — он почти оправдывался.

— Цены, да будет тебе известно, не я устанавливаю, а сам знаешь кто. Я вот скажу своим, они твой подвал сожгут.

В маленьких глазках Али мелькнул страх.

Я тихо шепнула:

— Забыл, как горел? Недавно ведь это было, и ничему тебя не научило.

Про то, что в подвале Али был пожар, я слышала краем уха на рынке.

— Да что вам за дело до этого? — пробурчал он.

— Пока никакого, но если будешь нам мешать, то... — Андрей сделал паузу.

— Кстати, один из тех, кого ты посылал, до сих пор лежит с проломленной башкой и полной потерей памяти. Ты его навещаешь? — улыбаясь, спросила я.

Али тупо завертел головой.

— Кто его так?

— Неважно кто.

Официант принес выпивку. Я подняла стакан:

— Ну, давай, выпьем. О наших с тобой разногласиях пока никто не знает. Но, если ты будешь продолжать в том же духе, мы будем вынуждены рассказать все Гарику.

— Ладно. Делайте что хотите.

«Как легко их напугать», — думала я. Мой расчёт оказался верным, тот, кто действует с помощью угроз, обычно боится сам.

— Пойдём, Вика, я думаю, он всё понял, — Андрей достал бумажник и бросил деньги на стол.

Я поднялась и направилась к выходу ленивой походкой, сопровождаемая Андреем.

У кафе стояла его машина. Он галантно распахнул мне дверцу, помогая сесть. Я обернулась и в окне увидела Али, который внимательно наблюдал за нами.

С тех пор наша троица стала неразлучной. Я больше не чувствовала себя одинокой, у меня появились друзья, на которых я могла положиться и с которыми могла сходить куда-нибудь повеселиться. Мы вместе работали и вместе отдыхали, танцевали на дискотеках и осваивали новые рынки сбыта. Месяц проходил за месяцем, мы открывала новые точки торговли и нанимали продавцов. В тот период рождалось много идей. Крупных неприятностей больше не было, Али вёл себя корректно.

Деньги теперь текли если не рекой, то маленьким уверенным ручейком. Так что мне удалось скопить денег на машину. Заодно пришлось купить и права: восемнадцати лет мне ещё не было. Папа научил меня водить машину, так что Андрей выезжал со мной вечерами, чтобы я смогла попрактиковаться в городе. А ещё я накупила себе много красивой модной одежды. Впервые в жизни у меня было несколько пар сапожек, осенних и зимних, натуральная шубка, много всяких брючек и кофточек. Изменилась я и внешне, мой образ жизни способствовал моему взрослению, что отразилось на лице. Взгляд стал строже, исчезла припухлость щёк, я научилась пользоваться косметикой и одеваться со вкусом. Никто из новых знакомых не давал мне моих лет. Но больше всего я гордилась своей фигурой. Когда я беззаботно жила с родителями, ела всё подряд и особенно много сладкого, так что была пухленькой. Ежедневные тренировки с гантелями и полуголодный образ жизни с вечной беготнёй, изменили мою фигуру к лучшему. Двигаться стало легче, а одежда сидела великолепно.

Итак, всё было хорошо, кроме одного. Я отчаянно скучала по маме, Ольге и своим прежним знакомым. Они снились мне ночами, и я отчаянно хотела вернуться туда, в свою квартиру, откуда были видны золотые купола Новодевичьего монастыря.

Как-то мне приснился сон, в котором мама звала меня домой, и я после долгих сомнений решила сходить туда. Теперь, когда я смогла наладить свою жизнь и самостоятельно встала на ноги, я была готова к серьёзному разговору. Я приехала без звонка, выбрав время, когда мама должна быть дома.

Припарковав машину у подъезда, я с бьющимся сердцем поднималась по ступенькам, по старой привычке не пользуясь лифтом. Я нажала на звонок, не решившись открыть дверь своим ключом. Мужчина с мокрыми волосами возник в проёме. «Неужели это Коленька?», — подумала я, рассматривая его.

— Вы к кому, девушка? — вежливо осведомился он, запахивая папин халат.

— Мне нужна мама, — зло буркнула я.

— А, так ты, должно быть, Виктория, — ехидно пропел он и принялся нагло меня рассматривать.

— Может быть, вы меня всё-таки впустите в дом? — разозлилась я.

— А что тебе здесь делать, девочка? Мамы здесь нет.

— Где она? — закричала я.

— Не кричи на меня, детка! Ты здесь никто, чтобы кричать.

— Это мой дом, — я сделала шаг вперед, и он посторонился.

Из спальни родителей вышла полуголая девушка лет двадцати и уставилась на меня.

— Коля, а кто это? — капризно запищала она. — Ты меня обманул. Ты говорил, что у тебя я одна.

— Иди в комнату, дура, это не твоё дело, — он затолкал её в спальню и закрыл дверь.

Я в оцепенении стояла посреди коридора и отказывалась верить своим глазам: в нашей квартире чужой мужик в папином халате с какой-то девкой.

— Пошли на кухню, раз пришла, — бросил мне Николай.

Я последовала за ним. В кухне царил жуткий беспорядок: стол завален грязной посудой и остатками еды, пол не мыли целую вечность. Я ничего здесь не узнавала, хотя мебель была определённо наша.

Николай по-хозяйски уселся на папино место и кивком указал мне на стул. Я села, пытаюсь собраться с мыслями.

— Зачем пришла? — начал он первым.

— Где мама? Что здесь происходит?

— Не знаю, где ты шлялась столько времени, но выглядишь очень соблазнительно, — он нагло рассматривал меня.

— Где мама? — повторила я.

— А что же ты раньше о ней не вспоминала? Где же ты была столько месяцев?

— Это не ваше дело. Где мама?

— Заладила. Где мама? Где мама? В психушке твоя мама.

— В какой психушке? — я опешила.

— Больница, её ещё дуркой называют, знаешь такую? Тронулась умом твоя мамочка.

— Что с ней?

— Неизлечимо больна от любви ко мне, — Николай противно захохотал, а я внезапно поняла, что он говорит правду.

В ярости я рванулась к нему и вцепилась в горло, так хотела задушить эту сволочь, которая отняла мою семью и испортила мне жизнь. От неожиданности он не сразу смог разжать мои руки и какие-то секунды я чувствовала его напрягшуюся шею. Справившись со мной, он грубо оттолкнул меня.

— Дура ненормальная, — прохрипел он. — Такая же, как мамаша. — Вали отсюда!

На лестничной площадке я вытащила сигарету из пачки и кое-как прикурила дрожащими руками. Мня бил озноб. В голове ничего не укладывалось. Мама в больнице, а

нашей квартире чужой мужик. Мысли крутились в голове с жуткой скоростью. Как такое могло случиться? Что делать? Где искать маму? Я не заметила, как спустилась с шестого этажа. Когда начала осознать окружающее, оказалось, что сижу в машине, сжимая руль. Включила зажигание и медленно тронулась с места. Было только одно место, где могли знать что-то о маме.

Дверь открыла Олечка. В её глазах застыло удивление, словно я воскресла после смерти, хотя мы не виделись чуть более полугода.

— Вика, ты? — только и смогла сказать она, отодвигаясь в сторону, чтобы дать мне пройти.

Я вошла знакомую прихожую, передо мной стояла моя лучшая подруга, которую я так давно не видела и по которой скучала. Чуть помедлив, мы бросились друг другу в объятия.

— Прости, что я тебе не звонила, — прошептала я ей на ухо. — Я не могла ни с кем общаться.

— Ну что ты?! Мы думали, тебя уже нет в живых. Ну не плачь, дай я на тебя посмотрю, — Ольга чуть-чуть отодвинулась. — Какая ты стала красивая!

Я опять уткнулась ей в плечо. Так нас и застала Вера Ивановна, которая вышла в прихожую.

— Господи, Вика! Наконец-то! Да где же ты была?! Здесь столько всего произошло. Пошли на кухню, поговорим. Оставь ее, Оля. Потом будете обниматься.

Здесь ничего не изменилось с тех самых пор, когда я забегала к Ольге поболтать, а она поила меня чаем с конфетами. Как же давно это было.

Мы уселись за стол, Ольга поставила чайник, а я, честное слово, предпочла бы что-нибудь покрепче, например, рюмку коньяка. Но здесь ещё никто не знал о моих новых привычках.

— Где ты была? — строго спросила Вера Ивановна.

— Я всё расскажу, только скажите, что с мамой? Я была дома, там этот её Николай с какой-то девкой. Они занимаются этим прямо в родительской спальне, — я всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

— Когда ты уехала, твоя мама очень переживала. Приходила ко мне, плакала, чувствуя себя виноватой во всём. Она даже обвиняла себя в смерти твоего отца, хотя это был несчастный случай.

— Не думаю, — вырвалось у меня.

— Вика, это был несчастный случай, он оступился на горном перевале.

— Он не хотел больше жить, вот и подстроил несчастный случай. Сначала человек принимает решение уйти из жизни, а потом происходит то, что другие считают несчастным случаем.

— Вика, прекрати! Надеюсь, ты не говорила это своей маме, — возмутилась Вера Ивановна.

— Я никому это не говорила.

— И правильно, выкинь эти мысли из головы. Так вот, у твоей мамы случился нервный срыв, она была в отчаянии, всё валилось у неё из рук, она постоянно плакала и обвиняла себя во всём. Ты пропала, оставив странную записку, что уехала на юг. И этот тип, Николай, переехал к ней, якобы ухаживать за ней. Хотя, на самом деле это был хорошо продуманный план, жертвой которого стала твоя мама. Любовь была только с её стороны, а он хотел развлечься. Потом, видя, что твоя мама потеряла голову, воспользовался этим. Тем более,

сама судьба помогла ему: муж погиб, дочь исчезла.

— Что вы имеете в виду? — почти шёпотом спросила я.

Он решил жениться на твоей маме, чтобы прописаться. Уж не знаю, как он убедил ее выйти замуж так быстро. Я ей говорила, что это неприлично, траур есть траур. Но она не хотела и слушать. Думаю, мысль избавиться от твоей мамы появилась у Николая после смерти твоего отца.

— Мерзавец, — я сжала кулаки на коленях.

— Подожди, это ещё не всё. У твоей мамы был тяжёлый период, и он начал накачивать её спиртным и еще, как мне кажется, подмешивал туда транквилизаторы. Дело закончилось тем, что за несколько месяцев она превратилась в алкоголичку, не смогла выступать и потеряла работу.

— Мама больше не смогла играть?

Вера Ивановна покачала головой.

— О чём ты говоришь? Скоро сама увидишь. Когда её уволили с работы, её психическое состояние ещё ухудшилось. К тому моменту она уже думала, что с тобой что-то произошло, раз ты не подаешь никаких вестей.

— Но я же писала ей! — выкрикнула я.

— Она ничего не получала, кроме письма, в котором ты сообщила, что уезжаешь на юг. Она всё время говорила о тебе и постепенно убедила себя, что виновата во всем. Думаю, что и Николай убеждал ее в этом. А когда чувство вины стало непереносимым, она выпила упаковку снотворного.

— Мама хотела... — я не могла выговорить эти страшные слова.

— Её нашла соседка, которая у вас убиралась, у неё был ключ, она вовремя вызвала скорую помощь. Её успели спасти. После этого Николай упрятал её в сумасшедший дом.

— Какой ужас, этого не может быть. Это не мама. Мама всегда была такой жизнерадостной. Я была уверена, что у нее все хорошо.

— Сейчас она в больнице, ей колют какие-то сильные препараты, она никого не узнает. Лечащий врач говорит, что у неё нет больше желания жить. Николай к ней не приходит. Посещает только лечащего врача.

Вера Ивановна замолчала, а я неожиданно вспомнила, как мама выходила на сцену, гордо садилась за рояль, пальцы бегали по клавишам, лилась чудесная музыка. Больше она не играет. Оказывается, последние слова я произнесла вслух.

— Она больше не живёт, — тихо сказала Ольга.

— Это всё из-за меня. Если бы я тогда не уехала, все было бы иначе. Во всём моя вина, — я закрыла лицо руками.

— Вика, не надо брать на себя лишнее. Это её вина, она в ответе за всё, и если бы она была сильным человеком, то не сломалась бы так легко, — спокойно сказала Вера Ивановна.

— Но если бы я осталась дома...

— Не думаю, что ты смогла бы что-то изменить. Ты была там, где была и теперь уже слишком поздно говорить о том, что могло быть, — на глазах Веры Ивановны появились слёзы. — И боюсь, слишком поздно её спасти. Мы потеряли её.

— Нет! — закричала я и вскочила со стула. — Не говорите так! Я должна её спасти!

Я начала метаться по кухне. Вера Ивановна и Олечка грустно наблюдали за мной.

— Сядь, Вика, — попросила Вера Михайловна. — И расскажи нам, где ты была.

Я послушно села и задумалась. Рассказать?! Каким пустым и ненужным казалось мне теперь всё, к чему я стремилась: моя самостоятельность, работа, деньги, о которых я мечтала. О чём рассказывать? Неожиданно прошли все мои обиды на маму. Если бы только можно было вернуться в прошлое, я бы поступила по-другому. Я бы не поехала на юг с Вадиком, я осталась бы дома и, возможно, уговорила бы маму подождать со свадьбой. Я же предпочла сбежать. Как будто можно убежать от воспоминаний? Они часть меня, и какая разница, где я находилась, всё равно думала об этом.

начала рассказывать о работе, нашей дружной маленькой команде. Сказала, что снимаю квартиру и купила машину.

— И сколько же ты зарабатываешь на этих цветах? — спросила удивленная Вера Ивановна.

Я ответила честно. Она округлила глаза: её зарплата главного инженера, была в несколько раз меньше моей.

— Господи, что же в мире творится, — вздохнула она. — Но ты молодец. Я не ожидала. Просто бизнес-леди.

— Нет, мне повезло с ребятами, они здорово меня поддержали. Да и машина досталась недорого: человеку деньги были очень нужны.

— Вика, а на машине покатаешь? — совсем по-детски спросила Олечка.

— Конечно, хочешь прямо сейчас?

Ну уж нет, давайте завтра, уже поздно. Вика, оставайся у нас ночевать. Куда ты поедешь так поздно? — вмешалась Вера Ивановна.

— Спасибо, но мне завтра очень рано вставать, и я не хочу вас беспокоить.

— Рано, это во сколько? — спросила Оля.

— В пять.

— Ничего себе, — охнула Вера Ивановна. — Конечно, такие деньги легко не достаются.

Я записала адрес больницы и уехала, пообещав больше не пропадать и держать их в курсе.

Всю ночь я не сомкнула глаз, утром встала зарёванная и сонная. С трудом добралась до подвала, чтобы выдать девочкам цветы. По дороге в больницу так волновалась, что чуть не попала в аварию, а когда вышла из машины, то никак не могла унять дрожь в коленях, стоя перед унылым зданием грязно-жёлтого цвета с решётками на окнах. Страшно подумать, что где-то там моя мама. Наконец, я собралась с духом и вошла. За столом молоденькая девушка в халатике. Я подошла к ней и молча смотрю. В горле ком.

— Вы к кому? — спрашивает она.

— К Алябьевой.

— К Алябьевой? — переспрашивает девушка, и её глаза округляются, а выражение лица становится озабоченным. — А вы кем ей приходитесь?

— Я её дочь.

— Дочь? Я не уверена, что Алябьевой разрешены посещения. Я сейчас уточню.

— Что с ней? Ей так плохо?

В этот момент по коридору протопала, шаркая ногами, старушка с пластмассовым ведёрком и совком, видимо впавшая в маразм.

Уставившись на неё, я отвлеклась от девушки, которая начала звонить по телефону. Появилась другая больная: раскинув в стороны руки, как крылья, с отрешённым лицом, она прошла мимо нас.

— Что она делает? — спросила я в ужасе.

— А-а, — девушка улыбнулась. — Это тётя Маша, она себя бабочкой представляет, вот и летает здесь иногда. Да вы не бойтесь, она тихая.

— Девушка, вы дочь Алябьевой? — передо мной вырос мужчина в белом халате лет тридцати пяти. Козлиная борода, жиденькие прилизанные волосы и странноватый бегающий взгляд.

— Да.

— Я её врач. Пойдёмте в кабинет. Сначала нужно поговорить.

Я послушно пошла за ним. В кабинете он уселся за стол и указал мне на стул напротив.

— Иван Иванович.

— Виктория, — нехотя отозвалась я.

— Сколько вам лет? — неожиданно спросил он.

— Да какая разница?! Только вчера узнала, что маму отправили сюда. До моего отъезда она была совершенно здорова и никогда не страдала психическим расстройством. Я хочу её видеть и разобраться, почему она здесь, — выпалила я на одном дыхании.

— Вы показались мне слишком молоденькой, а ваша мама серьёзно больна, и я боюсь, это окажется слишком сильным для вас потрясением, — вкрадчиво проговорил врач, не глядя мне в глаза.

— Все в порядке. Вы можете сказать правду.

— Как я уже сказал, ваша мама, к моему великому сожалению, очень больна, и мы к ней никого не пускаем, но сделаем для вас исключение. Мы поместили её в специальную палату, поскольку она пыталась повторить попытку суицида. Еще она отказывается от еды, мы вводим ей питательные вещества внутривенно, и... — он запнулся. — Мы вынуждены её привязать, чтобы она не натворила чего-нибудь. В целях её же безопасности, понимаете?

Я закрыла глаза, чтобы не видеть его бегающих глазок.

— Вам плохо? — участливо проговорил Иван Иванович.

— Всё нормально, продолжайте, — я заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Ваша мама сильно изменилась с тех пор, как вы виделись. Вы, понимаете, о чём я?

— Нет, — покачала я головой. — Когда мы встречались в последний раз, она выглядела прекрасно.

— Я думаю, может быть, вам не стоит сегодня...

— Стоит, — я вскочила со стула, подумав, что этот странный врач препятствует моему посещению, и это вряд ли продиктовано заботой обо мне.

Ему пришлось тоже подняться.

— Я хотел как лучше. И ещё: обещайте мне, никаких истерик. Вы не должны её волновать.

— Хорошо.

Мы подошли к палате. Он вошёл первым, я следом. Кроватей было три, но только одна была занята. То, что безжизненно лежало на кровати, окутанное сетью трубочек, никак не могло быть моей мамой. Я подошла ближе. К сожалению, это была моя мама, вернее то, что от неё осталось. Отчаяние нахлынуло на меня, пригвоздив к стулу возле кровати. Врач

дотронулся до моего плеча.

— Вы ещё останетесь?

Я кивнула, он вышел. Мы остались вдвоём: мама и я. Кошмарный сон. Я проснулась, и всё будет по-прежнему: любящие друг друга родители и уютный дом. Я закрыла глаза, открыла, ничего не изменилось, всё та же больница, и мама на спине с бледным, казавшимся мертвым, лицом.

И это моя вина. Я не должна была так поступать, не должна была оставлять её одну. Мне захотелось взять маму за руку, и я откинула одеяло: руки оказались привязаны к кровати. Я вспомнила, что меня предупреждали об этом. Положила ей руку на лоб, и она открыла глаза, мутные и отсутствующие.

— Мама, это я, Вика. Я пришла к тебе.

Мама пыталась посмотреть на меня, но одурманенное наркотическими лекарствами, сознание ей не подчинялось. Её взгляд остановился на мне, но она меня не узнавала.

— Мамочка, посмотри на меня. Ты меня узнаёшь?

— Вика умерла, — прошептала она, и две слезинки медленно поползли по щекам.

— Мама, я жива! Я здесь!

Её глаза закрылись, и она опять отключилась. Я просидела ещё час, но она так и не пришла в себя. Мне было ясно одно, пока маму будут накачивать этими лекарствами, она никогда не поправится.

Я снова пошла к врачу. Он даже не поднял головы при моём появлении.

— Я хочу с вами поговорить, — твёрдо сказала я. — Я требую, чтобы вы прекратили давать маме эти лекарства.

Он удивлённо поднял глаза:

— Что значит, вы требуете? Ей назначено соответствующее её болезни лечение. Всё согласовано с мужем, он платит за лекарства.

— Ах, вот оно что. Этот негодяй хочет её убить, а вы ему в этом помогаете. И я вас предупреждаю: если вы не прекратите колоть маме эту гадость, я подам на вас в суд и, поверьте, у меня хватит денег упрятать и вас, и её муженька за решётку.

— Но вы ничего не понимаете в медицине, её состояние...

— Может быть, я ничего не понимаю в медицине, но зато я понимаю, что вы в сговоре. Сколько он Вам платит, чтобы держать её здесь? — закричала я.

— Тихо, тихо, — успокойтесь, — врач казался испуганным. — У вас нервный шок после посещения, я вас предупреждал.

Я смотрела на него. Он нервно теребил ручку. Похоже, я попала в точку.

— Завтра, я приду снова. И запомните: никаких лекарств, только витамины.

— Ей будет хуже, пожалеете, — мрачно буркнул врач.

— Хуже некуда, — сказала я и вышла.

Медсестра сидела за столом, и я подошла к ней.

— Девушка, мне нужна ваша помощь.

— Я вас слушаю, — сказала она без всякого выражения.

— Можно с вами поговорить, где нам никто не помешает?

Она пожала плечами и ещё раз посмотрела на меня.

— Вы уже были у врача?

Я кивнула.

— Хорошо, ждите меня на улице, я выйду на пять минут.

Наташа, так звали медсестру, прониклась ко мне сочувствием и действительно помогла, правда, прежде я сунула ей несколько бумажек в карман халата, после чего она стала более разговорчивой и даже написала названия лекарств, которые давали моей маме. Николай приходил к врачу раз в неделю. Один раз Наташа видела, как он передавал Иван Ивановичу деньги. К сожалению, в их больнице существовала такая практика: некоторые родственники договаривались с лечащим врачом и больному назначались сильные препараты, которые вводили их в полусонное, заторможенное состояние. Так их держали в больнице годами, что развязывало руки их родным. Сами же больные превращались постепенно в некие растительные существа, непонимающие кто они и почему здесь.

Наташа ушла, я села в машину и попыталась проанализировать полученную информацию. Очевидно, что Коленька решил медленно избавиться от мамы. Наташа подтвердила: лекарства, которые кололи маме, очень сильные. Единственная надежда в том, что прошло ещё не так много времени, и её мозг можно спасти. Нужно спешить. Волна ненависти к Коленьке нахлынула на меня. Один мерзкий человек испортил жизнь моим родителям, но я не собираюсь сдаваться. Я окинула взглядом желтые стены маминой тюрьмы и прошептала:

— Я вытащу тебя отсюда, мамочка, и накажу этого подонка, который так поступил с тобой.

Прошло три дня, Наташа сказала, что маме отменили назначенные ранее препараты, оставив лишь самые необходимые, но мама по-прежнему не узнавала меня. Я сидела около неё часами, но она спала. Я пришла, как обычно, после раздачи цветов. Мама лежала на спине: глаза закрыты, спутанные немытые волосы разметались по подушке, чужое бледное лицо. У постели капельница, в палате запах лекарств. Я открыла форточку и села рядом на стул:

— Здравствуй, мамочка.

Ответа не было. Казалось, она спала.

— Мама, посмотри на меня. Это я, Вика, — я взяла её за руку и крепко сжала. Её рука безвольно лежала в моей, чуть вздрагивая. Я потрогала лоб: температуры не было. Попробовала поговорить снова: бесполезно. Передо мной лежало тело, мамино тело, лишь до некоторой степени живое.

Отчаявшись, я вскочила со стула и стала метаться по палате. Я знала, что именно сегодня я должна что-то сделать. Устав ходить, я облокотилась на спинку кровати и начала говорить. Я обращалась к ней, к её душе или к её мозговому центру, я не знаю, как это называется, но неожиданно поняла, что это может сработать. Я убеждала её, что она неправа, желая уйти из жизни, она нужна мне и другим людям, она должна играть и радовать людей своей музыкой. Я просила у неё прощения, говорила, что люблю её, и она не может оставить меня одну. Я говорила с такой силой и убеждением, что мне казалось, я слышу ответы. Каким-то образом, не с помощью разговорной речи, а мысленными концептами, которые появлялись в моём мозгу, я понимала, что творилось в её душе. Мама уверяла меня, что смерть — единственное спасение для неё. Она чувствовала себя виноватой перед нами и не могла жить с таким грузом вины. Я попросила прощения, что бросила её после смерти отца и снова сказала, что она нужна мне. Я так увлеклась, что не смотрела на нее, но внезапно услышала невнятный звук. Мама смотрела на меня почти осознанно, губы беззвучно шевелились.

Она вернулась! Мне удалось её вытащить оттуда, где она была. Её губы еле слышно прошептали моё имя.

— Пообещай мне жить, мамочка, — сказала я и на её лице появилась что-то вроде улыбки. Потом она заснула, так как была ещё очень слаба, а я сидела рядом и смотрела на неё. Неожиданно жуткая усталость навалилась на меня, я начала зевать и, еле передвигая ноги, вышла из палаты. Устроившись в кресле машины, я тут же заснула, а, проснувшись, обнаружила, что проспала два часа. Я решила заехать к Ольге — поделиться радостью. По дороге купила бутылку шампанского и коробку конфет. Наверное, я ехала слишком быстро, поэтому, резко затормозив перед подъездом, чуть не сбила парочку влюблённых. Не заглушив мотора, выскочила из машины и закричала:

— Смотреть надо куда идёте, а не только друг на друга! Да что же это такое, прямо под колёса лезете. — Хорошенькая девчушка испуганно смотрела на меня, а парень, лица которого я не видела, потирал ушибленную ногу. Видимо, я всё-таки задела его бампером.

— Вам больно? — спросила я, подходя ближе.

Он поднял голову.

— Вадик? — я не могла скрыть своего удивления.

— Привет. Какими судьбами? — спросил он, как будто мы столкнулись на улице.

— Ты почему на дорогу не смотришь? — строго спросила я. — Я ведь могла вас не заметить.

— Мы заговорились, — вежливо вставила девушка, — и не заметили машины.

— Я так рад тебя видеть, — неожиданно сказал Вадик.

— А я всю жизнь мечтала увидеть тебя под колёсами своего автомобиля.

— Эх ты, горе-водитель. Не знаешь, что в тёмное время суток нужно ездить с включёнными фарами.

Я посмотрела на машину и увидела, что он прав.

— Правила дорожного движения написаны явно не для тебя, у тебя есть свои собственные, — продолжал ехидничать Вадик.

— А мои правила тебя не касаются, — отрезала я, чувствуя себя виноватой. Конечно, если бы я включила фары, то обязательно заметила бы их раньше.

— Ну ладно, Вадим, пойдём, ничего не случилось, — девушка потянула его за рукав.

Я посмотрела на неё. Милая мордашка, гладко зачёсанные волосы, собранные в хвостик, полное отсутствие косметики. Наверно, скромная и тихая, какая нужна Вадиду.

— Подожди, — отмахнулся он от неё. — Мы ещё не всё выяснили с Викторией.

— Мы с тобой всё выяснили очень давно, — разозлилась я и пошла к машине.

Я села за руль, запарковалась. Они ещё стояли на том же месте. Я щёлкнула сигнализацией и пошла к подъезду.

— Вика, подожди, — Вадик загородил мне дорогу. — Где ты теперь живёшь?

— Это не твоё дело. Твоё дело вон там, — я показала на девушку в сторонке.

— Но ты же не можешь просто так исчезнуть?! Я так переживал, когда понял, что ты не вернулась домой.

Я усмехнулась.

— Ты так переживал, что завёл девушку?

— Я всё объясню.

— Не надо. Девушка, заберите его, пожалуйста.

Девушка подбежала к нам и взяла его за локоть.

— Вадим, ну пойдём же, нас ребята ждут, — заканючила она.

Я обошла их и скрылась в подъезде. В лифте расплакалась. Всё-таки Вадик был моим первым мужчиной, а до этого был моим лучшим другом.

Так я и ввалилась к Ольге, со слезами на глазах и шампанским в руках.

Ольга открыла дверь.

— Вика! — обрадовалась она. — Что-то случилось? — спросила она, заметив мои слёзы.

Я покачала головой и сунула ей шампанское.

— Клади в морозилку!

— Ничего не понимаю, если всё плохо, то почему шампанское?

— Всё хорошо, — уверила её я. — Дай мне пять минут привести себя в порядок. У меня хорошая новость: мама пришла в сознание и узнала меня.

— Ой, как здорово. А почему тогда ты плачешь?

— Просто я встретила одного человека, с которым... но это теперь неважно.

Я прошмыгнула в ванную и заперлась. Глупые слёзы застилали мне глаза. Ну почему именно сегодня? У меня было такое хорошее настроение. Неужели я ревную? Я так долго старалась его забыть, и у меня почти получилось. Почему же тогда так больно, что он с другой?

Встревоженный Ольгин голос спросил:

— Вика, у тебя всё в порядке?

— Да, — ответила я и взглянула в зеркало на своё красное лицо.

— Открой дверь или я взломаю замок, — услышала я решительный голос.

Мне стало смешно.

— Сейчас иду, только умоюсь.

Я вышла из ванной.

— Ну что ты не даёшь мне поплакать?

— Я ужасно боюсь за тебя, ты стала такой странной. У нас же раньше не было секретов друг от друга, — обиженно сказала она.

— Я всё тебе расскажу. Я встретила Вадика с девушкой.

— Подожди, ты плачешь из-за него?

Я молчала.

— Так это ты с Вадиком жила на юге?

Я кивнула. Ольга опустилась на стул с изумлением:

— Так вы с ним...ну ты понимаешь... как муж и жена?

— Как муж с женой и даже свекровь присутствовала, — рассмеялась я, вспомнив, как мы жили в его квартире.

— И его мама знала?

— Конечно, она даже приняла меня как невестку, только всё время беспокоилась, что я недостаточно люблю Вадика.

— Ну, ты даёшь. Ну и как он?

— Что как? Ты же его знаешь, он же в нашем, то есть уже в твоём, классе учится, между прочим, — издевалась я.

— Но ты же знаешь, что я имею в виду?

— Не понимаю о чём ты, — мне доставляло удовольствие подшучивать над Ольгой.

Она посмотрела на меня с обидой.

— Ты хочешь спросить как он в постели?

Моя подружка до сих пор не встречалась ни с одним мальчиком. Не знаю, в чём тут было дело, то ли в её неземной красоте, то ли в застенчивости, но факт оставался фактом.

— Вика, прекрати!

— Ладно, но ведь ты именно об этом спрашивала?!

Ольга сидела напротив меня, её щёки пылали. Мне стало её жалко.

— Олечка, не сердись. Я тебе так скажу: пока мы жили на юге, всё было прекрасно, а когда начали работать, пошли проблемы, и мы расстались. Вадик вернулся в школу, а я пошла на рынок. Остальное ты знаешь.

— Кто бы мог подумать? Ты и Вадик. Ты же всегда считала его своим другом?

— Да, считала. И лучше бы нам остаться друзьями. Давай не будем о нём, ладно? У него есть девушка, у меня есть работа. Каждый получил то, что хотел. Всё равно у нас бы ничего

не вышло, мы такие разные.

На моё счастье пришла Вера Ивановна с работы, так что я шепнула Ольге:

— Как-нибудь потом расскажу, — и выскочила в коридор.

Вера Ивановна обрадовалась, увидев меня.

— Здравствуй, Вика! Как дела?

— Всё хорошо, мама пришла в сознание, она узнала меня и даже чуть-чуть улыбнулась.

— Слава богу! Счастье-то какое, — Вера Ивановна обняла меня. — Аллочка бедная, как настрадалась.

— Давайте пить шампанское, мамино выздоровление нужно отметить, — улыбнулась я и подумала, что хорошо, что у меня есть они — Олечка и Вера Ивановна. С ними я забывала о прошлом и чувствовала себя прежней беззаботной девчонкой.

Вечер удался, мне даже удалось выбросить из головы встречу с Вадиком. Мы пили шампанское и вспоминали старые добрые времена, когда мы собирались вместе, чтобы отметить праздник или чей-нибудь день рождения.

Нашу беседу прервал телефонный звонок, Оля вышла из кухни. Вера Ивановна посмотрела на меня и спросила:

— Вика, а как же школа?

— Наверно, ещё стоит на старом месте, — отшутилась я.

— Будь серьёзной. Я на правах маминой подруги настаиваю, чтобы ты закончила десятый класс.

— Снова одеть школьную форму и выслушивать нотации учителей? — возмутилась я. — Благодарю покорно. Это исключено, к тому же у меня совершенно нет времени. Маме нужно хорошее питание и уход, и я должна платить за квартиру.

— Но тебе же нужно образование. Ты же не собираешься всю жизнь продавать цветы?

— Конечно, нет. Когда у меня будет необходимая сумма, я открою магазин или кафе.

Какое-то время мы молчали. Потом Вера Ивановна продолжила:

— Когда-нибудь ты захочешь учиться дальше. Все твои сверстники в этом году будут поступать в институты.

— А у меня будет работа и деньги, а они будут выпрашивать у мамы на мороженое и кино.

— Ты стала очень упряма, — возмутилась Вера Ивановна. — На тебя просто невозможно повлиять.

— Лучше и не пробовать, — засмеялась я. — Не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю. На самом деле я купила учебники и сама занимаюсь, только времени мало. Возможно, если бы мне разрешили, я бы могла сдавать экзамены экстерном. Только кто будет возиться со мной после уроков?

— Хорошая мысль, — отозвалась Оля. — У нас есть один мальчик, который так учится с восьмого класса. Он чем-то болеет и учителя приходят на дом.

— Предоставь это мне, я всё устрою, — ухватила за идею Вера Ивановна. — Я поговорю с директором и классным руководителем. Они должны пойти тебе навстречу.

— Вера Ивановна, но только экстерном, я не сяду больше за парту и не надену школьную форму.

— Хорошо, пусть будет экстерном. А ты сможешь сама подготовиться?

— Я буду ей помогать, — вступилась за меня подружка.

— Да, смогу, — я сделала паузу и добавила: — если захочу.

— Вика, представь, что будет с мамой, когда она узнает, что ты не учишься. Ты должна это сделать ради неё.

— Я думаю, маме ещё долго будет не до меня.

— Давайте выпьем за Вику, она у нас такая необыкновенная. Я горжусь тобой, — Ольга подняла бокал.

— За тебя! — отозвалась Вера Ивановна. — Видимо, творческие натуры твоих родителей передались тебе в виде деловой хватки.

— Спасибо, даже не знаю, чтобы я без вас делала, — я выпила шампанское залпом и машинально достала из кармана сигареты.

Вера Ивановна и Оля смотрели на меня круглыми глазами.

— Вы не прогоните меня, если я закурю? — улыбнулась я.

— Виктория, девочки не должны курить!

— А я уже не девочка, — глупо хихикнула я, прикуривая.

За столом воцарилось молчание. Вера Ивановна потянулась к моей пачке за сигаретой. Она курила только когда была очень взволнована.

— Господи, если бы твой отец был жив, он бы этого не допустил, — выдала Вера Ивановна после нескольких затяжек.

— Если бы мой отец был жив, ничего этого бы не было. Я могла бы жить с ним, но ему не нужна была только я, ему нужна была моя мама, а без неё он жить не хотел, поэтому и придумал якобы случайно оступиться.

— Что ты говоришь? — возмутилась Вера Ивановна. — Это был несчастный случай.

— Папа представил это как несчастный случай, — твёрдо сказала я. — Он не хотел, чтобы мама винила себя в его смерти, но еще больше он боялся выглядеть слабым. А самоубийство — это слабость.

— И у тебя есть доказательства? — спросила Вера Ивановна.

— Нет, он не оставил записки, если вы об этом. Просто когда он прощался со мной, он говорил такие слова, как будто уходил навсегда. А ещё я слышала, что Сергей Петрович, тот, что был с ним в экспедиции, рассказывал на кухне, что всё это было очень странно, участок лёгким, а он как будто нарочно поскользнулся.

— Господи, как всё это страшно. Ты не рассказывай это маме никогда, хорошо?

— О чём вы? Маму я буду беречь теперь от всего. Когда я её увидела на этой койке с привязанными руками, то сразу простила. Я же обвиняла её во всём, поэтому и ушла, не могла её видеть, — я вытерла глаза.

— Ну ладно, ладно, — успокаивала меня Ольга. — Всё уже позади.

— Спасибо за поддержку. Мне пора, завтра рано вставать.

Я спустилась на лифте, и у выхода столкнулась с Вадиком.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я.

— Жду тебя, — он подошёл ближе.

— Это глупо, я могла остаться на ночь у своей подруги.

— Ты бы вышла утром.

— И ты бы ждал меня до утра?

Вадик кивнул, глаза у него были как у побитой собаки.

— Что ты хочешь? — спросила я жёстко.

— Я хотел увидеть тебя.

— Ну вот, посмотрел и хорошо, — я попыталась обойти его, но он взял меня за руку.

— Прости меня.

— Больше всего на свете мне хотелось уткнуться в его такое родное плечо и поплакать, а он бы гладил меня по голове, как когда-то давно, когда мы были друзьями, но вместо этого я спокойно сказала:

— Всё к лучшему, дай пройти.

— Вика, я дурак, я себе места не находил, я...

— Перестань, не надо ворошить прошлое.

— Но нам же было хорошо вместе.

— У нас разные дороги. Тебе нужно одно, мне другое.

— Я люблю тебя, — он опустил на колени и спрятал лицо в моих ладонях. Я не знала, что делать и присела рядом.

— Не надо стоять на коленях, тебе это не идёт.

— Я виноват. Что мне сделать, чтобы ты вернулась?

Я вздохнула и решила сказать ему правду.

— Я не та девушка, которая тебе нужна, и я не люблю тебя.

— Не любишь? — Вид у него был как у обиженного ребёнка. — Но ты же говорила...

— Говорила, потому что ты хотел это слышать. Я знала, мне не надо было жить у вас, но уж так случилось. Повторяю тебе: я не та девушка, которая тебе нужна.

— Нет, это я не тот парень, который тебе нужен, — он отпустил меня так резко, что я покачнулась. — Я всё понял. Будь счастлива, — он развернулся и почти бегом побежал вниз по лестнице.

Я села на ступеньки и заплакала. Не надо было ехать с ним на юг. Мне, вообще, не надо было уезжать, тогда бы не случилось всего этого. А всё из-за того, что я думаю только о себе. Так, хлюпая носом и кляня себя последними словами, я забралась в машину и заставила себя сосредоточиться на дороге.

Вера Ивановна поговорила с директором школы, и мне, уж не знаю какие слова были сказаны, простили, что я пропустила две с лишним четверти и разрешили сдавать материал постепенно, изучая его самостоятельно. Так что теперь дел у меня прибавилось: в свободное от работы и посещения больницы время я сидела над учебниками, пытаюсь в сжатые сроки выучить то, что другие уже прошли. Не знаю, как бы я справилась, если бы не постоянная поддержка со стороны Андрея и Лены. Надо сказать, что мы не стояли на месте, а постоянно расширялись, находя новые места для торговли и нанимая новых продавцов. Теперь, больше чем раньше, мне были нужны деньги на лекарства и витамины для мамы, а также приходилось делать подарки нянечкам и медсёстрам. Маме становилось лучше с каждым днём, но до полного выздоровления было ещё далеко. Она чувствовала себя подавленной из-за того, что находилась в психушке. Мама избегала разговоров со мной на эту тему, поэтому всю правду маленькими порциями мне рассказывала Вера Ивановна. Но зато мама больше не думала о том, чтобы уйти из жизни. Она всегда была достаточно сильным человеком, поэтому я надеялась, что у неё всё получится. В её палату я принесла телевизор, который отвлекал её от мрачных мыслей. Как-то раз, после ужина, она посмотрела мне в глаза и спросила:

— Вика, я действительно тебе нужна?

— Конечно, а что?

— Ты должна встречаться с мальчиками, ходить в кино и на дискотеки, а не проводить все вечера у моей постели.

— Я ещё всё успею, мамочка. Сейчас главное — поставить тебя на ноги, потом буду развлекаться.

— Я очень тебе благодарна за всё, но мне не хотелось быть обузой. Вовсе необязательно приходить ко мне так часто.

— Не думай об этом, чем быстрее ты поправишься, тем скорее я начну развлекаться.

Она вздохнула.

— Не знаю, что буду делать, когда меня выпишут.

— Мы придумаем тебе занятие, — сказала я бодрым голосом, понимая, что она говорит о работе.

— Что тут можно придумать?! — Она посмотрела на свои руки. — Я не смогу играть.

— Давай подождём с выводами. Ладно? Главное, что мы снова вместе.

— Ты простила меня?

Я молча кивнула и обняла её.

— Как только ты встанешь на ноги, я буду требовать назначения медицинской комиссии, чтобы тебя признали здоровой и выписали.

— А если не признают: останусь здесь надолго.

— Перестань, всё будет хорошо, в крайнем случае, мы купим эту комиссию. У нас всё покупается и продаётся.

— Жаль, что так происходит, — мама покачала головой. — Раньше были другие люди и другие времена. Был какой-то смысл в жизни, а вашему поколению досталось. Вот и ты у меня пошла на рынок. Я как представляю тебя там: у меня сердце кровью обливается.

— Да ладно тебе. Мы другого не знаем. Это ваше поколение за идею работало, магистрали всякие строили, к коммунизму стремились. Мы дети другие, поэтому перестраиваемся быстро. Мне нравится работать, тем более, я же не стою на рынке, а руковожу процессом.

— Но ты же стояла до этого.

— Это было недолго, всего месяца три, наверное.

— Ты очень изменилась, — мама внимательно смотрела на меня, видимо искала прежнюю Вику. — Стала сильно краситься и выглядишь от этого взрослее.

— А помнишь, ты хотела, чтобы я взялась за ум и ругала меня, что я целыми днями только гуляю?

— Как давно это было, — мама отвела взгляд, ей было тяжело вспоминать о прошлом. — Мне бы хотелось другой жизни для тебя.

— Давай не будем снова, мамуль. Мне нравится быть взрослой, мне нравятся деньги, и я люблю их тратить.

— Ну, кто бы мог подумать?! Раньше я думала, что тебе нравятся только мальчики.

— Я поняла, что в жизни есть более стоящие занятия, чем встречаться с тремя парнями одновременно.

— А как поживает твой дружок Вадик?

— Наверно, хорошо.

— Вы больше не дружите?

Я вздохнула.

— Мне некогда, да и не хочется. Сейчас мне интереснее общаться с ребятами постарше, например, с Леной и Андреем.

— Ну что ж, это хорошо. Честно говоря, мне твой Вадик никогда не нравился. И тебе он не подходит.

Я улыбнулась и подумала про себя: мамины вкусы не изменились.

— Согласна с тобой, — поддержала я ее с энтузиазмом. Знала бы мама, после каких событий я поняла, что Вадик не для меня. — Надеюсь, я когда-нибудь познакомлю тебя с хорошим парнем, который тебе понравится.

Интересно, что сказала бы мама, если бы узнала, насколько близкими у меня с Вадиком были отношения?

Было очень хорошо, что мама не заговаривала со мной о Коленьке. По какой-то странной рассеянности она не спрашивала меня, где я живу. Наверно, полагала, что я живу дома, а он убрался восвояси или просто не желала думать о нём. Как бы не так?! Этот негодяй по-прежнему жил в нашей квартире, а я продолжала снимать квартиру в Коломенском. Несколько раз я, надеясь, что он уехал, звонила, но он неизменно оказывался дома. Юридически он оставался мужем моей мамы и, соответственно, обладал правом проживания. Конечно, можно было подать на него в суд, но это должна была сделать моя мама, и в лучшие времена далёкая от судебных дел, а сейчас и подавно. Так что, этим вопросом в любом случае заниматься мне, а я была несовершеннолетней, что значительно усложняло дело. Вернуть квартиру для меня — дело чести. Это моя память о любимом отце, счастливом детстве и нашей дружной семье. К тому же мне надоело жить в чужой квартире с чужими вещами. Я хотела просыпаться, подходить к окну и видеть купола Новодевичьего монастыря.

Как-то днем мы с ребятами проезжали недалеко от Коломенского, и я пригласила их зайти. Мы уютно уселись в комнате за журнальным столиком и закурили. Лена подошла к окну.

— Ой, красота какая. Андрюшка, ты посмотри. Речка блестит, пароходы плавают.

Андрей подошёл к окну.

— Здорово. А у нас из окна только двор и дома, неинтересно.

— Да разве это вид, — обречённо махнула я рукой. — Вот из моей квартиры можно увидеть и реку, и озеро, и Новодевичий монастырь. Выйдешь на балкон — сразу настроение улучшается.

— А почему ты там не живёшь? — спросил Андрей.

— Даже не знаю, как выгнать одного человека оттуда.

— А ну-ка рассказывай, — потребовал Андрей.

— Неохота, — я уже начала жалеть, что сболтнула лишнее.

— Давай-давай, — настаивала Лена. — У Андрея есть бывший одноклассник, который занимается квартирными делами.

— Да ну тебя, Лена, — махнул он на неё рукой. — Он страшный человек. Рассказывай, — Андрей посмотрел на меня.

Так слово за слово они вытянули из меня всю историю про маму и Коленку, только об отце я умолчала, не хотелось, чтобы ребята знали.

— Надо гнать мерзавца, тут все средства хороши. А куда ты мать перевезёшь после больницы?! — задумался Андрей.

— Не знаю, я уже всё передумала. Убить его самой или нанять кого?! Ненавижу его! Всю жизнь нам испортил, — я закурила.

Ребята последовали моему примеру, и некоторое время мы молча пускали дым.

— Андрей, — прервала нашу паузу Лена, — все же давай Вику познакомим с Сергеем. Он поможет или совет даст к кому обратиться?

— Как бы он её тоже без квартиры не оставил, — хмыкнул Андрей. — Ты же знаешь, чем он занимается?!

— И чем же? — поинтересовалась я.

— Находит алкашей, спаивает их, а потом выселяет куда-нибудь в деревеньку с ящиком водки вместо доплаты.

— Здорово, — засмеялась я. — Хороший мальчик.

— Очень хороший. Уже не знает, какую тачку себе купить. Только меняет квартиры, девок и машины.

— А, по-моему, он ничего, — возразила Лена. — Ты просто ему завидуешь.

— Завидую? — разозлился Андрей. — А когда он даже к тебе клеиться начал, хотя знал, что ты моя?

— Да ладно тебе, — рассмеялась Лена. — Тебе показалось с пьяных глаз, он сделал мне всего пару комплиментов, просто он такой... обходительный.

— Обходительный, — проворчал Андрей. — Вот и обходит всех.

Мне надоел их спор, и я вмешалась:

— Слушайте, ну мне же не замуж за него. Какое значение для меня имеют его моральные принципы? Он поможет мне или нет, поэтому давайте позвоним и спросим.

— Давай, звони, — Лена подала ему трубку телефона. — Ради Вики!

Не выдержав нашего натиска, Андрей набрал номер.

— Будь с ним осторожна, — увещевал он меня, как будто мы должны встретиться через полчаса.

— Нашёл глупенькую школьницу, — фыркнула я.

Андрей быстро поговорил и повесил трубку.

— Завтра в семь часов он будет в нашем кафе.

— А почему ты по телефону не спросил, может он помочь или нет? — расстроилась я.

— Он все дела решает, только глядя клиенту в глаза. Правило у него такое.

— Ну ладно, подождём до завтра, — согласилась я. — Это хотя бы будет первый шаг навстречу решению проблемы.

Не знаю почему, но мне казалось, что я на правильном пути, несмотря на предостережения Андрея.

День выдался тяжёлым и неудачным. Торговли не было, поэтому мы долго перебирали розы, пытаясь спасти то, что ещё можно реализовать завтра. Потом разбирались с продавщицей, которая приносила маленькую выручку: работала на себя. Поставщики подняли закупочные цены, на одной точке забрали разрешение на торговлю, а под вечер заявила наша «крыша», которая нас охраняла, а на самом деле просто забирала деньги. В общем, к тому моменту, когда мы попали в наше кафе, которое находилось недалеко от подвала, я была вымотана до предела и с тоской думала, что дома меня ждёт романтический вечер с учебником физики.

Лениво потягивая коктейль исколотыми, без маникюра, руками, в грязных джинсах и непричёсанная, я сидела напротив входной двери. Вдруг, в кафе вошёл, можно даже сказать влетел, молодой парень в белой выглаженной рубашке, кожаной куртке и свободных брюках. Белый цвет прекрасно оттенял бронзовый загар. Светлые прямые волосы аккуратно пострижены и уложены волосок к волоску. Незнакомец остановился посередине зала и оглядывал столики. Андрей помахал ему рукой и через мгновение нас уже представляли друг другу. Если бы я только знала, что Сергей окажется таким красавцем, я бы навела полный марафет и встречала бы его во всеоружии. Чувствуя себя не лучшим образом, я не принимала участия в общей беседе и старалась не смотреть на него слишком часто. Обмен общими фразами быстро закончился, ребята попрощались: надо было принимать выручку и остатки цветов. Мы остались одни, я смотрела в окно, с трудом представляя себе наше дальнейшее сотрудничество. Ни разу в жизни я не чувствовала такого смущения перед мужчиной. Сергей дотронулся до моей руки.

— У меня есть предложение, — начал он.

Я заметила, какие у него длинные ресницы и насмешливые зеленые глаза.

— Давай уйдём отсюда?

— А чем тебе здесь не нравится? — спросила я удивлённо.

— Какое-то дешёвое заведение, к тому же здесь шумно и накурено.

Я возмутилась:

— Мы здесь, кажется, не для того чтобы развлекаться. Я не займу у тебя много времени. Ты или берёшься за моё дело, или отказываешься. Так что давай останемся и решим вопрос.

Он расхохотался так, что на нас оглянулись.

— Bravo, Вика! За весь свой опыт не видел более строптивой клиентки. Сейчас мне ещё

больше хочется пригласить тебя куда-нибудь. Уверен, с тобой не заскучаешь.

— У меня был очень тяжёлый день и нет сил на развлечения, — сказала я твёрдо.

— А кто говорит о развлечениях? Мы спокойно поужинаем и обсудим твой вопрос.

— Я не одета, — сказала я.

— Знаешь, — он посмотрел на часы, — я могу завезти тебя домой переодеться, а сам быстро смотаюсь посмотреть одну квартиру. — Ты где живёшь?

— В Коломенском.

— Почти по дороге. Давай пойдём, — он опять посмотрел на часы, — у тебя будет час привести себя в порядок. Обещаю вкусный ужин и хорошую музыку.

— У тебя всегда такой подход к клиенту?

— Нет, — усмехнулся он. — С некоторыми я работаю на дому.

— Это те алкаши, которые продают свои квартиры за домик в деревне и ящик водки? — вспомнила я рассказ Андрея.

— Вижу, ты уже обо всём знаешь, — ничуть не смутился он. — А ты подумай, что этим алкашам делать в столице? В красивом городе должны жить красивые люди. Ну вот, например, такие девушки как ты.

— Зря стараешься, я равнодушна к комплиментам.

— Ну что ж, — он пожал плечами — спасибо, что предупредила. — Так мы едем?

— Едем, я уже поняла, что с тобой бесполезно спорить, только... — я вспомнила про физику.

— Что только?

— Электромагнитные волны мешают, — назвала я главу из учебника.

— Какие волны? Ты уверена? Я что-то ничего не чувствую, — он посмотрел по сторонам и от этого стал менее уверенным.

— Они не здесь, они в учебнике физики, — засмеялась я, вставая.

— А-а, — его лицо прояснилось. — Ничего успеешь, мы ненадолго, мне ещё надо к клиенту заглянуть вечером, — он мне подмигнул. — Москва должна стать чистым городом.

Припаркованный у тротуара двухместный чёрный Мерседес сиял в лучах заходящего солнца. Сергей галантно помог мне сесть и заставил пристегнуться.

— Мы что, собираемся побить какой-нибудь рекорд скорости?

— Я привык ездить быстро.

Моё уставшее тело утонуло в кожаном сидении. «Интересно, сколько он берет за свои услуги?» — подумала я. Его стиль вождения можно назвать не наглым, а очень наглым. Он уверенно лавировал между машинами, и каждый раз мне казалось, что кто-нибудь врежется в нас, но слышался только визг тормозящих сзади машин. К тому же для него отсутствовали запрещающие знаки и сигналы светофора. Когда он лихо затормозил у моего дома, я уже несколько раз попрощалась с жизнью.

— Ты не очень испугалась? — он отстегнул мой ремень безопасности и заглянул мне в глаза.

— Если ты хотел произвести на меня впечатление, тебе это удалось, — хмуро отозвалась я.

— Нет, я всегда так езжу. А произвести впечатление на девушку есть другие способы.

— Думаю, в кафе я лучше доберусь на своей машине.

— Я буду ехать тихо, не сердись.

Я выбралась и хотела хлопнуть дверью, но бесшумные замки лишили меня и этого удовольствия. Сергей крикнул мне в окно:

— Жду тебя здесь через час.

— Надеюсь, у тебя отберут права и отгонят машину на штрафстоянку, — ответила я.

— Не надейся, гаишники мои лучшие друзья: без таких, как я, они жили бы на одну зарплату, — он послал мне воздушный поцелуй и укатил.

Больше всего мне хотелось послать его к чёрту, но, к сожалению, я не решила свой вопрос. Если он так крут, как старается казаться, то, вероятно, сможет мне помочь. Любymi путями мне нужно освободить квартиру к маминому выходу из больницы. Я приняла душ, нарядилась и надела скромное чёрное платье, купленное недавно за совсем нескромные деньги. Платье сидело идеально и придавало мне особый шарм. Времени хватило даже на маникюр. Глядя на своё отражение, я улыбнулась себе. Теперь я чувствовала себя значительно лучше, чем в старом вытянутом свитере и грязных джинсах. А, может, я и согласилась с ним поужинать только потому, что хотела предстать перед ним во всей красе? Да, в обаянии ему не откажешь. Очень опасный тип, Андрей совершенно прав на его счёт. Ну ладно, посмотрим. У нас просто деловая встреча. Я выглянула с балкона и увидела знакомый мерс. Заторопилась, чувствуя повышенное сердцебиение.

— Замечательно выглядишь, — заметил Сергей, помогая мне сесть.

Ресторан оказался уютным и ужасно дорогим. Я даже не знала, что бывают такие цены на обычные блюда, не говоря уже про напитки. Я закрыла меню и сказала свою коронную фразу:

— Полагаюсь на твой вкус, уверена, ты закажешь самое лучшее.

Эта моя фраза приводила в недоумение моих кавалеров, но в то же время давала им возможность не выходить из бюджета.

Сергей вовсе не растерялся и подозвал официанта. Официант назвал Сергея по имени, и из их разговора я поняла, что он часто здесь бывает. Конечно, квартиры обходятся ему дёшево, а продаёт он их по рыночной цене. Я огляделась: везде были зеркала, бордовые скатерти и свечи на столах. Женщины в вечерних платьях, мужчины в дорогих костюмах. Высшее общество, да и только. Маме бы здесь понравилось, подумала я.

— Часто бываешь здесь с клиентами?

— С клиентами я пью дешёвую водку у них на квартирах, а здесь бываю с друзьями после сделок.

— Неужели обязательно пить? — удивилась я.

— Конечно, мы и с тобой сейчас выпьем.

К нам подошёл официант с бутылкой шампанского в ведёрке со льдом.

«А потом я тоже окажусь на сто первом километре», — мрачно подумала я.

— Не бойся, Вика, — сказал он, словно прочитал мои мысли. — Ты знакомая Андрея, а я его должник. Он один раз меня выручил, так что я не собираюсь зарабатывать на тебе деньги. Помогу просто так, если это будет возможно.

Он отпустил мою руку и взял бокал.

— Давай выпьем за тебя, — он смотрел мне в глаза, и я боялась, что моё сердце, которое билось, как ненормальное, выдаст меня громким стуком. Сама не знаю почему, я

так волновалась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы чокнулись и выпили. Мне стало легче после его слов, не знаю почему, но я ему поверила.

— А сейчас, пока готовят, давай я буду задавать тебе вопросы.

Сергей достал кожаный ежедневник и ручку. Половины ответов я не знала, более того, я не знала таких слов, как ответственный квартиросъёмщик, и понятия не имела: приватизирована у нас квартира или нет. Видя моё смущение, он заметил:

— Это нормально. Люди у нас не знают ни законов, ни своих прав, поэтому их легко обмануть. Тебе простительно, ты ещё девочка. Кстати, сколько тебе лет?

— А ты как думаешь?

— Восемнадцать?

— Будет семнадцать через месяц.

— Ничего себе, — удивился он. — А выглядишь по-взрослому. Так ты ещё школьница?

— Я учусь сама, а потом сдаю учителям темы.

— А-а-а. Ну да, ты же говорила про физику, но я думал ты уже в институте, — он выглядел явно ошарашенным.

— Я тебя расстроила?

— Да нет, скорее удивила. Так Андрей говорил, что ты их вроде это, начальница?

— А что тут такого? Почему у девушки не может быть мозгов и деловой хватки?

— Ну не в таком нежном возрасте?! Я просто удивлён.

— Так сложились обстоятельства, — пожала я плечами. — У каждого свой возраст и это не всегда совпадает с тем, что написано в документах.

— Знаешь, я много думал об этом. Особенно... — он замолчал.

— Что особенно? — спросила я.

— Мой брат... Он погиб, когда ему было семнадцать лет. Это выглядело так, как будто он решил умереть сам, но... — он посмотрел на меня, а потом залпом выпил бокал. — Вряд ли ты поймёшь, я зря начал об этом...

— Нет, пожалуйста, — неожиданно для себя я схватила его за руку. — Мой отец всё обставил как несчастный случай, но он не хотел больше жить.

Его горячая рука больно сжала мои пальцы.

— Всё так. Странно, но ты меня понимаешь или мы оба сумасшедшие. Расскажи, как это произошло?

— Моя мама полюбила другого, а отец, может быть, сейчас это звучит банально, не мог без неё жить. Он поехал в очередную экспедицию и сорвался со скалы. Но он решил это ещё в Москве! Он решил, что умрёт. А твой брат?

— Он был младше меня, но всегда казалось, что он уже устал от жизни. Он выглядел маленьким старичком, много болел с самого детства. А потом он выбросился из окна. После этого я ушёл из дома, я не смог там быть.

— Я тоже ушла из дома после похорон.

— Мы удивительно похожи, — он отпустил мою руку. — Давай помянем их.

Мы выпили и долго молчали, как будто каждый из нас понял, что рассказал слишком много и жалел об этом.

— А ты давно занимаешься недвижимостью? — спросила я.

— С тех пор как ушёл из дома. Надо было зарабатывать на жизнь. Я пришёл из армии,

учиться было некогда, да и желания не было. Я хотел вырваться из душного родительского мирка, и мне казалось, что только деньги могут в этом помочь. В деньгах я видел свою свободу: я не хотел жить так, как живут все, от зарплаты до зарплаты. Я хотел купить весь мир.

— Ну и как?

— Никак, — грустно вздохнул он. — Мир по-прежнему не у моих ног, хотя некоторые красивые девушки не отказываются со мной поужинать, — он лукаво посмотрел на меня.

— Я думала, у нас деловая встреча.

— Деловая встреча у нас будет завтра, в ДЭЗе. Встретимся, побеседуем с паспортисткой и выясним, что с твоей квартирой. Того, что ты мне рассказала, явно недостаточно, чтобы решить смогу я тебе помочь или нет. А сейчас я приглашаю тебя потанцевать.

— Хорошо, — легко согласилась я.

Сергей уверенно вёл меня. В отличие от школьных кавалеров, он не переминался с ноги на ногу под звуки медленной музыки, а перемещался по залу. Мне было легко подстроиться под него, для этого нужно было поверить ему. Мои ноги шли вслед за ним, как будто мы танцевали не первый раз.

— Умница, — прошептал он мне на ухо. — С тобой хочется танцевать всю жизнь.

— Ты хорошо ведёшь, — решила я сделать ему комплимент.

— А ты заводишь, — не остался он в долгу.

От неожиданности я сбилась с ритма и, наступив ему на ногу, едва не упала. Сергей подхватил меня и какое-то время танцевал, держал на руках. Почувствовав пол под ногами, я вырвалась и пошла к столику. Что он себе позволяет?!

— Не сердись, — его взгляд был озорным.

Сердиться на него невозможно: он так обаятелен и дерзок, и я никогда не встречалась с такими взрослыми мужчинами. Я молча чокнулась с ним, а губы уже против воли складывались в улыбку.

Вечер закончился невинно. Сергей довёз меня до дома, мы договорились встретиться на следующий день в ДЭЗе, и уехал. Почти расстроенная, я поднималась по лестнице. Он не сделал попытки напроситься на чашечку кофе и ни разу меня не поцеловал.

Упав на диван, я долго пыталась сосредоточиться на физике, но учебник падал у меня из рук. «Кажется, я влюбилась», — подумала я с ужасом.

— Ну, как всё прошло? — спросил Андрей, когда мы ехали на базу за цветами.

— Знаешь, он очень славный, этот твой маклер. Даже не верится, что занимается алкашами, — уклончиво ответила я.

Со вчерашнего вечера я прибывала в каком-то странном состоянии, моя жизнь начала казаться мне серой и скучной.

— Так он поможет тебе или нет? — спросил Андрей.

— Не знаю пока, мы об этом мало говорили.

— Так о чём же вы говорили, чёрт возьми?

— Ну, о разном. Мы были в одном симпатичном ресторанчике, танцевали, — я улыбнулась.

— Вот козёл, — ругнулся Андрей.

— Почему козёл? — удивилась я. — С его стороны это было очень мило пригласить меня туда.

— Очень мило, — передразнил он меня. — Ты это... даже и не думай о нём.

— О чём ты?

— Решай с ним квартирный вопрос и всё, поняла?! И не вздумай с ним встречаться.

— Это ещё почему?

— Потому что он бабник, понимаешь?! Он умеет красиво ухаживать, а потом поиграет с девушкой и бросит.

— А хорошо играет? — невинно спросила я.

— Тебе это зачем? Хороших парней мало? Встречайся с кем угодно, только не с ним, — Андрей говорил неохотно, чувствовалось, он что-то не договаривает.

— Не понимаю, чего ты так разошёлся. Даже смешно. По-моему, он даже очень ничего, мне было нескучно.

— Да уж, с ним скучно не бывает, это точно. Короче, Вика, выброси его из головы и точка.

— Так ничего же не было. Он подвёз меня к подъезду, даже на чашку кофе не напрашивался, а то я бы пригласила, — мне нравилось дразнить Андрея, я никак не могла понять, почему он так злился.

— Короче, я понял! Вы, бабы, курицы. Я сам с ним поговорю. Скажу, что ты моя двоюродная сестра, и я ему башку оторву, если он будет тебя охмурять.

— Не волнуйся так и не надо ничего ему говорить. Я взрослая девочка и сама разберусь. Слушай, сколько лет Сергею?

— Он мой ровесник, двадцать два ему стукнуло. Старый он для тебя, поняла?

Понять-то я поняла, более того: была полностью согласна с Андреем. Но почему же так сладко сжималось сердце при одной мысли о нём?

Вечером я сидела у Ольги.

— Слушай я, кажется, влюбилась, — призналась я ей.

— Ты же говорила, что никогда не влюбишься?

— Я ошиблась.

— Да ну? Насколько я знаю, тебе всегда нравились быстрые головокружительные романы с бурным окончанием. Он только успеет к тебе привыкнуть, а ты уже ускользнула к другому. Я так не могу, — вздохнула Ольга. — Мне кажется, если я кого-нибудь полюблю, это будет на всю жизнь.

— Ты у нас девушка серьёзная, может, оно так и будет. Но, знаешь, милая подружка, я изменилась. После Вадика в моей жизни только работа и учёба.

— Мне кажется, он грустит о тебе до сих пор.

— Ничего, погрустит — перестанет.

Надо отдать должное, воспоминания о Вадике перестали причинять мне боль. По сравнению с Сергеем он казался глупым мальчишкой.

— Вадик всегда будет любить тебя. Ты разбила ему сердце ещё в песочнице, где он впервые тебя увидел, — Ольга засмеялась.

— Лучше бы он в тебя влюбился, — сказала я. — Ты такая же серьёзная, как и он. Жили бы долго и счастливо. Может, вам стоит познакомиться поближе?

— Ну, конечно. Ты его бросила, а подруга забирай, — Ольга обиженно надула губки.

— Не сердись. Я тебе предлагаю Вадика, потому что хорошо его знаю. Я же с ним жила. И как мужчина, — я хихикнула, — он очень даже ничего. — Оля совсем смутилась и уставилась в пустую чашку. — Да ладно тебе, не смущайся, слушай старшую подружку.

— Какая же ты старшая, если ты меня младше на полгода?! — возмутилась она.

— Мне уже давно тридцать в душе, пришлось рано повзрослеть.

— Да уж, пережила ты всего много. Зато как интересно. А мне тебе даже рассказать нечего: школа, уроки, курсы английского. Тебе, наверно, скучно со мной?

— Да ты что?! Ты моя самая лучшая подруга, которой я могу всё рассказать. У меня никого нет кроме тебя, — горячо возразила я. — А, что касается того, что жизнь скучная, так можно всё изменить.

— И что я могу? Да у меня смелости не хватит.

— Много смелости здесь не надо, ты же не банк собираешься грабить, а изменить свою жизнь, это не противозаконно.

— Ну и что мне делать?

— Познакомиться с кем-нибудь.

— У тебя одно лекарство от всех бед, — вздохнула Ольга.

— Ну почему же одно? Есть ещё два, но они тебе не подходят.

— Какие?

— Сменить место жительства или пойти на работу.

— Нет, — вздохнула Ольга. — Боюсь, я ни на что не способна, кроме учёбы. Парни на меня не смотрят, уехать из дому, как ты, я никогда не смогу, а на работу меня никто не возьмёт.

— Какой пассив, — от души рассмеялась я. — Человек сам хозяин своей судьбы. А ты строишь из себя полное следствие: здесь не смотрят, тут не получится, этого боюсь. Так нельзя.

Глаза у Ольги наполнились слезами. Я уже забыла, какой ранимой и беззащитной она была.

— Я тебе сейчас всё объясню, — начала я поспешно. — Парни на тебя смотрят, но ты кажешься им недоступной со своей красотой и примерным поведением. Они и в мыслях не

могут себе представить, как тебя пригласить куда-нибудь, потому что уверены: ты откажешь.

— Но тебя-то они не боятся. А ты очень красивая, да теперь ещё и одеваешься так модно.

— Я не делаю различий между парнем и девушкой и всегда могу подойти и просто поболтать. К тому же, если я хочу с кем-то познакомиться или начать встречаться: я подаю ему знаки.

— Какие знаки, руками что ли? — Оля недоумённо посмотрела на меня.

— Ну почему руками?! Можно глазами или ещё как-нибудь, смотря по обстоятельствам. Вот, например, прихожу я в кафе...

— Я не хожу в кафе, у меня нет денег, — недовольно прервала она.

— Ну, хорошо, ты ходишь на курсы при институте. Хочешь узнать, чтобы я делала на твоём месте?

— Ну? — в её глазах вспыхнул огонёк интереса.

— У вас там есть симпатичные ребята?

— Да, есть.

— Ты с ними общаешься?

— Нет, просто сидим в одной аудитории.

— Просто сидеть никогда не надо, сидеть надо со смыслом. Выбираешь момент, как бы случайно оказываешься рядом с ним, и просишь его что-нибудь тебе объяснить.

— Зачем, если я всё понимаю?

— Глупая, чтобы познакомиться. Он тебе объясняет, ты его благодаришь, в следующий раз снова садишься с ним рядом, иногда смотришь на него, когда занятия заканчиваются, вы вместе выходите, он провожает тебя домой и просит у тебя телефон.

— Ну, а если не провожает?

— Значит, он или дурак, или у него кто-то есть, или ты неправильно себя вела.

— Так я же от стыда сгорю, сама навязалась, а он ещё и отказал.

— Да ерунда всё это. Подумаешь, отказал?! На нём клином свет не сошёлся. Считай, ты просто потренировалась на нём, как на снаряде, и плавно переходишь к другому. Возможно, ты взяла слишком большой вес. В следующий раз переходишь к объекту номер два с другим заданием и всё.

— У меня не получится. Этому нельзя научиться, это должно быть в крови, как у тебя, — Ольга задумчиво опустила голову, а я с энтузиазмом продолжала.

— Научиться можно всему, даже медведи в цирке обруч крутят при полном отсутствии талии. А как ты думаешь, парни делают? Он идёт по улице и пристаёт ко всем подряд со своим «давайте познакомимся», и кто-нибудь обязательно откликнется. Всегда помни, что мужчине трудно сделать первый шаг, и если ты ему улыбнёшься, ему будет проще.

— Тебе надо лекции читать об отношении полов, — засмеялась Ольга. — Тебя слушаешь, всё становится просто.

— Так оно и есть. У тебя всё получится: они с рук у тебя будут есть. Давай так, ты делаешь первую попытку завтра, а я вечером тебе звоню, и ты мне всё рассказываешь.

— Завтра? Нет! Я не смогу. Я не готова. Я боюсь. Лучше буду одна, — выпалила она в одну секунду.

Я рассмеялась.

— От комплексов надо избавляться, они мешают в жизни.

— Ты говоришь, как моя мама.

— А знаешь, что?! Давай пари, — я протянула руку. — Ты делаешь всё это в течение недели, а я покупаю шампанское, и мы празднуем победу над твоими комплексами, независимо от того познакомилась ты или нет.

Ольга смотрела на мою руку, как на врага.

— А если не делаю? Если я не смогу?

— Тогда ты один день, в воскресенье, работаешь у меня на рынке.

— Зачем? — удивилась она.

— Потому что стоять на виду у всех и продавать цветы помогает вылечиться от застенчивости. Это уж я точно знаю. Кроме того, ты жаловалась, что у тебя нет денег, вот и заработаешь. Ну что, идёт?

— На рынке? Я? Я не могу, — в её глазах был страх.

— Ну, я же смогла, мне тоже было страшно, — я улыбнулась и рассказала ей историю, как сидела под прилавком, а Вадик знакомился с девушкой. — К тому же у тебя есть выбор, ты можешь просто попросить симпатичного мальчика объяснить тебе задание или целый день простоять на рынке за прилавком, — сказала я страшным голосом.

Ольга затравленно посмотрела на меня.

— Ты загнала меня в угол.

— Давай, — настаивала я. — Это ты себя загнала в угол своей дурацкой застенчивостью. Такая красивая девушка, а сидит и скучает дома. Давай руку!

Оля протянула свою холеную ручку с безупречным маникюром. Пари было заключено.

Я собралась уходить. Уже в дверях Ольга вспомнила:

— А ты мне так и не рассказала в кого влюбилась?

— Он занимается очищением Москвы, — засмеялась я, вспомнив про алкоголиков.

— Он что, дворник?

— Нет, конечно. Но я тебе потом расскажу, а то мне уже пора бежать в ДЭЗ.

Я чмокнула её в щёку и улыбалась, пока сбегала вниз по лестнице. Если бы Ольга только знала, в чём заключается это очищение.

В ДЭЗе было полно народу, глухой гул чем-то напоминал пчелиный улей, с той лишь разницей, что состоял из людей. Какие-то старушки не соглашались с очередным повышением квартплаты, пытаясь доказать свою правоту в бухгалтерии. В паспортном столе толпились за выписками из домовой книги и оформляли прописку и регистрацию. Было жарко и душно, все стулья заняты, а очередь, казалось, не имела конца. Паспортистка восседала в окне как на троне, свысока поглядывая на очередную возникающую перед ней физиономию. Далее она говорила пару фраз, и физиономия с ещё более унылым видом отчаливала оплачивать свою задолженность в сберкассах, с тем, чтобы потом опять занять своё место в хвосте очереди и попробовать ещё раз получить необходимую бумажку. Некоторые везунчики, впрочем, отходили, помахивая выпиской, как только что пожалованной королевской грамотой. Я ловила ртом воздух, чертыхаясь, когда мне наступали на ногу, и цеплялась за Сергея. Он же, напротив, чувствовал себя в своей стихии и, крепко держа мою руку, пробился почти к самому окошечку, успев на ходу узнать имя паспортистки.

— Зоенька, здравствуйте! — произнёс он, словно лучшей знакомой, хотя видел её впервые.

Паспортистка удивлённо захлопала накрашенными ресницами.

А он, не давая ей опомниться, продолжал:

— Мне бы выписку, Новодевичий проезд...

— Паспорт? — буркнула она.

Я достала паспорт из сумки.

— Зоенька, пожалуйста, очень нужно, — сказал он, очаровательно улыбаясь, и сунул мой паспорт в окошко.

Его улыбка не возымела должного действия.

— Пусть родители приходят, — равнодушно произнесла она. — Несовершеннолетней выписку не дам.

— Отец умер, а мама в больнице, — разозлилась я.

— Вот выйдет и пусть приходит, — отрезала королева паспортного стола.

— Вот документ, на основании которого она может получать любые документы, — сказал Сергей, подсовывая в окошечко свёрнутый пополам лист бумаги, через который явно просматривалась денежная купюра.

Зоя отработанным движением схватила бумажку, продемонстрировав хищные, накрашенные красным лаком ногти.

— Этого недостаточно, — жёстко заявила она, направив глазки-буравчики на Сергея.

— А у нас есть ещё один документ, — сказал он с улыбочкой и вытащил из папки другой листочек белой бумаги с купюрой внутри.

«Интересно, сколько он их заготовил?» — подумала я.

— Ну, это уже кое-что, — она посмотрела на Сергея с уважением. — Для чего нужна выписка?

— Понимаете, вот эту девушку отчим выселил из квартиры. Хотелось бы узнать

прописан ли он там?

— Адрес повторите?

— Новодевичий проезд дом 2 квартира 70.

— Так, минуточку. Прописан один человек — Соболев Николай Иванович.

— Как один? — охнула я. — А где же я? А мама?

— Фамилия, — она удостоила меня почти нежным взглядом.

— Алябьева Виктория.

— Так, посмотрим. Убыла во Владимирскую область вместе с матерью Алябьевой Аллой Викторовной.

Тихо охнув, я впала в столбняк и дальнейшее еле слышала.

— Зочка, — начал Сергей, — сейчас очень много народу. Могли бы мы побеседовать, когда у вас будет время в неприёмные часы. Естественно, мы были бы вам очень благодарны. Как вы уже поняли — у нас большие проблемы, и нам нужна ваша помощь.

— Хорошо, приходите завтра к одиннадцати.

— Спасибо, — Сергей улыбнулся лучезарной улыбкой и, подхватив меня за локоть, начал проталкиваться к выходу.

Он бережно усадил меня в машину и куда-то повёз. Я не спрашивала: мне было всё равно, на тот момент я устала бороться. В пустой голове крутились обрывки мыслей, и я никак не могла собраться. Значит, он выписал нас из квартиры и теперь является полноправным хозяином, а мы с мамой остались на улице. А Сергея это ничуть не удивило, наверняка, он сам проделывал что-то подобное. За окном мелькали дома и люди, вечно спешащие по своим делам. Сергей быстро, обгоняя других и постоянно вылетая на встречную полосу, вёл машину. А я вспоминала папу: как он гулял со мной, как решал ненавистные задачи по математике. «Папа, зачем же ты покинул нас? Я совсем не знаю, что мне делать!»

Сергей лихо завернул в какой-то двор и резко затормозил. Я безучастно сидела. Он обошёл машину и, открыв дверь, подал мне руку. Я вышла, оглядываясь по сторонам. Вряд ли я могла сказать, в каком районе мы находимся, да это и не имело значения. Меньше всего сейчас я бы хотела остаться одна.

— Где мы? — на всякий случай поинтересовалась я.

— Пойдём, — он обнял меня и дотронулся губами до моих волос.

Я покорно шла, прижимаясь к нему, как к своей единственной защите. Сергей открыл дверь квартиры, и мы вошли. Однокомнатная, обставленная дорогой светлой мебелью показалась мне типичной берлогой холостяка. Я опустилась в кресло и закрыла глаза. Сергей ушёл на кухню, и я услышала звяканье посуды. Через пять минут он появился со стаканами и вазочкой конфет.

— Я понимаю всё, что ты чувствуешь. Думаю, тебе не помешает выпить.

Он протянул мне высокий стакан.

— Что это?

— Моё любимое средство от печали, — Сергей улыбнулся и опустился в кресло напротив.

Я послушно выпила полстакана. Коктейль был крепким, сладким и вкусным. Тепло медленно опустилось до желудка, и чуть позже докатилось до головы, заставляя немного

примиришься с миром.

— Что можно сделать, чтобы вернуть прописку? — спросила я. — Или всё попало?

— Ты же знаешь: безвыходных ситуаций не бывает, но дело скверное.

— Знаю, — я опустила глаза. — И почему только за последнее время на меня столько всего навалилось? — вырвалось у меня, хотя я не собиралась жаловаться.

Сергей подошёл ко мне и сел рядом. Его рука ласково обняла меня за плечи.

— Я сделаю всё, что смогу, обещаю.

— Зачем тебе это?

Он не отводил ласковых, но печальных глаз от моего лица.

— Я уже тебе объяснял: за мной должок Андрею.

— Только из-за этого?

— Даже если бы не было Андрея, я сделал бы для тебя всё, что смог.

— Но почему?

Его близость смущала меня. Я потянулась за стаканом, и он убрал руку.

— Потому что я всегда мечтал о такой, как ты.

— Что? — переспросила я, не поверив его словам. От неожиданности моё оцепенение прошло. — Ты же меня не знаешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Как только я тебя увидел, подумал, что ты создана для меня.

— Когда ты меня первый раз увидел, я выглядела не очень.

— Ты была очаровательна в вытянутом свитере и без косметики, даже лучше чем вечером платье.

— Неужели? Тебе не понравилось моё платье?

— Понравилось, почему же. Просто мне больше нравится, когда ты в джинсах, ненакрашенная и растрепанная.

«Странные существа мужчины», — подумала я. «Мы тратим деньги на косметику и платья, чтобы нравиться, а им это вовсе не надо».

— Ты думаешь: я странный, да? — неожиданно спросил он.

Я вздрогнула.

— Ты что, читаешь мысли?

— Иногда. Ты тоже можешь попробовать. Посмотри мне в глаза и скажи, что я думаю.

Я посмотрела и тут же их опустила, такая нежность была в его взгляде.

— Ну что же ты? — он поднял моё лицо.

— Я не могу.

— Можешь, но боишься, — теперь он смеялся надо мной.

— Я боюсь?! Я ничего не боюсь. Ты думаешь обо мне.

— Думаю, думаю, но лучше бы не думать. — Он резко встал и подошёл к окну. Потом обернулся ко мне: — Я принесу ещё выпить.

— Я больше не буду, уже пьяная.

— Я же говорю, что ты боишься.

— Да чего мне бояться? Тебя что ли? Тоже мне, злодей.

— Ты права, я не злодей. Мы ещё выпьем, и я отвезу тебя домой. Ничего не будет.

— Почему? Может я не против? — я хитро посмотрела на него.

— Я против, — он сделал ударение на «я». — Не имею права, — он отвернулся.

Я краем глаза наблюдала за ним. «Поиграет и бросит», — очень кстати я вспомнила Андрюшины слова.

Я собиралась с силами, чтобы уйти, но больше всего хотела остаться. Моя интуиция, которая редко меня подводила, подсказывала, что надо бежать. Я всё-таки встала:

— Спасибо за поддержку и коктейль. Мне уже лучше.

— Не уходи, — Сергей обнял меня, целуя в висок.

— Мне надо побыть одной, — сопротивлялась я.

— Ладно, я тебя отвезу. Ты права, не надо было привозить тебя сюда.

— Почему?

— Не спрашивай, не могу тебе это объяснить.

Меня вновь охватило желание остаться. Как со стороны я услышала свой голос:

— А, может, правда, ещё по коктейльчику?

— Вика, — он подошёл ко мне близко-близко. — Ты не знаешь, что ты со мной делаешь.

— Как часто ты это говорил другим девушкам?

Сергей отошёл от меня и сел.

— Ты права, очень часто, но это было до тебя. Сейчас всё по-другому. Ты мне очень нравишься, и я не знаю, что с этим делать. Пойду, приготовлю коктейли.

Это были те же самые слова, которые он говорил другим девушкам, но я хотела ему верить, поэтому села и послала интуицию к чёрту, в конце концов, она может ошибиться.

— Ты мне тоже нравишься, — сказала я, когда он вернулся, и мы выпили.

Сергей рванулся ко мне, случайно задев журнальный столик с коктейлями, но ни страшный грохот, ни звук разбившейся посуды, не могли нам помешать. Впервые в жизни я испытывала неистовое желание принадлежать этому мужчине, несмотря ни на что. Я хотела слиться с ним воедино, стать его собственностью. Меня уже не существовало, я растворилась в нём без остатка.

Весь день до вечера мы провели в постели. Утром я проснулась первой и долго смотрела на него, спящего. Никогда раньше я не испытывала такой нежности к другому человеку. Я поняла, что люблю. Это была та любовь, из-за которой бросают семьи и уходят из жизни. Мне стало страшно. Я чувствовала себя полностью беззащитной и потерянной, вернее потерявшей себя. Больше я не была себе хозяйкой, я зависела от мужчины, которого совсем не знала. Я вспомнила мамину любовь к Коленьке. Теперь я уже не смогла бы осуждать её. Я быстро нашла разбросанную одежду и, захлопнув дверь, выскочила на улицу. Мне нужно было побыть в одиночестве. На этот раз я отдала мужчине не просто своё тело, а ещё и душу.

Светило солнце, начинался новый день, люди спешили на работу, по дорогам бежали автомобили, всё было как раньше, изменилась только я. Я смешалась с толпой и оказалась у метро Алексеевская. Через полчаса я была уже дома, приводила себя в порядок и постоянно думала о нём. Что он будет делать, когда проснётся? Позвонит ли сразу мне? Любит ли он меня также как я его?

Я взяла телефон в ванную, чтобы не пропустить звонок. Телефон зазвонил, когда я пила кофе. Схватила трубку, но это был всего лишь Андрей, который собирался заехать за мной,

чтобы ехать на базу за цветами. Я оделась и заняла своё место у телефона, пытаюсь читать, но не могла понять ни строчки, мои мысли были только о Сергее. Осознав, что я только переворачиваю страницы, не понимая смысла, бросила книгу.

Сергей не позвонил ни в этот день, ни в последующие. Мне не хотелось вставать утром, работать и общаться с людьми, свои и чужие заботы стали казаться мелкими. «Куда я иду и зачем?» — всё чаще и чаще спрашивала себя я. «Зачем я так долго боролась за независимость, если в один день оказалась зависимой от мужчины?» Вопросы теснились в голове, не давали покоя. Моё спасение было во сне — я полюбила спать. Сон обволакивал, лишая мыслей. О, если бы можно было не мучиться от ожидания, а проснуться от его телефонного звонка. Мой маленький мирок стал казаться мне скучным и потерял смысл. Мне больше не к чему было стремиться, у меня не осталось желаний. Когда я была дома, я не расставалась с телефоном и всегда снимала трубку после первого звонка.

Сергей позвонил, когда я уже перестала ждать. Его голос звучал просто вежливо, когда он узнавал, как мои дела. А у меня не было никаких дел, точнее, у меня не было жизни без него. Об этом мне хотелось кричать!

— Вика, у тебя странный голос! — неожиданно заметил он. — У тебя неприятности?

«Да, я умираю без тебя», — хотелось мне сказать, но я молчала.

Не дождавшись ответа, он заговорил:

— Я знаю, как решить твою проблему, нашёл хорошего адвоката.

— Спасибо, — выдавила я.

Квартира и всё остальное перестало беспокоить меня. Почувствовав разочарование в моём голосе, он сказал нежнее:

— Не обижайся и ничего не спрашивай. Я безумно скучал.

— Неужели? Я этого не заметила.

— Можно я приеду? — вдруг мягко спросил он.

Интересно, куда исчезают женская гордость и обида в такие минуты, когда мы соглашаемся на встречу с тем, кого надо гнать в шею.

— Ты действительно этого хочешь? — спросила я, оттягивая момент согласия.

Да, к сожалению, я знала, что не смогу ему отказать, желание посмотреть в его глаза было сильнее, чем чувство обиды и попранная гордость.

— Скажи мне свой адрес, — спросил он.

Я назвала адрес и, бросив трубку, понеслась в ванную. Нужно успеть принять душ, подкраситься и одеть что-нибудь домашнее, но соблазнительное. Я выбрала чёрный шёлковый халатик, под которым ничего не было, кроме меня самой. Едва я успела переодеться, как в дверь позвонили. Он бросился ко мне с порога, крепко целуя и обнимая. «Как же я соскучился, милая», — слышала я нетерпеливый шёпот. Я собрала остатки гордости и отодвинулась:

— Где ты был? Почему не звонил всю неделю?

— Я был очень далеко, там нет телефона.

— Дешёвая отмазка, — я сделала ещё шаг назад.

Мы прошли в комнату. Он сел рядом со мной на диван и взял за руку.

— Не дуйся, тебе не идёт. Ты же знаешь, какой у меня бизнес: частые поездки

необходимы. — Он привлёк меня к себе. — Давай ты не будешь задавать вопросов, я этого не люблю.

— А я не люблю, когда со мной так обращаются, — я встала и отошла к окну. — Ты бы мог позвонить мне и сказать, что уезжаешь, тогда я бы не сидела у телефона и не ждала.

«Зачем призналась, вот дура?» — ругнула я себя. Абсолютно всё с этим человеком выходило у меня из-под контроля.

— Ты ждала моего звонка? — он подошёл ко мне и нежно обнял. — Прости, я не хотел тебя обидеть? — его руки гладили меня по волосам, как маленькую. — Почему ты убежала тогда, утром?

— Хотела прийти в себя.

— А что, всё было так плохо?

— Нет, тогда было хорошо, а вот потом, когда ты не звонил, было плохо.

— Ну, прости. Давай ты не будешь на меня обижаться, я такой человек, к сожалению. Ты простишь меня?

Вместо ответа я обняла его. Он легко поднял меня на руки и бережно опустил на диван.

Наши встречи были редкими и всегда неожиданными. Он звонил мне, и я летела к нему по первому зову. Мы проводили вечер в каком-нибудь ресторане, а потом он отвозил меня домой, и, поцеловав, оставлял одну, ссылаясь на дела, или приезжал ко мне, проводил со мной несколько часов, а потом уезжал. А иногда было ещё хуже, он говорил, что приедет и не приезжал или приезжал поздно ночью, когда я, измотанная ожиданием, засыпала на диване одетая. Я так хотела быть рядом с ним, что научилась не задавать вопросов. Приняла правила игры, сдавшись без боя в самом начале. Конечно, всё это не лучшим образом отражалось на мне: я похудела, не высыпалась, грустила. Я чувствовала, что всё идёт неправильно, но не могла найти в себе силы что-то изменить. Сергей несколько раз озабоченно спрашивал, что со мной, но я отмалчивалась. Я должна была разобраться сама в наших отношениях. Рано или поздно, я смогу разорвать этот круг. Но проходили дни и недели, и сама мысль, что я могу потерять его, казалась невыносимой. Ладно, пусть будет так, решила я, но я не позволю этому чувству взять надо мной верх.

Я заставила себя вернуться к работе и учёбе. А по вечерам, когда упорно молчавший телефон донимал меня сильнее обычного, я выходила в парк рядом с домом и бегала до полного изнеможения. Это помогало мне заснуть.

Ну и, конечно, выздоровление мамы радовало меня всё больше и больше. С каждым днём ей становилось лучше. В её больших карих глазах всё чаще появлялся интерес к жизни. Я купила ей плеер, она слушала любимые концерты и читала книги. Мне удалось договориться, чтобы она осталась в одноместной палате, чтобы её контакт с больными был сведён к минимуму. Так, шаг за шагом, мы вместе шли к выздоровлению.

Однажды между нами состоялся интересный разговор. В этот день я чувствовала себя особенно несчастной? Сергей опять пропал, а я ждала его и ничего с этим не могла поделать. В подавленном состоянии я пришла к маме. Она внимательно посмотрела на меня и неожиданно сказала:

— Что произошло с тобой, доченька? Я чувствую, что тебе плохо.

Слёзы брызнули у меня из глаз, и я рассказала ей про Сергея. Свой рассказ я закончила

фразой, что только теперь я поняла ту боль, которую испытывала она. В общем, мы обе расплакались и обнялись.

— Постарайся поговорить с ним, — посоветовала мама, когда мы обе успокоились. — Я не буду делать никаких выводов, но ты сама чувствуешь: он что-то скрывает от тебя. Как бы ни было больно, надо это выяснить. Между двумя любящими людьми не должно быть тайн. Правда, какая бы она ни была горькая, лучше, чем пребывание в неведении. Попробуй вызвать его на откровенный разговор: если он любит тебя, вы вместе что-нибудь придумаете.

— Знаешь, я не уверена, что Сережа воспринимает меня всерьёз. Он много раз говорил мне, что я свободна в своих действиях.

— Это плохо, — вздохнула мама.

— Но в то же время, я убеждена, что он любит меня.

— Не у каждой любви есть право на существование. Бывают обязанности перед другими людьми, и тогда эту любовь нужно вырвать из сердца. Время, как известно, лечит, а ничего нет хуже утраты собственного достоинства и осознания вины перед близкими. Если бы я поняла это раньше, многих бед можно было избежать. — Мама провела рукой по моим волосам:

— Ты должна с этим разобраться, дочка. Ты сильная и сможешь это пережить.

— Ах, мамочка, если бы я была сильной...

— Но ты такая и есть, просто сейчас ты наступаешь на себя, отсюда твоя подавленность и упадок сил. А вспомни, раньше, пока ты его не встретила, какой ты была? Да ты могла покорить весь мир — так сверкали твои глаза. А посмотри на себя сейчас? Так зачем тебе нужен человек, который подрезает тебе крылья. А если тебе нужен пример — он перед тобой. Посмотри, сколько всего сделала я. Из-за меня погиб твой отец.

— Но, мама, это был несчастный случай...

— Вика, перестань, — прервала меня мама. — Ты всё время думала, что он сделал это нарочно, да?

Я молчала, опустив глаза.

Мама приподняла мне подбородок и посмотрела в глаза:

— Будь же откровенна со мной. Ты ушла, потому что невыносимо находиться рядом с убийцей, так?

Я кивнула, но потом сказала то, о чём постоянно думала.

— Папа тоже был неправ. Он мог бы жить ради меня. Он мог бы...

— Речь не о нём. У него свой суд. Я не договорила. Сначала я похоронила мужа, а потом потеряла дочь. Ты ушла из дома, и я не знала, жива ли ты.

— Но я писала... — мама жестом заставила меня замолчать.

— Я потеряла работу, которая была для меня смыслом жизни, а потом потеряла и себя. Я пыталась покончить с собой, но безуспешно. Я не верю в бога, но всё же думаю, что кому-то там, — она подняла глаза вверх, — нужно было преподать мне урок и заставить меня жить со всеми грехами, которые я совершила. Я благодарна, что он сжалился надо мной и вернул мне дочь. Я знаю: мне больше не суждено выступать, — мама посмотрела на свои руки, — но я постараюсь найти себя и попытаюсь искупить свою вину. Я всё сказала к тому, чтобы ты не позволяла никому подрезать тебе крылья. Любовь, если это действительно любовь, поднимает тебя над землёй, озаряя окружающий мир ярким светом. Каждый день, проведённый рядом с любимым, делает тебя счастливой. Неслучайно многие великие

произведения написаны после того, как их создателей посетила самая большая любовь в их жизни.

Мама замолчала и откинулась на подушку. Она устала, но в глазах продолжал гореть огонь.

— Иди, дочка, мне надо отдохнуть, а тебе подумать. Я верю: ты сделаешь всё правильно. Поговори с ним.

— Хорошо, — я поцеловала маму и вышла.

Я вышла из больницы быстрым шагом. Перед тем как сесть в машину, остановилась и посмотрела вокруг. Несмотря на холодный март, в природе чувствовалось дыхание весны, новая жизнь вступала в свои права. Пора действовать, мама совершенно права. Я вызову Сергея на откровенный разговор и заставлю рассказать, что он от меня скрывает.

Я приехала домой и хотела сразу позвонить, но сообразила, что не знаю его номера телефона. Мы встречались около полугода, а я до сих пор не узнала, как с ним связаться. Он всегда звонил мне сам или являлся без предупреждения, уверенный, что я его жду. Нельзя сказать, что моя участь была завидной. Как получилось, что я дошла до такой жизни? У меня получилось выстроить свой бизнес, я смогла помочь своей матери встать на ноги, я мужественно переносила все беды, свалившееся на меня за последний год, я смогла заставить себя забыть Вадика, но я не смогла сохранить своё достоинство в отношениях с любимым человеком. И дело было даже не в достоинстве, дело было в том, что я потеряла себя. Да что же он сделал со мной?! Я опустила голову на руки и задумалась. Неужели я повторяю мамины ошибки? Я совершаю в точности то, в чём обвиняла её.

Я заставила себя позвонить Андрею и буквально вырвала у него домашний телефон Андрея, наврав про наши квартирные дела. Глубоко вдохнув, набрала его номер. После нескольких гудков трубку сняли, раздался молодой женский голос:

— Алло.

Я растерялась. Этот голос никак не мог принадлежать маме Сергея, обладательнице этого голоса можно было дать не больше двадцати.

— Я слушаю, — повторила девушка.

— Будьте добры Сергея, — выдавила я из себя.

— Его сейчас нет. Что-нибудь передать?

Вдруг я услышала детский голосок: «Мама, дай!»

— Алло, одну минуточку, — девушка положила трубку на стол.

Всё похолодело у меня в груди, я хотела бросить трубку, но успела придумать свою версию.

— Извините, что отвлеклась. Дети такие беспомощные, всё время требуют внимания, — доверительно сообщила она мне.

— Я клиентка Андрея, он обещал мне выяснить один вопрос, — как можно увереннее сказала я. — Как мне с ним связаться?

— Позвоните после семи, он будет дома.

— Это точно? — на всякий случай спросила я.

— Абсолютно. Я сегодня учусь, а он укладывает дочку спать, — поведала мне словоохотливая девушка.

— Спасибо, вы мне очень помогли, — вежливо сказала я и повесила трубку.

Сердце в моей груди колотилось, как бешенное. Я налила рюмку коньяка. Я должна заставить себя поверить, что у него есть жена и дочка: маленькая девочка, которая любит и ждёт папу. Видимо, он ещё и хороший отец, раз жена может оставить на него ребёнка и уйти вечером. Вот и вся разгадка его редких приходов и нежелания объяснять своё отсутствие.

Ненавижу!

Ситуация срочно требовала решения. Я налила вторую рюмку и забралась с ногами на диван. Нам надо расстаться. А память услужливо подсовывала картинки наших встреч с Серёжей. Вот я его вижу первый раз — он кажется мне тем героем, о котором мечтают все девчонки, вот мы едем в машине, он несётся с бешеной скоростью, забавляясь моим страхом. Сергей с большим букетом роз, когда я открываю дверь, его нежные руки, застёгивающие золотую цепочку на моей шее. Родное лицо, любимые глаза, я вижу его, как будто он рядом. Меня охватывает отчаяние. Да как же мне выбросить его из моего сердца? Я не могла делить его с женой и не могла оставить ребёнка без отца. Слишком хорошо я знала, как нужен девочке отец. Я налила себе третью рюмку, мне хотелось всё хорошенько вспомнить, чтобы забыть навсегда. Слезы текли по моему лицу, размазывалась косметика.

Вдруг вспомнились папины слова: «Девочки с именем Виктория не плачут — они рождены, чтобы побеждать». Я взяла папин портрет с журнального столика. «Папа, ты хотел, чтобы я была сильной, а я оказалась глупой и слабой и мне очень больно. Но я справлюсь с этим. Завтра я буду другой, я найду в себе силы выбросить его из моей жизни и из моего сердца».

Я так увлеклась, что не сразу услышала звонок в дверь. «Это не может быть Сергей, раз сегодня он должен быть дома», — пронеслось у меня в голове. Я открыла дверь. Он стоял на пороге, улыбаясь мне. На какой-то момент в моём воспалённом мозгу мелькнула мысль, что это ошибка. Я посторонилась, он включил свет и заметил мои заплаканные глаза.

— Что с тобой? — он подошёл, собираясь меня обнять, но я шагнула назад.

— У твоей жены отменили занятия или тёща пришла посидеть с ребёнком? — выпалила я.

Сергей сник.

— Откуда узнала? — глухо спросил он.

— Позвонила тебе домой, и твоя жена мне рассказала, какой ты заботливый папа.

Он казался удивлённым:

— Почему она тебе это рассказала? Ты ей сказала, кто ты?

Я ехидно рассмеялась.

— Не волнуйся, я представилась твоей клиенткой. А кто я? — нервно спросила я. Я — никто. Никто, понятно?! Так что убирайся!

— Вика, — он попытался подойти ко мне.

— Не приближайся, я буду кричать.

— Вика, перестань, ты пьяна. Давай я тебя уложу. Тебе завтра будет плохо.

— Ничего, хуже не будет.

— Давай поговорим, — мягко предложил он. — Можно мне пройти?

— Нет! Я уже тебе сказала — убирайся! — заорала я и бросилась на него с кулаками, пытаюсь открыть дверь и вытолкнуть его.

Злость и выпитый коньяк придавали мне сил, так что Сергей не сразу справился со мной, а когда справился, то отвёл в комнату и посадил в кресло. Сел напротив.

— Вика, помолчи пять минут, я всё объясню.

Я демонстративно посмотрела на часы.

— Не буду оправдываться, я виноват. Сначала всё произошло так неожиданно, ну ты помнишь? Я даже собирался отвезти тебя домой, но не смог. Потом я не звонил, пытался справиться с собой, выкинуть тебя из головы, но бесполезно. Я разрывался между тобой и женой, знал, что это не будет вечно, но я был так счастлив с тобой, что не находил в себе сил всё прекратить. Я, правда, люблю тебя.

— Почему ты не сказал о жене и дочке? — спросила я.

— Ты не спрашивала, — усмехнулся он. — Ты не спрашивала, а я не мог начать первым.

— Не мог! — скривилась я. — А врать про загородные командировки ты мог? А дурить мне голову? Да сколько раз я пыталась выяснить, почему ты не звонил целыми неделями, а ты просил не задавать вопросов?

— Прости, — глухо сказал он, не глядя на меня.

— У жены прощения проси. У вас семья и ребёнок, а я уж как-нибудь переживу. И ещё — никогда больше не звони и не приходи. Я никогда не буду встречаться с женатым мужчиной.

Сергей смотрел на меня, в его глазах тоска и боль. Больше всего мне хотелось обнять его и заплакать. Никто не виноват, когда приходит любовь, но иногда любовь не имеет права на жизнь, как сказала мама. У нашей любви такого права не было. Я посмотрела на часы.

— Пять минут прошло. Уходи.

Сергей поднялся, посмотрел на меня, видимо, собираясь поцеловать, но передумал. Я молча шла за ним, чтобы запереть дверь. Он обернулся.

— Тебе позвонит Венский Иван Сергеевич. Он хороший адвокат, я говорил с ним о тебе, он поможет.

— Спасибо, ты очень любезен, — сказала я холодно.

— Ты уверена, что поступаешь правильно?

— Да! — сказала я твёрдо.

— Хорошо, если буду нужен тебе, ты знаешь, где меня найти.

— Ты не будешь мне нужен!

Я открыла дверь, бросив на меня ещё один взгляд, он вышел. Захлопнув дверь, я прижалась к ней спиной и зарыдала.

Я провела ужасную неделю, пытаюсь забыть Сережу. Я запретила себе думать о нём. Всё было как тогда с Вадиком, только гораздо труднее. На что стала похожа моя жизнь? На сплошную борьбу с самой с собой, ежечасную и ежеминутную. Но я победила тогда, значит, смогу и сейчас. Моя рука сама тянулась к телефону. «Позвони, и он вернётся». «Нет, я никогда не буду любовницей!» Каюсь, один раз я набрала его номер, он сам подошёл к телефону, я услышала его голос и бросила трубку.

Мама всячески поддерживала меня. Я записалась в тренажёрный зал и стала кокетничать с инструктором, чтобы не потерять форму, а ещё сходила на пару свиданий и сдала все хвосты в школе.

Гром грянул неожиданно. В один ничем непримечательный вечер я, как обычно, проводила вечер в офисе, то есть в подвале. На моём рабочем столе мурлыкал приёмник, а я считала деньги, вдыхая, ставший родным, аромат цветов. Настроение у меня было почти хорошее. Я подняла глаза, услышав звук шагов. Появившийся Андрей выглядел расстроенным.

— Что-то случилось? — спросила я.

Он сел напротив, глядя в сторону.

— В чём дело, Андрей? — нетерпеливо повторила я.

— Ты ещё не знаешь?

— Что, не знаешь? Перестань говорить загадками.

— Я зря... Я же не хотел... Я зря вас познакомил, — лепетал он.

— Послушай, расскажи по порядку, — сказала я, уже понимая о ком речь.

— Сергея арестовали, — выпалил он.

— Как? За что? — охнула я.

— Ну, он же, всегда с этими квартирами махинации проворачивал, вот и попался. Не жилось ему как всем.

— А за что в тюрьму?

— Вика, он занимался мошенничеством. Я говорил ему, но он только смеялся. Надеялся, что ему сойдёт с рук.

— Рассказывай, — потребовала я.

— Ладно, — согласился Андрей. — Объявился родственник одного алкаша, которого он отправил вместо трёхкомнатной хаты на Чистых прудах в деревянный домик под Тулой и какой-то смешной доплатой в рублях. Теперь его обвиняют, что он прикарманил все деньги.

— Столько денег?! Эта же квартира стоит..., я даже не знаю сколько, — остановилась я.

— В том-то и дело. Хуже всего, что Сергей работал с друзьями, большая часть денег осталась у них, но квартиру оформили на него, а потом он перепродал её новому покупателю. Поделили деньги, дружки смылись из города, а следователь вышел на Сергея.

— А где дружки?

— Их ищут, но бесполезно. Парни уже далеко. А нашего дурачка замели, к тому же соседи против него показания дали. Он каждый вечер ходил к алкашу с бутылкой и закуской. Так что, все ниточки сходятся к нему.

— И что же делать?

— Да ничего тут не сделаешь. Дадут срок, будет сидеть, — обречённо развёл руками Андрей.

Я представила Сережку в тюрьме, и сердце сжалось от боли.

— Он мне давал телефон адвоката, — я полезла в сумку и нашла визитку. — Вот. Венский Иван Сергеевич. Может, он ему поможет?

— Помочь ему никто не сможет, — махнул рукой Андрей.

— Подожди, нельзя терять надежду, — горячо сказала я. — Ты видел Сергея после ареста?

— Да, он мне позвонил, после того как все его друзья, с которыми он ходил по кабакам, отказались иметь с ним дело. Знаешь, когда человек оказывается в тюрьме, он перестаёт быть интересным. Более того, становится опасным иметь такого товарища.

— А жена? — спросила я.

— Откуда ты знаешь про жену? — насторожился Андрей.

— Уже неважно. Так что, жена? Приходила ли к нему?

— Его жена, дочка очень богатых и влиятельных родителей. Им этот скандал не нужен, они оформляют развод. Сергей не может связаться с женой и не знает ни где она, ни где его дочь. Паханы его женушки, оказалось, понятия не имели, чем он занимается. Наивно считали, что в агентстве недвижимости можно заработать такие деньги. Выглядел он прекрасно, машина, шмотки, апломб. Выдали за него дочку. Я разговаривал с её отцом, то есть с тестем Сергея, он не хочет даже слышать о зяте и собирается лишить его родительских прав.

— А это тут причём? — удивилась я.

— Да кому нужен родитель зэк? Тем более в тех кругах. Там нужна репутация. Это на цветах можно работать с судимостью.

Я задумалась. Страшная картина предстала перед моими глазами. Выходит, Сережку бросили все: друзья, жена, и даже дочку он больше не увидит. Один, в тюрьме, обманутый и преданный.

— Как он выглядит, то есть, как держится? — спросила я.

Андрей засмеялся.

— Нормально, он ещё в школе умел проигрывать. Всегда говорил, каждая неудача лишь приближает победу.

— То есть он не жалуется?

— Нет, в этом отношении он молодец, трезво оценивает ситуацию и даже говорит, что тюрьма его не пугает. Более того, считает, что заслужил. Всё бравада, конечно, но он всегда красуется. Да, кстати, — Андрей пытливо посмотрел на меня: — он просил передать тебе письмо.

Ответа не ждёт. Кстати, Виктория, какие у вас были отношения? Я тебя предупреждал, чтобы ты с ним ни-ни. У вас что-то было?

Я грустно посмотрела на него.

— Андрей, ты же мне не отец, так меня допрашивать. Давай письмо.

— Я старше тебя, и я знаю Сергея, как облупленного. А ещё я люблю тебя.

Я не смогла удержаться от ехидного замечания:

— А Ленка согласна тебя отпустить или ты будешь у нас один на двоих?

— Дурочка ты, Вика. Я люблю тебя как...как...

— Как друга, — закончила я за смутившегося Андрея. — Я просто пошутила. Давай письмо.

— Сначала скажи, у вас что-то было?

— А почему ты у него не спросил?

— Я спросил и знаешь, что он мне ответил?

— Что? — от нетерпения я подалась вперёд.

Андрей с явным неодобрением покачал головой, пристально глядя мне в глаза:

— Ты действительно хочешь это знать?

«Он просто издевается надо мной», — подумала я, поэтому снова откинулась на стуле и равнодушным голосом произнесла:

— Не хочешь, не говори, — я сделала вид, что рассматриваю тетрадку со своими расчётами.

— Он сказал, что любит тебя, но ты его бросила.

— Что?! — закричала я.

— Любит он тебя, — повторил громче Андрей.

— Так и сказал?

— Вика, я не буду это повторять.

От избытка чувств я подлетела к Андрею и расцеловала его.

— Да, — покачал он головой, — плохо дело совсем. Он сказал, ты его бросила? Как такое могло случиться?! Он в шоке до сих пор.

— Не бросила, а рассталась с ним навсегда, когда узнала, что он женат.

— Тогда объясни мне, дураку, чему ты сейчас радуешься?

— Просто я даже не могла поверить, что он меня... Я думала, что он со мной развлекается, а он меня любит. Никогда бы не подумала, что смогу его увлечь.

— У тебя больше не будет соперниц, — сказал Андрей.

— Думаешь, у него это ко мне на всю жизнь?

— Нет, просто в тюрьме нет женщин, — с ехидной улыбочкой произнёс Андрюшка.

— Вот чёрт, я и забыла о тюрьме!

Я стукнула кулаком по столу и добавила решительно:

— Мы должны его вытащить!

— Тогда ты снова не будешь единственной! — не унимался Андрей. — Как только он выйдет из тюрьмы, сразу расправит хвост, как павлин. Вика, он должен около трёхсот тысяч долларов. Ты не вернёшь их за него? Неужели ты думаешь, кто-то простит такой долг.

— Но он же не брал денег!

— Он брал, — устало сказал Андрей. — Он брал и в этот раз, и в предыдущие. Он наворовал столько, что уму непостижимо, и всё повисло на нём одном.

— Может, найдут его дружков?

— Может, и найдут, но ему от этого легче не станет, — Андрей встал и достал письмо из кармана.

— Вот тебе письмо. Разбирайтесь, как хотите. Я устал и хочу домой.

Я развернула тетрадный листок и прочла:

Милая девочка!

Прости меня за всё. Я всё равно люблю тебя, чтобы ты ни думала. Я благодарен судьбе за встречу с тобой. Ты — лучшее, что было в моей жизни. Но я сам во всём виноват и теперь

расплачиваюсь за свои ошибки. Прощай.

Сергей.

Андрей не ушёл, прислонившись к двери, наблюдал за мной. Я посмотрела на него и сказала:

— Мне надо встретиться с ним.

— Сергей сказал, что это прощальное письмо. Он что, опять наврал?

— Нет! — горячо сказала я. — Он действительно попрощался со мной в этом письме, — неожиданно я почувствовала, что сейчас расплачусь. — Но я не хочу прощаться с ним.

— Вика, не порти себе жизнь. Ты молодая красивая девушка. Зачем тебе он?

— Я люблю его, — сказала я твёрдо.

— Но вы же расстались?!

— Да, но всё изменилось. Тогда у него были жена и ребёнок. А сейчас он свободен.

— Свободен в четырёх стенах камеры, — горько возразил он.

— Я не могу бросить Сережку в беде. Неужели мало того, что все отвернулись от него? Еще и ты меня уговариваешь!

— Хорошо, — Андрей поднял руки. — Я сдаюсь. Делай, что хочешь.

— Ты поможешь мне? — тихо спросила я. Андрей смотрел в сторону. Я подошла к нему ближе: — Андрюшенька, мы не можем бросить его!

Он посмотрел мне в глаза и кивнул.

— Хорошо, будем делать всё, что в наших силах. Я и не собирался его бросать, я лишь не хотел, чтобы ты в этом участвовала.

— Почему ты не сказал мне, что он женат?

— Хм, — Андрей задумался. — Я не думал, что это тебя остановит. Всем его девицам было на это абсолютно наплевать.

— А вот меня бы это остановило, — сказала я. — Для меня семья — самое главное.

— Прости, я сглупил.

— Ладно, — я стукнула его кулачком в плечо. — Прощаю тебя с одним условием, что мы его вытащим.

— Как твой старший товарищ, должен заметить, что ты здорово влипла.

— Не в первый раз, — со вздохом ответила я, подумав, что папа поступил бы так же.

Так уж случилось в моей жизни, что в последнее время я побывала во многих заведениях: вот и до тюрьмы дошло. Несколько раз мы пытались пробиться к Сергею, но безуспешно. В конце концов, мы купили очередь и добрались до заветного окошечка.

Охранник посмотрел строгим взглядом и сурово спросил:

— Кем приходитесь осуждённому?

На секунду я засомневалась: а вдруг он не из тех, которые берут взятки? Но потом решила рискнуть: полезла в сумку и подала чистый лист бумаги с купюрой внутри.

— Здесь написано! — твёрдо сказала я, пристально наблюдая за его выражением лица.

— А-а, другое дело, — обрадовался он и пробормотал: — Другие идиоты паспорта суют.

Я улыбнулась, хотя мне было грустно. И почему только я подумала, что этот охранник не окажется таким же взяточником как другие?

— Что ты ему дала? — удивлённо спросил Сергей, когда нас беспрепятственно пропустили.

— Двадцать баксов, завёрнутые в чистый лист бумаги.

— Ну дела, — покачал он головой. — Как ловко у тебя получилось.

— У меня были хорошие учителя, — засмеялась я, вспомнив Сергея.

Мы миновали проходную и оказались на территории тюрьмы. Мрачное серое здание напомнило психушку. Только здесь не было врачей в белых халатах.

Бедный Серёжка! Как ему там плохо.

Следующий охранник, услышав фамилию Сергея, долго водил пальцем по спискам:

— Не разрешено Ковалёву свиданий, — буркнул он.

— Почему это? — начал разбираться Андрей, а я молча полезла в сумку. Мои сомнения, что здесь я увижу что-то иное, уже исчезли: везде действовал один единственный закон.

Молоденький парень ловко схватил мой заранее заготовленный чистый лист бумаги с купюрой внутри и отработанным движением убрал в ящик стола.

— Если только в виде исключения. Пятнадцать минут, пока начальство не нагрянуло.

Нас провели в комнату для свиданий. Надзиратель проинструктировал нас и ушёл за Сергеем. Медленно тянулись минуты, наконец, дверь открылась, и надзиратель буркнул:

— Пятнадцать минут.

Мы смотрели друг другу в глаза. Я заметила, что Сергей похудел, осунулся, под глазами залегли тёмные круги, но таким он мне показался ещё роднее. Он первым сделал шаг ко мне, и мы обнялись.

— Милая моя девочка, — он покрывал поцелуями моё лицо. Я почувствовала, что сейчас расплачусь и отстранилась. Тогда он просто взял меня за руку.

— Тебе не нужно сюда приходить.

— Но я пришла, — сказала я шёпотом и снова прижалась к нему, пытаясь скрыть слёзы.

Он погладил меня по волосам.

— Ну не надо, я этого не стою.

Мы простояли бы так всё отпущенное нам время, но Андрей, до этого молча стоявший в сторонке, наконец, заметил себя.

— Ну, хватит же ребята! У нас всего пятнадцать минут.

— Спасибо, что пришел! — Андрей протянул ему руку.

Все сели на стулья, мы, по-прежнему не сводили друг с друга глаз.

Андрей постучал по столу.

— Я понимаю ваши чувства, но нам многое нужно обсудить. Я так тронут, что сейчас расплачусь, а последний раз я плакал, когда мне было лет пять. Но к делу. Сергей, тебе нужен хороший адвокат, для этого нужны деньги.

— А зачем мне адвокат? — неожиданно спросил он.

— Тебе светит лет десять!

— Годом меньше, годом больше, тюрьмы всё равно не избежать. Может лучше пустить деньги на дело?

— Ну, ты вообще?! Ты что совсем умишко тронулся? — возмутился Андрей. — Неделя в камере — и ты сдался? Руки опустил? Или тебе здесь нравится?

— А что? Кормят, поят, компания, — улыбнулся Сергей.

— Прекратите! — спокойно сказала я. — Завтра поговорю с адвокатом, визитку которого ты мне дал. Возможно, он возьмётся за оба дела и сделает нам скидку.

— Согласен, — спокойно сказал Сергей, но с одним условием.

Мы удивлённо посмотрели на него, а Андрей иронично добавил:

— Посмотрите на него! Он даже здесь условия ставит.

— Это хорошее условие, — сказал Сергей и посмотрел на меня. — Я хочу заплатить за оба дела сразу. — Это самое маленькое, что я могу для тебя сделать, и я прошу принять это от меня.

— А если я откажусь? — с интересом спросила я.

— Значит, не надо мне никакого адвоката.

— Это шантаж! — сказала я.

— Конечно, — Сергей улыбнулся. — Ты же имеешь дело с преступником.

— Ладно, будь, по-твоему, — согласилась я.

— Умница, — бросил он мне, — ты всё понимаешь правильно. Я позже расскажу тебе, как связаться с человеком, у которого мои деньги.

Вошёл надзиратель.

— Свидание окончено.

Сергея увели, мы уныло поплелись к выходу. Похожее чувство я испытывала после посещения психушки первый раз: отчаяние, боль за близкого человека и страстное желание помочь.

— Что думаешь обо всём этом? — нарушил моё молчание Андрей.

— Сначала надо созвониться с адвокатом. Как ты думаешь, он сможет его вытащить?

— Не думаю, Вика, — покачал головой Андрей. — Кажется, сейчас он сел крепко. Кончилась его красивая жизнь. Я никогда не верил в лёгкие деньги, это всегда криминал. А ты всё-таки подумай, зачем он тебе? Может, отойдёшь в сторонку?

— Ни за что. Мой папа учил меня помогать людям. Ты только подумай, у него же кроме нас никого нет. А потом время покажет: расстаться нам или вместе быть.

— Ты молодец, — похвалил меня Андрей. — В тебе есть стержень. Ты никогда не

отступаешь.

— Стараюсь, но иногда бывает, — я посмотрела на часы. — Слушай, подвезёшь к школе, а то я опаздываю? Сегодня договорилась с физичкой — контрольную писать.

— Ты что, ещё успеваешь в школе учиться? — удивился Андрей.

— Да, сдаю экстерном. Мамина подруга уговорила закончить десятый класс.

— Просто обалдеть, — он покачал головой. — А зачем тебе учиться, если ты уже столько зарабатываешь?

— Учиться нужно всегда, так папа мой говорил.

Я взяла сумку и повернулась к нему:

— До встречи вечером в подвале?!

Вид у Андрея был озадаченный: я никогда не рассказывала о школе.

— Успехов в школе, — он шутливо покрутил пальцем у виска.

На следующий день я отправилась к адвокату. К походу готовилась особенно тщательно, чтобы произвести хорошее впечатление. Слегка подкрасилась, сделала строгую причёску и надела новый фирменный брючный костюм с белой блузкой. Покрутившись перед зеркалом, осталась довольна. Я выглядела именно так как хотела: скромно и по-деловому. Я быстро добралась до конторы, которая находилась в большом сером здании рядом с кинотеатром на Пушкинской.

Контора Венского Ивана Сергеевича производила приятное впечатление. Массивная мебель подобрана со вкусом и гармонировала с окрашенными в темно-зеленый цвет стенами. Венский чем-то напомнил мне гномика. Возможно, маленьким ростом. Симпатичная секретарша принесла нам кофе. Я старалась держаться уверенно, но прищуренные глазки адвоката буравили меня насквозь, заставляя вжиматься в кресло. Усилием воли я заставила себя выпрямиться и положила ногу на ногу. В конце концов, я здесь клиентка и нечего на меня так смотреть.

— Давно у меня не было таких приятных посетительниц, — сказал он неожиданно. — Вы напомнили мне мою дочь, которая сейчас за границей. Рассказывайте, я слушаю.

— Мне порекомендовал обратиться к вам Сергей Ковалёв, — начала я. — Вы его помните?

— Да, конечно. Очень амбициозный молодой человек, не лишён обаяния или, как модно говорить, харизмы. Мне не нравился его род деятельности, но каждый волен выбирать сам.

— Боюсь, вы правы, — согласилась я с ним. — У него большие неприятности, его арестовали.

— Боже правый! — брови Венского поползли вверх, придавая ему комичный облик. — Хотя я знаю, всё это было не вполне законно. Он уже привлекался один раз, вы знаете? — спросил он.

Я покачала головой.

— Но это была сущая ерунда, мы выстроили хорошую защиту, нашли свидетелей, разыграли всё как по нотам, и он вышел сухим из воды.

— Значит, вы можете и сейчас помочь ему? — обрадовалась я.

— Пока не знаю. Рассказывайте.

Я коротко изложила суть дела.

Венский слушал меня, не перебивая, по-прежнему не сводя с меня глаз, но меня это уже

не беспокоило, я прониклась к нему симпатией.

— Кто он вам? — неожиданно спросил он, когда я замолчала.

— Просто друг.

— Вы вместе работаете?

— Ничего общего.

— Живёте вместе?

— Нет, — покачала я головой. — А почему вы спрашиваете?

— Хочу узнать, можете ли вы, что-то рассказать о его знакомых.

— Нет, я никого не знаю.

— Понятно. Надо беседовать с ним. Где он?

— В Бутырке, — я вздохнула.

— Хорошо, организуйте нам встречу на этой неделе. — Он посмотрел в свой ежедневник. — Лучше всего в среду. Какое второе дело?

Я рассказала свою историю, стараясь придерживаться фактов и не вдаваться в подробности. Он опять не перебивал.

— Так ваша мать до сих пор в психиатрической клинике? — спросил он.

— Да, но она поправляется, на днях будет комиссия, и я, надеюсь, её признают дееспособной, и она вернётся домой.

— Я тоже надеюсь, потому что в противном случае над ней нужно оформлять опеку.

— А я могу быть её опекуном? — на всякий случай спросила я. — Он засмеялся. — Я работаю и могу её содержать.

— Сколько вам лет, милая девушка?

— Почти семнадцать.

— Вы ещё учитесь в школе?

— Учусь экстерном и работаю. Я могу доказать, что могу обеспечить маме хороший уход и питание.

— К сожалению, этого недостаточно для суда, но давайте дождёмся комиссии, может быть она сможет сама выступить.

— Хорошо, но мне бы не хотелось, чтобы она ходила по судам. Её нельзя сейчас беспокоить, а всё это будет так волнительно.

— Если она передаст все полномочия мне, я буду представлять её интересы, и её присутствия можно будет избежать. Но вам всё равно придётся давать показания. Возможно, придётся ещё привлечь ваших знакомых.

— Хорошо, — я кивнула, — я всё сделаю. — Скажите, а можно ли надеяться на успех?

Он улыбнулся:

— Исход возможен только один, если всё обстоит, так как вы рассказали: брак будет признан недействительным, соответственно, ваша прописка будет восстановлена. Кстати, я бы рекомендовал вам приватизировать квартиру, чтобы больше никто не мог оспаривать ваши права.

— А что будет с ним?

— Это зависит от желания вашей матери. Будет ли она подавать на него в суд и доказывать, что она оказалась в психиатрической больнице по его вине или нет. В этом случае, должен вас предупредить всё будет гораздо сложнее, хотя, если очень постараться, то

можно упрятать его в тюрьму или получить денежную компенсацию.

— Не будет, я уверена в этом. Для нас главное, чтобы он исчез из нашей жизни, ну и, конечно, из квартиры тоже. А что касается наказания, пусть его жизнь накажет.

— В этом случае ваше дело будет лёгким.

— Значит ли это, что мы можем рассчитывать на вас? — спросила я с энтузиазмом.

— Милая девушка, мы ещё не обсудили сколько...

— Будут стоять ваши услуги, — закончила я за него.

— Верно.

— По этому вопросу к Сергею.

Адвокат удивлённо поднял брови:

— Он платит и за Вас?

— Да.

— В таком случае, поскольку он знает мои расценки, я даю своё предварительное согласие.

Но, — поднял он предостерегающе палец, — если в вашем случае я почти уверен в успехе, то с Сергеем, возможно, всё, что я смогу сделать для него — это уменьшение срока заключения.

— Постарайтесь сделать так, чтобы его отпустили, — горячо сказала я.

— Я вас понимаю, он очень обаятелен, но мой вам совет: держитесь от него подальше.

— Мы просто друзья, — зачем-то соврала я. — И я не могу оставить его в беде.

— Хорошо, если это так, но почему-то я сомневаюсь в этом, — он внимательно посмотрел на меня и улыбнулся. — Рад был знакомству.

Я рассказала обо всём Ольге, когда мы встретились. Не знаю, зачем я это сделала, возможно, мне нужно было выговориться.

— Вот это история, — озадачено сказала она после моего сбивчивого рассказа. — Как же всё нехорошо. Ты, наконец, влюбилась, а он оказался... — она замолчала, не решаясь произнести вслух, то, что крутилось на языке.

— Ты хочешь сказать обманщиком и вором?

— Может и так. Послушай, может, тебе бросить его и всё? Он виноват перед тобой: не сказал, что он женат?

— У меня была такая мысль, — вздохнула я, — но я сразу же отбросила её. Если даже не принимать в расчёт, что я его люблю, в любом случае не могу бросить его одного. Сначала сделаю всё, чтобы ему помочь, а об остальном подумаю позже. Сейчас я просто друг, поскольку отбросила все обиды и эмоции.

— Может ты и права, — медленно сказала Ольга. — Но, я надеюсь, если его посадят, ты не будешь ждать его освобождения? Ты же не можешь связать свою жизнь с уголовником.

— Надеюсь, его не посадят, а дадут условно. У него хороший адвокат.

— Я боюсь за тебя, — сказала Оля. — Сергей мне кажется страшным человеком. Представь, сколько человек пострадали по его вине?

— Он работал только с алкашами, — защищала его я. — Очищал наш город от отбросов общества.

— Не все пьющие, отбросы общества. Некоторых ещё можно спасти, а он лишал их квартиры и отправлял в деревню, где они заканчивали жизнь с бутылкой. А сам в это время ездил на дорогой машине и кушал в лучших ресторанах. Как ты можешь оправдывать его?!

— Оля, ты ещё не знаешь жизни, — возмутилась я. — Пока ты учишься в школе, всё гладко и легко, можно быть хорошей и честной. А вот когда ты выходишь в жизнь, где никто не ждёт тебя с распростёртыми объятиями, а, наоборот, все притесняют. Вот тогда поневоле начинаешь отодвигать в сторону более слабых или нарушать какие-то запреты.

— Но можно жить честно, как наши родители, наконец.

— Можно, но в этом случае ты будешь считать копейки, плохо питаться и одеваться. Ты сама жалуешься, что у твоих родителей нет денег, а на дачу вы ездите на электричке.

— Ну, это уже слишком, — крикнула она. Ты... ты...

— Я злая, прости меня, — я улыбнулась. — Просто ты ещё ребёнок. Я тоже была такой раньше. К сожалению, а может и к счастью, я изменилась и сейчас больше готова к этой жизни.

— Да что хорошего в этой твоей жизни? — запальчиво воскликнула Ольга. — Эти твои цветочные дела, рынки — такой ужас. А одно твоё окружение чего стоит!

— Какое окружение?

— Да эти Андрей с Леной с тремя классами образования, да Сергей — уголовник.

— Андрей с Леной — замечательные ребята, а то что образования не получили, так не это главное в жизни. Сколько у нас профессоров полы моют, потому что зарплаты на хлеб не хватает. Зато на Лену с Андреем я могу положиться, а это важно. А Сергей, — я помолчала, не зная, что сказать в его оправдание, — сердцу ведь не прикажешь. И, вообще, зря я тебе всё

это рассказала.

— Знаешь, деньги тебя испортили. Ты раньше не была такой.

— Какой, Оля?

— Жёсткой и циничной, — высказалась моя подружка.

— Мне пришлось стать такой, — ответила я. — Зато я твёрдо стою на ногах и не питаю иллюзий, что все люди хорошие, а жить надо по правилам. Среди людей есть очень плохие, а правила приходится нарушать.

Я ехала домой и думала о нашем разговоре. Вот уж не ожидала, что моя лучшая подруга окажется такой. Не скрою: мне было обидно. Я рассчитывала на понимание и поддержку, а получила критику в адрес людей, с которыми общалась. «Ну что ж, зато теперь я получила представление, как будет реагировать общество, если я останусь с Сергеем»

На следующий день я отправилась к Сергею одна. «Нужно согласовать время встречи с адвокатом» — говорила я себе, хотя на самом деле отчаянно хотела его видеть. Обстоятельство, что он находился под следствием, только подогревало меня. На этот раз я быстро попала к нему, и мне даже удалось договориться на полчасовое свидание.

После объятий и поцелуев я усадила его на стул.

— Мне нужно поговорить с тобой.

Он кивнул.

— Ты вправе знать все, что захочешь.

— Как ты мог скрыть, что у тебя есть жена и ребёнок? — прямо спросила я. Этот вопрос очень мучил меня. — И когда ты вообще женился?

Он замаялся, опустил глаза, затеребил пуговицу на рубашке.

— Давай не будем, — попросил он.

— Нет, будем, — жёстко сказала я. — Я хочу, чтобы между нами была полная ясность.

Он вздохнул:

— Это длинная история, я бы рассказал тебе позже.

— Ничего, будь краток, — я посмотрела на часы. — У нас есть двадцать минут.

— Ладно, слушай. Я начну с самого начала. Мы познакомились, когда учились в институте, на первом курсе.

— Ты ещё и в институте учился? — не удержалась я от иронии.

— Да, но бросил после первого курса. Не перебивай, а то я не успею. У нас, как и положено, у беззаботных студентов, была своя компания. Я знал, что ей нравлюсь, но не хотел иметь с ней ничего общего. Она была девочкой из богатой семьи: квартира собственная, машина с водителем. Короче, я не хотел с ней связываться, да и не нравилась она мне. А как-то раз отмечали мы праздник, кажется 8-е марта, настроение у меня было скверное, выпил я лишнего и заснул. А отмечали мы в её собственной квартире: папа купил на совершеннолетие. Просыпаюсь ночью: вечеринка закончилась, гости разошлись, а она легла ко мне в постель. Ну а что я? Мне 18 лет. А рядом лежит женщина, обнимает, всякие глупости шепчет на ухо. В общем, недолго она меня уговаривала. Я думал, переспали и всё. Сколько раз так было и никаких обязательств потом. А она как с ума сошла после этой ночи, стала ходить за мной как привязанная, уговаривала жить у неё. Я не мог её оттолкнуть, думал — пройдёт, жалко мне её было, а через месяц она мне объявляет: «Я беременна, ты должен на мне жениться». Я начал кричать на неё, она в слёзы, кинулась мне в ноги: «Отец

убьёт меня, если ты не женишься». Короче, проплакали мы с ней пару дней, на аборт она не соглашалась, а на третий день явился я к её родителям с цветами и шампанским — делать предложение. Нас быстро расписали, ребёнок появился в срок, разве чуть-чуть недоношенным. Ну, вот и всё. Любви никакой у меня к ней не было, институт я бросил, дружок пристроил меня в недвижимость, чтобы семью кормить, поскольку с ее отцом я не хотел иметь никаких дел.

Я молча смотрела на него. Мысль, что он жил с другой женщиной, причиняла жуткую боль.

— Ну что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь. Ты меня осуждаешь?

— Зря ты мне сразу не рассказал, — с трудом произнесла я.

— Я как тебя тогда увидел, всё в душе перевернулось. Вот, думаю, Сережа, и пришла твоя любовь! Да только слишком поздно, слишком много ошибок.

Я посмотрела на часы — оставалось ещё десять минут. Удивительно, как мало времени надо, чтобы рассказать несколько лет из жизни.

— Кстати, — усмехнулся Сергей, — я теперь свободен. Тесть пообещал, что я больше никогда не увижу ни жены, ни дочери. Жена мне не нужна, а Машку жалко. Я только ради неё жил. Знаешь, сидишь на вонючей кухне с алкашом, пьёшь с ним, в довериеходишь, так сказать, и думаешь о Машке. Тогда жизнь не казалось такой поганой.

— Ты сможешь ей всё рассказать, когда она вырастет.

— А зачем ей отец с судимостью? Пусть уж лучше считает, что я умер. Я сам к ней не подойду.

Нашу беседу прервал охранник. Сергей послушно протянул руки для наручников, а я, еле сдерживая слёзы, направилась к выходу.

На душе было скверно, как никогда. Промозглый ветер с дождём встретил меня на улице. Я натянула капюшон и вдохнула свежий воздух. Каждый раз после посещения мамы в больнице, а теперь ещё, и Сергея в тюрьме, я снова и снова осознавала, что жизнь прекрасна и с любыми бедами можно справиться, если обладаешь здоровьем и свободой.

И вот, наконец, долгожданный день настал. Сегодня медицинская комиссия официально признала маму дееспособной. Ей осталось пройти небольшой курс лечения. Мы обнимались и целовались, вытирая друг другу слёзы. Я достала шампанское, купленное специально для этого случая и наполнила два пластиковых стаканчика.

— За тебя, мамочка! За то, что ты смогла всё это выдержать и победить.

— Без тебя я бы не смогла, — улыбнулась она.

Сегодня мама выглядела почти как раньше. Карие глаза сверкали, каштановые волосы аккуратно уложены, только седые ниточки в волосах и морщинки в уголках глаз выдавали пережитое.

— Спасибо тебе, доченька. — Если бы не ты, меня бы уже не было на свете.

— А ты знаешь, после чего ты пошла на поправку? — спросила я.

— Кажется, знаю. Мне приснился сон, что ты разговаривала со мной. Я лежала в палате, а ты стояла вон там, — мама показала рукой, где я находилась в тот день. — Ты просила меня выздороветь, приводила разные доводы, спорила со мной, говорила, что я нужна тебе. Тебе удалось убедить меня начать жить заново.

— Всё правильно, мамочка. Только это было на самом деле. Ты была без сознания, не узнавала меня, не реагировала на мои слова, но я продолжала говорить с тобой. Надеюсь, что какая-то часть твоего мозга слышит меня. Я даже получала твои ответы, только они приходили в мою голову сами. До сих пор не понимаю, как это было, но ты стала поправляться после этого.

— А я думала, что это сон, но странным образом после него я поняла, что ты жива и что ты простила меня.

— Я писала тебе письма, но они до тебя не доходили, поэтому ты и не знала, что я жива.

— И всё равно то зло, которое принес нам мой поступок, невозможно исправить.

— Не думай об этом, скоро ты будешь на свободе. У нас замечательный адвокат, который нам поможет вернуть квартиру, а пока поживешь у меня в Коломенском. Там прекрасный парк, в котором я бегаяю.

— Вика, — вдруг спросила меня мама, — а как ты решила вопрос с Сергеем?

Я вздохнула и поставила пустой бокал на тумбочку.

— Надеюсь, ты поймёшь меня правильно, хотя я не уверена.

В нескольких фразах, не вдаваясь в подробности, я рассказала всё, что произошло.

Мама нахмурилась, но потом быстро сказала:

— Ты правильно поступаешь, чтобы там ни говорили. Ты хороший человек. Твой отец поступил бы так же.

— Ты не осуждаешь, что я взяла у Сергея деньги? — спросила я. Этот вопрос мучил меня больше других.

— Нет, он сам тебе это предложил. Вероятно, считает себя обязанным. Другое дело, что ты накладываешь на себя дополнительные обязательства по отношению к этому человеку. Так что, если ты расстанешься с ним — деньги нужно будет вернуть, но это должна сделать я, а не ты.

— Но откуда ты...

— Всё потом, — махнула мама рукой. — Лучше наливай ещё шампанского, я хочу выпить за мою замечательную дочь.

Через два месяца состоялся суд. Адвокат выступал за маму, а она, к моему великому облегчению, осталась дома. В Коломенском ей понравилось. Она с удовольствием совершала прогулки в парке в одиночестве, иногда заходила в церковь.

Вера Ивановна и Ольга были приглашены, как свидетели. Как великолепен был Венский в своей обвинительной речи и как был мерзок Николай. От бывшего лоска не осталось и следа, это существо умоляло о снисхождении, всё отрицало и клялось в вечной любви к моей маме. Пару раз я чуть не рванулась выцарапать ему глаза, и только сильная рука Веры Ивановны удержала меня в кресле. «Бедная крошка, лишённая семьи и дома», как назвал меня Венский, готова была удушить и судью, если он оставит квартиру этому негодяю.

К счастью, всё обошлось. Суд принял решение прописать нас обратно, а Коленьку выписать на прежнее место жительства в Рязанскую область.

Он выскочил из зала суда, как ошпаренный. «Надеюсь, побежал собираться», — злорадно подумала я. Вера Ивановна и Ольга вышли в коридор, а я подошла к Ивану Сергеевичу.

— Вы были великолепны, — сказала я. — Даже не представляете, как я вам благодарна.

— Ты тоже держалась молодцом. Единственное, я боялся, что подсудимый не доживёт до окончания процесса.

— Почему?

— У меня сложилось впечатление, что вы убьёте его раньше.

— Меня удерживала Вера Ивановна, — хмыкнула я. — Когда я слышала о его любви к маме, перестала себя контролировать. Это наглая ложь, он чуть не утробил её.

— Ладно, ладно, — адвокат похлопал меня по руке. — Всё в прошлом.

— Если бы вы также защищали Сергея, — начала я, но он перебил меня:

— Понимаешь, Вика, ваше дело, как говорится, правое, но в случае Сергея всё гораздо сложнее. Милиция никак не может найти его сообщников, так что пока все обвинения висят на нём. К тому же это не первый случай: он уже привлекался. В общем, не питай иллюзий, что его выпустят. Моя цель: добиться уменьшения срока.

Я нахмурилась.

— Может, нужны ещё деньги?

— Ты готова подкупить весь мир ради него, верно? А стоит ли он того? Ты не думала об этом? Ведь наказание иногда бывает справедливым.

— Но он хороший, — я опустила голову. — Если бы не он, я бы не смогла оплатить ваши услуги.

— Я знаю, как он к тебе относится. Сергей у меня тоже, несмотря ни на что, вызывает симпатию, он страшно обаятелен, но я бы не хотел, чтобы моя дочь встречалась с таким человеком и пошёл бы на всё, чтобы удалить его из её жизни. Ты понимаешь, о чём я?

— Да, — ответила я, пытаюсь не дать ему понять, как меня задевает этот разговор.

— Это совет старика молоденькой девушке. Ты же не будешь ходить к нему в тюрьму на свидания лет пять?

— Пожалуйста, — я схватила его за руку, — попробуйте все средства, чтобы этого не

случилось. Только не тюрьма, пусть условно.

Адвокат мягко пожал мне руку:

— Я сделаю всё, что в моих силах.

— Сделайте больше, у вас получится, — улыбнулась я.

Через неделю мы вернулись в нашу квартиру. Я зашла в свою комнату и, несмотря на грязь и беспорядок, почувствовала облегчение, что какая-то часть моей жизни встала на место. Подошла к окну: отливали золотом купола монастыря, искрилось озеро, а на деревьях шелестели зелёные листочки. Прошёл почти год с тех пор, как я уехала с Вадиком на юг, а потом так и не нашла в себе сил вернуться. Какой длинный путь я прошла с тех пор и сколько всего пережила. Я выжила сама и научилась помогать другим, не позволила неудачам становиться у меня на пути, потому что сама управляла своей жизнью. Думаю, папа гордился бы мной.

Странная тишина в гостиной привлекла моё внимание, и я решила посмотреть, что делает мама. Она стояла перед роялем. Её глаза были полны слёз, она боялась открыть крышку. Я подошла к ней и обняла её.

— Ну же, мамочка. Не бойся, он всегда был твоим другом. Ты сможешь. Садись. — Она покачала головой. — Сделай это для меня. Я столько мечтала, что мы вернёмся, и ты сыграешь для меня, — сказала я, открывая крышку рояля. Ряды белых и чёрных клавиш искушали прикоснуться к ним.

Мама послушно села и правой рукой дотронулась до клавиш, как бы пробуя их. Они ответили мелодичным переливом. Она посмотрела на меня, в её глазах отразились отчаяние и боль.

— Я не смогу. Пальцы чужие.

— Я верю, — сказала я твёрдо. — Просто представь, что ничего не было: ты снова прежняя. Сегодня обычный день, тебе нужно заниматься, готовиться к концерту, ты сядишься и начинаешь. Ничего не было, слышишь?!

Моя уверенность передалась ей.

— Ладно, попробуем.

Уверенным движением она бросила руки на клавиши, и они отозвались чудесной музыкой Бетховена. Я узнала семнадцатую сонату, очень жизнеутверждающую и техничную. Я с замиранием сердца ждала трудных мест, но мамины руки порхали над клавишами быстро и уверенно, как в былые времена.

Никто потом не мог объяснить этого феномена: как человек, бывший в таком тяжелейшем состоянии и принимавший столько лекарств, в течение многих месяцев не садившийся за рояль, мог сыграть практически без ошибок. К тому же её исполнение было глубоко прочувствованным. С такой силой мог играть только музыкант, прошедший через все душевные муки и вернувшийся к жизни полностью перерождённым.

— Bravo! — захлопала я в ладоши, когда мама закончила. Она повернулась ко мне: по щекам текли слезы.

— Неужели я смогу снова играть?

— И выступать в консерватории! — уверенно заявила я.

Я сидела у Серёжки на коленях, забыв обо всём на свете. Он нежно покрывал поцелуями моё лицо.

— Я люблю тебя, — прошептал он мне.

— Я тоже тебя люблю, — я запустила руку в его волосы, и, ласково их перебирая, прижалась к нему ещё крепче.

Время остановилось: мы были вдвоём, снова вдвоём. Как долго я этого ждала. Неожиданно он отстранился.

— Сядь напротив, мне надо поговорить с тобой, — попросил он.

— Говори, — промурлыкала я.

— У нас мало времени, это важно, — он снял меня с колен и посадил на стул.

Серые стены тюрьмы вновь надвинулись на меня и грубо вернули в действительность.

— Как Венский? Вчера приходил? — спросила я, чтобы отвлечься.

— Да, — Сергей равнодушно пожал плечами. — Пытается придумать новую версию, чтобы спасти меня.

— Не шути так. Ты должен верить в победу.

— Не смейся, Вика. Какая победа? Я же не на войне.

— Мне не нравится твоё настроение, — возмутилась я. — Ты должен бороться.

— Меня посадят так или иначе. А если не сейчас, то позже когда я возьмусь за старое, и меня снова поймают.

— Ты можешь придумать что-нибудь новое, совсем необязательно заниматься квартирами всю жизнь.

— Вот, — он поднял палец. — Уже придумал, и ты можешь помочь. А что касается моего наказания, я уже решил для себя, что буду сидеть, я это заслужил.

— Нет, так нельзя, — я с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать.

Конечно, глупо надеяться, что его оправдают, но только моя вера поддерживала меня. Мне казалось, что если я буду верить, его не посадят.

— Слушай, перестань, а? У меня к тебе дело. Ты же деловая девчонка, в конце концов.

— Говори, — я заставила себя слушать, хотя мне хотелось просто прижаться к нему и так сидеть, забыв обо всём, пока не зайдёт надзиратель и не разлучит нас.

— Помнишь, ты как-то рассказывала, что вы втроём собираетесь открыть кафе и собираете денег?

— Помню, я до сих пор этого хочу, но денег пока не хватает. Столько ушло на больницу и лекарства для мамы, да и у Андрея с Леной были большие траты.

— Замечательно, теперь вы можете это сделать. Я финансирую ваш проект или вхожу в долю, как хотите.

— Я не могу брать у тебя деньги. Ты мне уже с квартирой помог.

— Да, кстати, как там дома?

— Лучше не бывает. Я даже не подозревала, сколько для меня значила эта квартира, пока не потеряла её. Мама тебе очень признательна за всё. Только папы очень не хватает, мы

оставили его кабинет таким, каким он был прежде. Я прихожу туда, забираюсь в его кресло и советуясь с ним.

— Ну вот, — обрадовался Сергей. — Я хотя бы одно хорошее дело сделал, думаю, — он посмотрел вверх, — мне это там зачтётся. Теперь хочу второе дело сделать, а ты говоришь, что не можешь взять денег.

— Не могу! — сказала я твёрдо.

— Так мне это будет выгодно, вы раскрутитесь, мне будут капать бабки. Пойми, деньги должны или работать или приносить удовольствие. Потратить их по-другому я не могу, а здесь сразу и людям помогаю и зарабатываю. Ты что, хочешь лишить меня заработка?

— Нет, но я пока не готова это обсуждать.

— Очень даже готова.

— У тебя так много денег, что ты ими раскидываешься? — спросила я подозрительно.

— Я хорошо зарабатывал, — он рассмеялся.

— Вряд ли это можно так назвать.

— Я, милая, работал очень чёрным маклером. Так какой будет твой ответ?

— Я должна подумать и обсудить с ребятами. Может, они не согласятся?

— Они согласятся, — он подмигнул мне. — От денег ещё никто не отказывался.

Я внимательно посмотрела на него. Тюрьма его не изменила, он по-прежнему был готов шутить и обсуждать деловые вопросы. Сергей не пал духом и не жаловался, он принял наказание как должное. Я приносила ему книги, он читал быстро и много. У него был сильный характер, его интерес к жизни не потерялся и в камере. Он даже строил планы на будущее.

— Твоя жена не появлялась? — с опаской спросила я.

— Нет, более того, вчера мне передали письмо от тестя, в котором он уведомил, что я разведён и лишён родительских прав. Видишь, как быстро они всё решили. Большие деньги могут творить чудеса.

— Мне очень жаль, — я опустила глаза, пытаюсь сдержать вздох облегчения, что теперь мой любимый разведён и, что самое важное, не по моей вине.

— Действительно? — он подошёл ко мне и заглянул мне в глаза. — Тебе жаль, что я разведён? А я почему-то думал, ты обрадуешься.

— Я не могу радоваться, что ты потерял дочь, да и твоей свободой в нынешних обстоятельствах трудно воспользоваться, — парировала я.

— Я верну дочь, когда буду на свободе, если смогу встать на ноги. А я смогу, — сказал он твёрдо. — Ты веришь мне?

— Да, — честно ответила я. — Я была в нём уверена, таких, как он, жизнь не поставит на колени.

Он сидел передо мной на корточках, глядя на меня снизу вверх. Даже сейчас, в тюремных стенах, небритый и нестриженный, в мятой одежде он вызывал у меня желание. Я потянулась к нему за поцелуем, но отпрянула, услышав скрежет открываемой двери.

Свидание окончено.

На следующий день я обсудила предложение Сергея с Леной и Андреем. Как он и предполагал, оно было принято с восторгом. Ребятам надоели цветы, и они хотели заняться чем-нибудь другим. Конечно, я бы предпочла дождаться собственных денег, но Андрей

строго сказал:

— Виктория, не будь эгоисткой. Нам уже за двадцать, не можем мы до старости заниматься цветами. И, вообще, шанс даётся только раз. Нельзя упустить его.

Я вопросительно посмотрела на Лену:

— Я с радостью. Знаешь, как трудно получить кредит в банке, а это предложение — подарок судьбы.

Наступило молчание, я смотрела на розы, на подвал. Андрей перехватил мой взгляд:

— Неужели ты хочешь остаться в этой грязи и постоянно ходить с исколотыми руками? Другое дело — хозяйка кафе. Сделаешь себе накладные ногти и будешь заправлять официантами.

Всё это, конечно, было заманчиво, но мне было жаль бросать налаженное дело, приносящее хорошие деньги. Неизвестно что ещё будет с кафе? Вдруг туда никто не будет ходить, или арендная плата будет съедать весь доход? Я была в полной растерянности, пока мне в голову не пришла мысль, как можно это совместить.

— Хорошо, я согласна, но с одним условием: мы не бросаем цветы.

— Да как же мы успеем? — удивился Андрей.

— Всё очень просто, каждый найдёт себе достойную замену. Например, Лену может заменить Катя, она будет принимать выручку, а Андрей найдёт кого-нибудь, кто будет ездить за цветами вместо него. Короче, попробуем привлечь ещё людей, которые будут делать нашу работу за деньги, конечно.

— Ну а мы? — спросила Лена.

— Мы будем контролировать и получать деньги, как организаторы процесса.

— Умно придумано, только как это сделать? — задумался Андрей.

— Постепенно, шаг за шагом и с каждым днём всё ближе к цели, а цель — победа, — уверенно сказала я. — Организацию беру на себя. Сейчас я займусь поиском подходящего помещения, вы мне пока не нужны: работаете, как раньше. Хорошие варианты будем смотреть вместе — советоваться. Потом мы делаем ремонт, нанимаем персонал: здесь мне одной не обойтись. Значит, к этому времени нужно будет подыскать вам замену или хотя бы одному из вас. А пока времени достаточно, будем ходить по другим забегаловкам, выяснять, что и как. Книжки умные читаем. Так что?

— Ну, ты просто... — Андрей развёл руками, не в силах подобрать слово. — Тебе бы мужиком родиться с твоим складом ума и способностям к организации.

— Была бы я мужиком, кто бы нам денег дал, — я кокетливо поправила волосы. — Нет, девушкой быть неплохо. К тому же, может, Сергея не посадят, и он сам будет участвовать?

— Сомневаюсь в этом, — грустно сказал Андрей. — Слишком плохи его дела.

— Давайте не будем о грустном, — предложила я. — Всегда лучше действовать, чем хныкать. Я иду за газетами, потом сяду обзванивать объявления и назначать просмотры, а вы узнайте цены на оборудование и продукты. Я ещё выясню, во сколько нам обойдётся персонал: бухгалтер, шофёр, официанты.

— Бухгалтер нам не нужен, — сказала Лена, — я как-то работала в фирме, могу всё вспомнить.

— А я могу снова побыть шофёром: ездить за продуктами, общаться с оптовиками.

— Это называется менеджер, — поправила его Лена.

Я развела руками.

— К сожалению, в этом деле у меня нет никакого опыта, но думаю, что быстро разберусь во всём.

— А в этом никто не сомневается! — сказал Андрей.

дело началось не без трудностей. С утра, обложившись газетами, я начинала обзванивать объявления о сдаче помещений в аренду. Интересное, оказалось дело. Самой популярной оказалась газета «Из рук в руки», все стоящие предложения размещались в ней. Другой вопрос, что каждым вариантом занимался один агент, дальше начиналась детективная история по поиску этого агента. Агент: мужчина или женщина, могли быть на даче, у любовницы или сидеть дома с больным ребёнком. В этом случае объект, сдаваемый в аренду, не показывался, и никто не мог заменить агента. Иногда я записывала десяток телефонов, прежде чем мне удавалось выяснить, что помещение уже сдано, при этом агентство недвижимости, которое давало рекламу ничего об этом не знало. «Да как же, вообще, работают эти риэлторы?» — воскликнула я в сердцах и запустила газетой в угол.

Вопрос решил Сергей, которому я пожаловалась, что уже в течение двух недель сижу на телефоне, а до сих пор посмотрела лишь один клоповник на первом этаже, который подходил больше под склад, чем под кафе.

— Вот видишь, зачем нужен чёрный маклер, — сказал Серёжка и засмеялся.

Я пожала плечами:

— Знаешь, если так пойдёт, я брошу это гиблое дело.

— Дорогая, где ты смотрела объявления?

— «Из рук в руки»

— Из... куда? — переспросил насмешливо Сергей.

— Из рук в руки, — повторила я. — Ты что, не знаешь такой газеты?

— Так куда тебя послали?

— Вот и передавали из рук в руки.

— Вика, это газета для чайников, там самые накрученные цены. Хорошие помещения уходят по другим каналам. Короче, пиши телефон, это мой хороший знакомый, он тебе поможет. Да, прежде чем что-нибудь подписывать, дай мне почитать договор.

Я позвонила Серёжиному знакомому, и за день мы просмотрели пять вариантов. Кстати, их не было в газете, я проверила. Один подвальный на Усачева мне приглянулся. Я так и видела там молодёжное кафе. Я показала его Андрею и Лене, и мы решили, что это наш вариант. К тому же там была низкая арендная плата, не требовалось большого ремонта, а ещё помещение находилось недалеко от моего дома, и на этот счёт у меня были свои мысли.

В свободное время мы часто ходили по разным забегаловкам, пили кофе, осматривались, слушали и просчитывали. Мы жадно впитывали информацию, касающуюся интерьера, посетителей, ассортимента блюд и напитков.

Открытие кафе я хотела приурочить к выпускному балу. Мне хотелось отпраздновать окончание школы здесь. Это разом убивало двух зайцев — приносило первый доход и служило рекламой заведения. Долгое время я держала это в секрете, но удобный случай представился незадолго до открытия. Я пришла к Светлане Павловне, она с четвёртого класса была нашим классным руководителем, писать контрольную по алгебре. Проверив мою контрольную, она улыбнулась и сказала:

— Молодец, Вика, ты стала учиться на одни пятёрки. Как тебе это удаётся?

— Наверно, я поумнела, и школьные задачи стали легче решаться. В жизни всё намного сложнее.

Она посмотрела на меня и пожаловалась:

— Вот это уж точно. Мои оболтусы даже не могут выбрать, где отпраздновать выпускной бал. В школе теперь нельзя отмечать. Никто не хочет заниматься этим вопросом. Всё надо на блюдечке принести: никакой инициативы, а мне некогда этим заниматься. Да я и не знаю ваших молодёжных мест. Надо же чтобы и дёшево было, и на всю жизнь запомнилось.

Я затаила дыхание. Лучшего случая не представится.

— У меня есть хорошее предложение, — сказала я бодро.

— Ну-ка расскажи, — заинтересовалась классная дама.

— Мои друзья открывают молодёжное кафе, я тоже в этом участвую. Уже почти всё готово. Если вы не возражаете, мы могли бы отметить праздник там. Это совсем близко, на улице Усачёва. У нас умеренные цены, уютное место. Можно пригласить какой-нибудь ансамбль, кроме нас никого не будет, а всю организацию праздника я беру на себя.

Выпалив всё залпом, я стояла перед ней с бьющимся сердцем, страшно боясь отказа. Светлана Павловна смотрела на меня широко открытыми глазами, потом предложила мне присесть.

— Да, видно ребята правду рассказывали: ты стала настоящей бизнес леди.

— Ещё нет, но я стремлюсь к этому, — скромно ответила я, недоумевая, кто мог ей такое наболтать.

— Замечательная идея, Виктория. Могу я как-нибудь взглянуть на ваше заведение?

— Конечно, в любое время. Если вам понравится, мы можем обсудить меню, и я рассчитаю, сколько денег нужно будет собрать, а обзвонить всех может Ольга.

— Тебя просто бог мне послал, — с облегчением сказала Светлана Павловна, поправляя причёску.

— У меня только единственная просьба к вам — не рассказывайте ребятам, что это моя идея. Пусть это будет сюрпризом.

— Хорошо, так даже лучше, — легко согласилась классная.

Радостная, что всё получилось так легко, я летела домой, спеша поделиться с мамой хорошей новостью. Мне было весело как в детстве, не в силах ждать лифта, я поднялась пешком и, едва открыв дверь, бросилась к маме на шею.

— Получилось! Получилось! У меня всё получилось, — я чмокнула её в щёку и закружилась в танце по комнате. Мама с улыбкой смотрела на меня. Не останавливаясь, я выпалила:

— Мы будем отмечать окончание школы в кафе, где я буду хозяйкой, а об этом никто не будет знать. А потом я им скажу, — я остановилась. — Представляешь, какие у них будут глаза? Вот потеха будет. А Вадик-то как вытаращится?!

Мама покачала головой:

— Представляешь, как тебе будут завидовать? А что это ты вдруг вспомнила о Вадиме?

— Приятно будет утереть ему нос.

— Хорошее дело, — одобрила мама.

— Что ты наденешь на выпускной? — спросила меня Ольга, вертясь перед зеркалом в моём новеньком джинсовом костюмчике.

— Чёрное платье с глубоким вырезом, — ответила я, наблюдая за Ольгиным отражением в зеркале. «Всё-таки она очень красивая», — решила я в который раз.

— Ты с ума сошла? — Ольга оторвалась от зеркала и обернулась ко мне.

— Вовсе нет.

— Девчонки будут в розовых, голубых, ну белых, в конце концов, платьях, а ты вырядишься в чёрное? Это непразднично.

— Это будет траур по уходящему детству.

— По-моему, твоё детство уже давно ушло, поэтому можешь одеть что-нибудь повеселее.

— Я подумаю, — ответила я, а про себя подумала, что обязательно куплю себе чёрное платье. — А ты в чём будешь?

— В розовом. Знаешь, такая широкая юбка с кринолином, множество воланов, очень воздушное? Что скажешь?

— В другом платье я тебя не представляю.

Наверно, все так вырядятся. Цирк, да и только, — подумала я. Конечно, на выпускной вечер есть повод нарядиться, как в восемнадцатом веке. Да только смешно выглядят в этих платьях девчонки, которые не умеют их носить. Зато я буду от всех отличаться.

— И как я тебе? — Ольга повернулась ко мне. — Джинсовый костюмчик сидел по фигуре, подчёркивал её длинные ноги и был ей удивительно к лицу.

— Тебе идёт, можешь взять поносить. Твои парни на курсах умрут от восторга.

— Ой, правда? Вот спасибо, — Ольга подпрыгнула от радости, — а то мне носить совсем нечего, у мамы опять зарплату задерживают. Везёт, у тебя столько нарядов.

— Ну, поработала бы ты на цветочках, тоже бы себе что-нибудь купила, да и маме бы помогла.

— Ну вот, ты меня упрекаешь, что я у мамы на шее сижу, — Оля села на диван и надулась.

— Я не упрекаю, а предлагаю тебе работу. Кстати, завтра воскресенье, у меня сменщица заболела. Можешь выйти вместо неё.

Ольга посмотрела на меня:

— Завтра? Выйти на рынок?

— А что здесь такого?

— Пойми, я не представляю, как буду стоять у всех на виду и торговать цветами. А вдруг кто увидит? Стыд какой!

— А как же я?

Меня неприятно поразил снобизм моей лучшей подруги. Не может быть, что она так думала на самом деле?!

— Так ты только деньги собираешь, а другие на тебя работают.

— Это сейчас только деньги собираю, как ты выразилась. А начинала я с того, что стояла за прилавком. Помнишь, я тебе рассказывала? Руки были исколоты до такой степени: не могла держать горячую чашку с чаем, а ноги распухали так, что могла носить только шлепанцы. Но мне никогда не приходило в голову мысль, что это стыдно. Стыдно сидеть без

копейки денег, а работать не стыдно.

— Ты обиделась на меня? — спросила Ольга, заглядывая мне в глаза.

— Нет, я не обиделась, я давно отучила себя обижаться. Я хочу тебе сказать, что в нашем возрасте надо начинать работать, как можно раньше. И чем раньше ты начнёшь — тем больше успехов ждёт тебя впереди. Я очень довольна тем, чего достигла: начала с самого низа, работала продавцом цветов на рынке, но прошла через это и смогла организовать так, что теперь уже другие работают под моим началом. Пройдёт ещё немного, и я начну другое дело, более интересное и выгодное. Посмотри, в этом году я только заканчиваю школу, а у меня уже есть своё дело.

— Как можно назвать это делом? Ты посмотри, с кем ты общаешься? — воскликнула уязвлённая Оля.

— Я общаюсь с нормальными людьми.

— Это рабочий класс, и ты опустилась до их уровня. Да и дружок твой уголовник.

Вот этого я уже не могла вынести.

— Да что ты понимаешь, сидя с учебниками под родительским колпаком?! — закричала я на неё. — Этот дружок-уголовник помог мне вернуть квартиру, а сейчас вкладывает деньги, чтобы я могла начать новое дело.

Я посмотрела на её испуганное лицо и, сбавив тон, добавила:

— Ты просто ещё глупая.

— Ах, я глупая?! Забери свой костюм, мне ничего не надо от тебя.

Оля стянула юбку и бросила мне в руки. Туда же последовал пиджак.

Я сложила одежду в пакет и направилась в коридор. Меня никто не провожал.

Я хлопнула дверью и понеслась вниз по лестнице пешком. «Лучшая подруга, называется, видеть её больше не хочу», — бормотала я, перепрыгивая через ступеньки.

Чарующие звуки ноктюрна Шопена встретили меня на пороге дома. «Какое счастье, что мама снова играет», — подумала я и тихо закрыла дверь. Мама продолжала играть: она не слышала моего прихода, а я села на стул в прихожей и стала слушать. Постепенно я почувствовала, что обида и гнев ушли, оставив место прощению и пониманию. Неизвестно сколько времени я могла так просидеть, но мама вышла в прихожую.

— Вика, что с тобой? — спросила она. — Я не слышала, как ты пришла. Почему ты сидишь здесь одна в темноте?

— Я слушала, как ты играешь.

— Ты плакала? — спросила она, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Нет, не знаю, — я подошла к зеркалу и вытерла следы потекшей туши. — Я расстроилась из-за того, что поссорилась с Ольгой.

Я вкратце передала маме наш разговор.

— Ты стала взрослой. Конечно, у тебя будут проблемы с одноклассниками. Они же ещё, в сущности, дети. Ты должна это понимать.

— Я понимаю, — вздохнула я. — Но Оля — моя лучшая подруга, и она осуждает меня за мою работу, а Сергея называет уголовником.

— Но, милая, он же действительно находится под следствием, и если ты уверена, что поступаешь правильно, то тебя не должны ранить её слова.

— Мам, а ты тоже осуждаешь меня? — спросила я хмуро.

— Нет, успокойся, — мама положила руку мне на плечо. — Но я бы тоже осуждала тебя

раньше. Сейчас я считаю, что родилась заново, и этой своей новой жизнью я обязана тебе. Я пересмотрела многие свои взгляды на жизнь, и сейчас отношусь к людям с большим пониманием и терпением. Нам всем свойственно ошибаться, и мы должны научиться не осуждать других людей. Я понимаю твоё отношение к Сергею и знаю как это важно для тебя. Судя по твоим рассказам, он не самый плохой человек на свете, и, конечно, я очень благодарна ему, что мы снова живем в нашей квартире.

— Спасибо, мам. Я не знала, что ты на моей стороне. Думала, что ты просто не хочешь расстраивать меня, поэтому и не высказываешь своего мнения.

— А когда будет суд?

— Уже на следующей неделе. А тех, кто смылся с деньгами так и не нашли.

— Ну, будем надеяться. А как Сергей держится?

— Знаешь, очень хорошо. Многие на его месте опустились бы, а он читает книги, делает гимнастику в камере, пытается следить за своим внешним видом, — с удовольствием сказала я.

— Значит, у него сильный характер. Возможно, это испытание ему нужно, чтобы что-то понять в жизни, произвести переоценку ценностей. Потом выйдет, будет жить по-другому.

— Вот и он говорит тоже самое.

— А ты постарайся не расстраиваться из-за необдуманных слов твоей подружки. Вот увидишь, завтра же она прибежит к тебе с извинениями.

— Я уже не сержусь на неё. А что ты сегодня делала? — спросила я, наблюдая за тем, как мама хлопочет у плиты, разогревая мне ужин.

— Я нашла двух учеников — мальчика восьми лет и девочку шести. Они такие милые, и у девочки хороший слух.

— Учеников? — переспросила я удивлённо. — Ты будешь заниматься с учениками? Ты же всегда считала это бесперспективным занятием.

— Я изменила своё мнение. Во-первых, я не могу больше выступать, а во-вторых, я хочу приносить пользу, а в-третьих, я просто не могу сидеть без дела, когда ты столько работаешь.

Меня порадовало, что мама возвращается к работе. Я с удовольствием посмотрела на неё и в который раз восхитилась ей красотой. Сейчас, после пережитой болезни, в её лице появилась одухотворённость и мудрость.

— Ты очень красивая, мамочка, — я подошла к ней и поцеловала её.

— Я тебе о работе, а ты... — сказала мама, но я видела, что ей приятны мои слова.

— Я очень рада, что ты будешь заниматься с детишками. Надеюсь, они тебя полюбят.

— Я тоже надеюсь, даже купила книжку, как учить детей. Ведь я ничего не знаю об этом.

Некоторое время мы молчали, а потом мама неожиданно сказала:

— Вика, я бы хотела съездить завтра на кладбище, к папе. Я же не была там с самых похорон. Я столько раз просила у него прощения, а теперь хочу это сделать там, на могилке. И ещё надо посадить цветы.

— Хорошо, можем завтра с утра поехать. Я скучаю без него.

— Я тоже, — сказала мама и закрыла лицо руками.

Всю ночь накануне суда я проворочалась с боку на бок, но сон пришёл лишь под утро. Противный дребезжащий звонок будильника возвестил о начале нового дня, тоскливого и серого. Накрапывал мелкий дождик, над городом нависло серое удушливое небо. Я вышла на балкон и посмотрела на монастырь. Если бы я умела молиться, то просила бы Бога помочь любимому.

— Вика, иди завтракать, — услышала я мамин голос.

Наливая кофе, я разбила чашку, бутерброды остались нетронутыми. Мама, подперев голову, грустно наблюдала за моими беспорядочными действиями.

— Вика, может, на метро поедешь?

— Зачем? — удивилась я.

— Ты машину сможешь вести?

— Вести машину я смогу в любом состоянии, — успокоила её я и пошла собираться.

Стоя перед зеркалом, я тщетно пыталась сделать гладкую причёску из своих непокорных кудрей, но у меня то падала расчёска, то разваливался пучок. В конце концов, мама не выдержала и причесала меня сама. Чёрный брючный костюм подчеркнул моё измученное лицо и синяки от бессонницы.

— Да не волнуйся ты так, — пыталась успокоить меня мама. — Давай я поеду с тобой?

— Нет, ты уже не успеешь собраться.

Я схватила ключи от машины и пошла к лифту: спускаться пешком не было сил. В довершение всего машина не хотела заводиться, а потом я не заметила светофора и проскочила на красный свет, лишь чудом избежав аварии. «Надо было ехать на метро», — мрачно подумала я, пытаясь сосредоточиться на дороге. В зал суда я попала одной из последних. Села в первом ряду, поближе к тому месту, где за барьером будет сидеть мой Серёжка. Когда его привели, он улыбнулся мне, но я даже не смогла выдавить из себя улыбки. Я не могла отвести от него глаз: он был здесь, совсем рядом, и в то же время в другом мире.

— Встать, суд идёт!

В зал набилось много народу, почти не было свободных мест. Судья зачитал обвинение истца, сына того алкоголика, который оказался в деревянном домике под Тулой, со смешной суммой денег в размере двухсот долларов вместо трёхкомнатной квартиры на Чистопрудном бульваре. Двое напарников Сергея после получения денег скрылись в неизвестном направлении. Квартиру перепродали гражданину Кошкину — маленькому пухлому человечку с бегающими глазками, который в случае расторжения договора должен получить свои деньги назад. Но цена квартиры в договоре, согласно оценке бюро технической инвентаризации, составляла двести сорок тысяч рублей, а Кошкин купил её по коммерческой стоимости, которая не соответствует оценке государством. Естественно, Кошкин, как и многие другие граждане, хотел сэкономить на комиссионных нотариусу и к

тому же не хотел показывать налоговой инспекции, откуда у него такая сумма денег, поэтому в договоре купли-продажи показал стоимость по справке. Таким образом, десятки тысяч долларов повисли в воздухе. Обстановка была крайне напряжённой. Свидетели давали показания, Иван Сергеевич чётко вёл линию защиты. Иногда мне казалось, что всё пропало, иногда, что Сергея отпустят, и мы вместе выйдем из этого мрачного здания.

Судья предоставил слово адвокату обвиняемого. Иван Сергеевич изложил свою версию. Согласно ей, Ковалёв Сергей был представлен неопытным маклером, который взялся продавать квартиру и попал. Два его напарника, они были названы, как директор и менеджер агентства, в которое пришёл работать бедняга Сергей, занимались квартирами, где собственниками являлись одинокие пьющие люди. Сергею поручили добиться от хозяина согласия обменять квартиру на коттедж в Тульской губернии с доплатой, которой должно хватить до конца его дней. Сергей работал за вознаграждение в размере трёхсот долларов, никаких договоров не читал и то, что коттедж оказался развалившимся домом без удобств понятия не имел.

Мой любимый сидел, опустив глаза, всем своим видом выражая смирение и раскаяние. Только иногда, когда был уверен, что на него никто не смотрит, бросал на меня насмешливый взгляд, как бы спрашивая: «Ну, как спектакль?».

Когда ему дали слово, он встал и тихим бесцветным голосом подтвердил, что совсем недавно начал заниматься продажей недвижимости и понятия не имел, кто получил деньги. Его задача заключалась в том, чтобы уговорить хозяина подписать какие-то бумаги, а какие именно, Сергей не вникал. За работу получил обещанные триста долларов. Слушая его, я с трудом удержалась от смеха, вспомнив новенький Мерседес и ужины в дорогих ресторанах.

Судья объявил перерыв, и суд удалился на совещание. Я пробилась к Ивану Сергеевичу.

— Вы были великолепны, как всегда, — сказала я в полном восхищении.

— А ты плохо выглядишь, — он обнял меня за плечи. — Пойдём в буфет, выпьем кофе, а то ещё в обморок упадёшь.

— Его выпустят? — спросила я, когда мы уселись за столик.

— Тише, — Венский обеспокоенно посмотрел по сторонам. — Совсем не выпустят, но если будет так, как я предполагаю, дадут года два.

— Два года! — вскрикнула я. — Этого не может быть?!

— Что такое два года в вашем возрасте?! Считай, его в армию забрали.

«Я умру за два года», — мрачно подумала я, внезапно осознав, какой глупой оптимисткой я была, надеясь выйти с ним под руку из здания суда.

— Ну же, Вика, перестань, — Иван Сергеевич не отрывал от меня внимательных глаз. — За два года многое в твоей жизни может измениться.

Я понимала, он намекал на то, что я могу встретить кого-нибудь и забыть Серёжку.

С замиранием сердца я слушала слова судьи: «Суд приговаривает Ковалёва Сергея Ивановича к двум годам лишения свободы в колонии общего режима».

«Вот и конец надеждам», — подумала я и подняла на Сергея глаза, в его взгляде была странная покорность. Он долго смотрел на меня, видимо прощаясь, пока его не увели. Люди медленно расходились, а я всё сидела в кресле, пытаюсь смириться с тем, что я должна жить

дальше, а Сергей будет в тюрьме. А кто знает, что будет через два года? Я никогда не пыталась заглянуть в будущее. Тут за последний год столько всего случилось.

Иван Сергеевич сел рядом со мной, положив свою тёплую ладонь на мою руку, сжимавшую подлокотник кресла.

— Вика, я сделал всё что мог, но его не могли отпустить.

— Я знаю.

— Два года пройдут быстро, если ты будешь его ждать, — продолжал Иван Сергеевич. — Только вот стоит ли. Тебе ещё так мало лет, а он вернётся оттуда злым на весь мир, а тебе нужен хороший светлый мальчик, вроде тебя самой. Я уже говорил тебе, что не хотел бы, чтобы моя дочь была на твоём месте, но почему-то хотел бы, чтобы она походила на тебя.

— Спасибо, — я через силу улыбнулась.

— Ты заслуживаешь лучшей судьбы, помни об этом, — он вздохнул и поднялся. — Пойдём, хватит уже здесь сидеть.

Дома я долго принимала горячую ванну, слёз не было, но отчаяние держало в тисках, словно в тюрьму посадили меня. Я не знала, как прожить без любимого эти два года. Если бы можно было заснуть и не думать, не вспоминать наши встречи, не тревожиться о нём. Мама несколько раз подходила к двери и заговаривала, видимо, боялась за меня. Когда я вышла и легла на диван, мама села рядом:

— Что мне сделать для тебя?

А что тут можно сделать?! Мне никто не поможет, кроме меня самой. Надо учиться жить без него. Быть сильной, как говорил папа. «Девочки с именем Виктория никогда не сдаются»

Сегодня можно повалиться, а завтра с утра на работу, вечером за учебники, на ночь пробежка вокруг озера. Если я забью делами все свои дни, время пройдет быстро, и он вернется. Мой взгляд коснулся рояля.

— Мамуль, можешь мне поиграть?

— Конечно. Что ты хочешь услышать? — спросила мама.

— Начни с Бетховена. Он хорошо на меня действует.

— Патетическая соната?

— Было бы чудесно.

Дни летели так быстро, что я не заметила, как наступил июнь и начались выпускные экзамены. Я с трудом успевала штудировать учебники, готовить кафе к открытию, да ещё иногда ездить за цветами в совхоз. Спала я не больше шести часов в сутки, но чувствовала себя удивительно бодро: дела шли хорошо. Мама занималась с учениками. Смешные мальчики и девочки приходили к нам домой, с благоговением подходили к роялю и извлекали ужасные, как мне казалось звуки, но мама называла их способными и гордилась их успехами. Я была рада, что она занята делом, вид у неё был довольный, она много занималась самостоятельно, отрабатывая технику, видимо, всё-таки не оставляла мечты вернуться к выступлениям, хотя никогда не заговаривала об этом.

Наши отношения стали ещё теплее: мама стала моей лучшей подругой. Не самую

последнюю роль сыграло то, что она была единственным человеком, кто не отговаривал меня ждать Сергея, и я была ей очень признательна. Сергея отправили из Москвы в Архангельскую область и теперь, лишённая возможности его видеть, я жила только письмами. Он с юмором описывал жизнь заключённых, и о его тоске я лишь могла догадаться между строк. Какими смешными теперь мне казались мысли, что я никогда не полюблю. Я полюбила, но судьбе было угодно разлучить меня с любимым, да и само чувство требовало проверки на прочность. Из всех сил я старалась гнать плохие мысли из головы и занималась делом по шестнадцать часов в сутки.

Свободного времени не было, и как-то раз Андрей сказал:

— Слушай, возьми, наконец, выходной. Сходи куда-нибудь, развлекись.

Я в это время изучала журнал, пытаюсь определиться с ценами на продукты и спиртное для кафе. Я недовольно подняла глаза на Андрея:

— Лучше вы сходите с Ленкой в театр, а я не хочу. Работа для меня лучший вид отдыха.

— Вика, — Андрей взгромоздился на мой стол и вырвал журнал из рук, — тебе всего семнадцать. Тебе нужно гулять, ходить на дискотеки, встречаться с молодыми людьми. А ты превратила свою жизнь в кошмар. Почему ты отказываешься от приглашений? Сейчас у тебя есть такая возможность, а ты сидишь здесь или дома за учебниками. Неужели тебе никто не нравится?

— Нет, — грустно покачала я головой. — Боюсь, я стала непригодна для общения. А, может быть, дело в том, что я уже выросла из возраста, когда интересно ходить на свидания и зажиматься по углам. Я этим занималась, когда мне было четырнадцать. К тому же действительно всё это, — я обвела взглядом кафе — надо закончить к выпускному вечеру. Я не могу подвести людей.

— Вика, не обманывай себя. Я же знаю, что ты ждёшь его. Пойми, ты ему уже ничего не должна, ты ему помогла, поддержала. Теперь всё!

— Андрей, это моё дело, и я не нуждаюсь в советах.

Андрей ушёл, не попрощавшись. Обиделся. Ну и пусть. До завтра пройдёт. Я закурила сигарету и прошлась по помещению. Аккуратные столики, покрытые синими скатертями, и стойка бара с высокими табуретами выглядели достаточно уютно, а, подняв голову вверх можно было увидеть небо и звёзды, конечно не настоящие, а нарисованные на потолке. На белых стенах морские пейзажи, в центре зала большой аквариум с рыбками, но главным украшением были пальмы. Настоящие, в кадках. Они напоминали мне о юге. Вместо пепельниц я планировала поставить раковины, посуду заказали в морском стиле.

Я тщательно разработала меню для выпускного вечера, нашла ансамбль и придумала конкурсы, в том числе и тот, где выбирали королеву бала. Диск-жокеем согласился быть Андрей. Когда-то он работал на дискотеках, пока ревнивая Лена не поставила его перед вечным выбором: дискотеки или она. Развлекательную программу я взяла на себя, ну и, конечно, купила чёрное платье. Как жаль, что всё это не сможет видеть Сергей, с его обаянием и красотой он покорила бы всех девчонок, но танцевал бы только со мной. «Как бы мне все завидовали, а Вадик бы просто лопнул от злости», — подумала я и улыбнулась.

И вот настал день нашего выпускного. Я ужасно волновалась: сама церемония вручения аттестатов меня мало волновала, я только и думала, как пройдет открытие нашего кафе, понравится ли ребятам, все ли будет в порядке, хватит ли напитков и еды. Лена и Андрей успокаивали меня как могли и, в конце концов, после очередного созвона, я начала собираться.

— А вот и обещанный сюрприз, — сказала я и появилась перед мамой в чёрном платье на тонких плечиках с высоким разрезом сбоку, открывающим при ходьбе ноги почти до бедра.

— Боже мой! — охнула мама. — Неужели ты собираешься пойти в этом платье? Вовсе неудивительно, что ты не хотела мне его показывать.

— И не думай заставлять меня переодеваться, другого всё равно нет, — улыбнулась я. — Посмотри, разве плохо сидит? — я прошла лёгкой походкой на высоких шпильках до двери и повернулась. — Ну?

— Сидит хорошо, даже слишком. Но это не выпускное платье. Так можно пойти... — мама задумалась. Видимо вариантов, куда можно пойти в таком виде было не много.

— В ресторан? — подсказала я.

— Наверно, — согласилась она, не отрывая глаз от моего разреза.

— Замечательно, — бодро сказала я. — Значит, для кафе оно подходит, а учителя пусть понервничают, двойку за поведение уже не поставят.

Мама ходила вокруг меня, пытаясь привыкнуть к моему виду, и вздыхала. А я, тем временем, залюбовалась её зелёным платьем, которое ей очень шло. Мама выглядела очень хорошо, волосы уложены в высокую причёску, глаза, лишь немного подчёркнутые косметикой, сияли. Никто бы не подумал, что ещё несколько месяцев назад её единственной мыслью было покончить с собой.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я. — Может, ты тоже сделаешь мне комплимент? — я шутливо присела в реверансе.

— Ты всегда была необычной девочкой, — вздохнула мама. — Ты очень красивая, но выглядишь вызывающе. Думаю, в школе все будут на тебя смотреть, и твоё платье станет предметом всеобщего обсуждения.

— Это именно то, чего я и добиваюсь, — сказала я.

— Уверена, ты достигнешь своей цели. Впрочем, как всегда, — засмеялась мама.

В школу мы безнадёжно опоздали — торжественная часть уже началась, и мы тихо и незаметно сели на предпоследний ряд. Выступал директор нашей школы — Александр Иванович, маленький седенький человечек, одетый в строгий чёрный костюм, который делал его ещё меньше и старше. Актёрный зал был заполнен выпускниками и родителями. Везде виднелись розовые, голубые, белые и всяких других нежных оттенков платья выпускниц и строгие костюмы наших мальчиков. Директор говорил те общие фразы, к которым никогда не прислушиваешься, как вдруг моё внимание привлекли его следующие

слова:

— У нас принято сначала поздравлять медалистов, как самых лучших и достойных, но сегодня мне бы хотелось нарушить эту традицию и вызвать на сцену девушку, чьи успехи мне бы хотелось отметить особенно. Её судьба сложилась так, что к десятому классу она была вынуждена уйти из школы и начать работать, но ей удалось совместить работу и учёбу. Наша выпускница смогла самостоятельно пройти весь курс десятого класса и сдать экзамены на четыре и пять. — Директор сделал паузу, в зале стало тихо. — Для торжественного вручения аттестата приглашается ученица десятого «А» класса Алябьева Виктория.

Услышав свою фамилию, я от неожиданности вцепилась в кресло. Да разве я могла подумать, что буду первой, кого, вызовут? Мама толкнула меня локтем.

— Вика, иди.

Я встала и, расправив плечи, гордой походкой направилась на сцену. Пока я шла по проходу, в зале шептались. Слегка взволнованная, я подошла к директору. Александр Иванович смотрел на меня в упор, всеми силами пытаюсь скрыть нахлынувшие на него эмоции при виде столь оригинального выпускного наряда. Я улыбнулась ему. К моему удивлению, он не просто пожал мне руку, а ещё и поцеловал в щёку, а в микрофон пошутил:

— Забыл добавить, что ко всем прочим достоинствам, Виктория ещё и красавица.

В зале раздались робкие аплодисменты, Александр Иванович сунул мне микрофон, чтобы я сказала несколько слов.

Я была совершенно не готова к публичному выступлению, поэтому молча стояла с микрофоном и смотрела в зал. Взглядом я нашла маму, и она чуть заметно кивнула мне. Неожиданно страх прошёл. Почему бы мне и не сказать несколько слов моим бывшим однокашникам?

— За этот год я прошла длинный путь и поняла, что чем больше делаешь, тем больше успеваешь. А ещё никогда нельзя сдаваться и опускать руки, каждая неудача это лишь ещё одна ступенька к победе, нужно идти вперёд и верить в себя, даже если никто в тебя не верит. У меня получилось, вы тоже можете попробовать.

В зале раздались аплодисменты и вдруг, совсем близко, во втором ряду, я увидела Вадика: он пожирал меня глазами. «Один ноль в мою пользу, — подумала я. — Ты назвал меня самовлюблённой эгоисткой, другие думают иначе». Директор вручил мне аттестат, и пока я шла через зал, то чувствовала, что на меня снова все смотрят. Только теперь меня это не волновало.

Смотрите! Это мой праздник, моя победа, и я могу себе позволить отличаться от других.

Когда я села на место мама шепнула:

— Я горжусь тобой.

Я улыбнулась ей и стала наблюдать за продолжением вечера. Ольга чудесно выглядела в своём розовом воздушном платье с широкой юбкой. Как нарядная бабочка, вспорхнула она на сцену и смущённо убежала. После нашей ссоры мы так больше и не разговаривали и, скорее всего, наши пути уже разошлись. Многие девчонки были красивы, а ребята выглядели взрослее в своих деловых костюмах вместо надоевшей школьной формы. Услышав фамилию Вадика, я вздрогнула и уставилась на сцену. Его походке не хватало уверенности, а костюм был чуть-чуть великоват. А в остальном он был несказанно хорош.

— Никогда не могла понять, что ты в нём нашла? — сказала мне мама, наблюдая за Вадиком.

— Я уже это потеряла, — ответила я ей в тон, хотя в душе не могла себе признаться, что он мне полностью безразличен. Остались теплота и нежность. Ко всему этому примешивалась сожаление, что нам больше не быть друзьями.

Не дожидаясь окончания, я побежала в кафе, чтобы убедиться, что все готово. Принаряженные Андрей и Лена носились между столиками, поправляя то бокалы, то тарелки. Увидев меня, Лена бросилась ко мне:

— Тебя можно поздравить с окончанием школы?

— Поздравляйте, — я скинула лёгкий плащик.

Увидев моё платье, ребята открыли рты и воцарилось молчание. Первым пришёл в себя Андрей:

— Ничего себе выпускница, — высказался он.

— Да, — протянула Ленка. — А ну-ка, пройдишь, — попросила она.

Я попыталась скопировать походку манекенщиц и прошла, покачивая бёдрами.

— Класс, одобряю, — сказала Лена. — Но это же какая смелость нужна, чтобы в таком виде прийти в школу. Слушайте, давайте выпьем. Я без ума от нашей Вики.

Андрей притащил шампанское, и мы выпили за успешное окончание школы.

Минут через сорок пришли мои одноклассники вместе с нашей классной дамой и ещё двумя учителями. Я рассаживала ребят за столики, ансамбль готовился к выступлению. Два длинноволосых парня, и девушка Настя настраивали инструменты, что-то тихонько наигрывая. Пели они замечательно, я слышала их в одном кафе, и большой удачей было уговорить их выступить у нас. Всё это время я чувствовала тоскливый взгляд Вадика, но делала вид, что не замечаю. Что было, то прошло. Ольга сидела, не поднимая на меня глаз, и я поняла, что она не хочет со мной разговаривать. Наверно, ей было стыдно за свои слова. Когда я убедилась, что все усажены, а шампанское и лёгкие закуски поданы, направилась к небольшому возвышению, которое можно было назвать сценой. Взяла микрофон.

— Дорогие друзья! Я рада приветствовать вас в нашем кафе. Сегодня наш первый день, и мы надеемся, что вам здесь понравится. Мы будем пить шампанское, танцевать и всю ночь с нами будет замечательная группа «Ребята с нашего двора». Ещё я предлагаю избрать тайным голосованием королеву нашего бала. Каждый из вас напишет на листочке имя и фамилию девушки, которую считают самой красивой сегодня, а мы подсчитаем голоса и объявим победительницу, которая получит специальный приз нашего кафе. Эта девушка выбирает себе принца из всех присутствующих и приглашает его на танец. Конкурс шуточный, у нас все девушки красавицы. Итак, начинаем веселиться.

Ансамбль заиграл весёлую мелодию, в зале захлопали пробки шампанского, а я с большим удовольствием удалилась в подсобку, чтобы перевести дух и выкурить сигаретку.

— Ну что, нелегка твоя доля? — пошутил Андрей.

— Я и не думала, что так тяжело выступать на сцене. Не понимаю, почему в театральный такой конкурс?! Коробки с цветами таскать легче.

— Бедняга, — Лена провела салфеткой по моему лбу.

После подсчёта голосов выяснилось, что самой красивой девушкой оказалась моя подруга Ольга, и я порадовалась за неё. В розовом платье, с уложенными волосами, она казалась девушкой из восемнадцатого века.

Андрей вышел на сцену.

— Дамы и господа! С радостью сообщаю, что королевой нашего бала избрана, — он сделал интригующую паузу: — Головлёва Ольга. Ольга, прошу на сцену.

Смущение и замешательство отразилось на Ольгином красивом личике, она всегда была очень застенчива и боялась выходить даже к доске. Уютнее всего она чувствовала себя лишь в каком-нибудь укромном уголке, где на неё никто не обращал внимания. Этого её феномена я никогда не могла понять. Казалось бы, кому как не ей, быть на виду и упиваться успехом?! Вот и сейчас, она явно не хотела выходить на сцену, но ребята вытолкали её из-за стола, несмотря на протесты. Вся красная от пристального внимания, она подошла к Андрею, который поцеловал ей руку и сообщил в микрофон:

— О боже, я погиб!

Ольга ещё больше смутилась, а я вынесла ей большой букет цветов и плюшевого медведя — обещанные подарки от кафе. Но, лучше подарков было, конечно, осознание факта, что сами ребята признали её красоту. Раскрасневшаяся и довольная, она стояла рядом с Андреем, который продолжал острить:

— Очаровательная Ольга, вы должны выбрать кого-нибудь из присутствующих здесь молодых людей и пригласить его на танец. К сожалению, я не участвую в конкурсе, но, — он приложил руку к груди, — моё сердце разбито навеки.

Мы с Ленкой наблюдали сбоку за происходящим, после его слов она зашипела мне на ухо:

— Вот козёл! Ну, я покажу ему разбитое сердце, пусть только слезет со сцены.

Я засмеялась.

Заиграла медленная музыка, настало время выбора прекрасного принца. Мне было интересно кого она выберет. Несколько секунд она внимательно рассматривала столики, а потом уверенно пошла и пригласила... Вадика. Мне не было видно выражение его лица, но, видимо, он отказывался, потому что Андрей сказал в микрофон:

— Молодой человек, вы не имеете права отказать королеве. Пожалуйста на сцену.

Вадик нехотя поднялся и пошёл. Всё это ему явно не нравилось. «Зачем она это сделала? — думала я. — Хотела отомстить мне или он ей давно нравился? Не может быть, чтобы всё это время она скрывала от меня своё чувство?»

Я наблюдала за ними: Вадик посматривал по сторонам, не обращая внимания на королеву. Да, на юге мы танцевали тесно прижавшись друг к другу.

— Смотри, подруга твоя какого парня выбрала, — сказала Лена. — Губа не дура. Красивая пара.

— Да это же Вадик, я тебе о нём рассказывала. Мы с ним на юг ездили, а потом цветы продавали. Помнишь?

— Так это твой, так сказать, первый? — удивилась Лена.

— Да, первый, — вздохнула я. — Да не последний, к счастью.

— Да он же красавец, я бы с ним...

— Что ты бы с ним? — неожиданно послышался голос Андрея сзади.

— Да ты, вообще, уйди, маньяк. Видела я, как ты на эту королеву малолетнюю смотрел!

— Какая же она малолетняя, она уже школу закончила. А ты тоже хороша, про кого сейчас говорила, а?

— Перестаньте! Вы как дети, — не выдержала я. — Давайте лучше делом займёмся.

— Может, ты лучше пойдёшь к ребятам? Это же твой праздник, — предложила Лена.

— Лучше я останусь с Вами. Я даже не знаю, о чем с ними говорить.

— Давайте тогда хоть шампанское откроем, — предложил Андрей.

Так, в деловых хлопотах, и проходил мой выпускной, пока Андрей не сказал, что меня спрашивает Вадик.

— Что ты хочешь? — спросила я, выходя к нему.

— Можно пригласить тебя на танец, — его глаза умоляюще смотрели на меня.

— Извини, я занята. И, вообще, ты не имеешь права танцевать ни с кем кроме Ольги, — шутливо добавила я.

— Я прошу тебя: один танец...

К нам подошла Лена.

— Есть проблемы? — спросила она меня.

— Я объясняю Вадике, что мне некогда танцевать.

— Конечно, иди. Я здесь и одна управлюсь, это же твой праздник, — она вытолкала нас в зал.

Вадик положил мне руки на талию.

— Помнишь, как мы танцевали на юге? — спросил он.

— Только над нами были звёзды, — ответила я.

— Сейчас над нами тоже звёзды, — он показал на потолок.

— Да, только те звёзды были настоящими, да и мы были другими. С тех пор целый год прошёл.

— Я всё тот же, это ты изменилась, — он чуть-чуть отстранился, чтобы посмотреть мне в глаза. — Тебя все хвалят: ты школу закончила, маму из больницы вытащила, кафе открыла, даже этот праздник и то ты устроила. Кстати, как цветочный бизнес?

— Всё хорошо. Несколько торговых точек на разных станциях метро, двенадцать продавцов, свой офис, водитель, — сказала я с гордостью.

Нельзя сказать, что моё сообщение его порадовало, Вадик загрустил ещё больше. И тогда я решила добить его ещё больше.

— А помнишь, Вадик, мы начинали с тобой вместе, только ты тогда испугался и бросил, а я осталась. Мне было нелегко, я была совсем одна, но справилась. Я до сих пор помню эту ночь, когда мы с тобой поссорились. Знаешь, куда я пошла? На вокзал. Бросила вещи в камеру хранения, а потом каталась на такси по ночной Москве. Тогда я решила, что не сдамся, добьюсь своего любой ценой. И добилась. Даже школу закончила. А ты боялся остаться за прилавком на всю жизнь без образования!

Мне было приятно поставить его на место.

— Я не знаю, как объяснить тебе, что тогда произошло. Я же хотел как лучше. Я искал тебя, но ты исчезла.

— Не очень-то ты искал. Я была все там же, на рынке, и если бы ты хотел, ты мог найти меня в любой день. Когда ты вернулся в школу, мне пришлось работать без выходных.

— Я не догадался, — пробормотал Вадик.

— Да ладно тебе. Ты просто боялся, что у тебя будут неприятности! Ты оказался не готов к такой жизни, — заключила я.

— Ты можешь мне не верить, но я до сих пор люблю тебя, — вдруг сказал он.

— Не надо о любви. Ты ещё не созрел для этого, ты просто играл в любовь, когда тебе это было приятно, а когда появилась ответственность, испугался. Школа закончилась, я перестану попадаться тебе на глаза, и ты всё забудешь.

Только тут я заметила, что музыка стихла, а мы всё ещё стоим в центре зала.

— А знаешь, я всё равно бы от тебя ушла!

— Почему?

— Я никогда не любила тебя по-настоящему.

В его глазах отразилась боль, но я не ощутила жалости, я сказала правду.

Оставшись одна, я выскочила из кафе и прикрыла дверь. Светало. Я пошла вдоль набережной: мне захотелось увидеть восход солнца. Дул свежий прохладный ветер, мне было немного грустно, но я знала, что поступила правильно. Моё сердце уже давно отдано другому, и Вадику лучше не питать надежды. Я не знала, что ждет меня дальше, но будущее не пугало меня, я была уверена, что все будет хорошо, так или иначе. Девочки с именем Виктория рождаются, чтобы побеждать. Папа гордился бы мной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net